

62

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ
И КУЛЬТУРЫ

V - VI

ПРАГА

1927

6-ой год издания.

6-ой год издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1927 ГОД
на ежемесячный журнал политики и культуры

„ВОЛЯ РОССИИ“

под редакцией В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и
В. В. Сухомлина.

В каждом номере «ВОЛИ РОССИИ»: Рассказы, повести, стихотворения. Переводы выдающихся произведений западно-европейской литературы. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематические обзоры жизни Советской России. Проблемы современной культуры. Жизнь славянства. Статьи иностранных авторов по вопросам международной политики. Литературные отклики. Обзоры новых книг и журналов. Библиография.

За 1926 год в журнале были помещены произведения следующих русских авторов: Аноним (Россия), Б. Аратов, В. Архангельский, К. Бальмонт (Париж), Н. Безпалов, П. Булатов, Д. Вяткин (Россия), С. Верещак, Н. Воронович (Варшава), Е. Зноско - Боровский (Париж), проф. А. Герш (Женева), Д. Ивицкая (Россия), З. Кочеткова (Брюссель), А. Коршунов (София), П. Климушкин, К. Кочаровский, И. Калинин, Е. Лазарев, Л. Леонов (Россия), Вл. Лебедев, проф. И. И. Лапшин, Б. де Люнель (Россия), Д. Лутохин, Н. Мельникова - Папоушек, П. Милославский, Е. Недзельский, И. Нечитайлов (Загреб), С. Новиков (Белград), Невидимцев, Б. Нерадов (Россия), П. Орлушин, С. Постников, А. Пешехонов, А. Ремизов (Париж), Ф. Репейников, С. Раппопорт (Лондон), Н. Русанов (Ницца), Л. Россель, Н. Рубакин (Лозанна), М. Слоним, Е. Сталинский, В. Сухомлин, В. Тукалевский, Г. Фальчиков, Г. Шрейдер, М. Цветаева, А. Цаликов, В. Чернов, Ю. Данилов (Париж), проф. Ульянов (Лозанна).

Кроме того, были помещены следующие специально для «Воли России» написанные статьи иностранных авторов: Рудольф Брейтшейд (Германия), Ван-Чу-Фу (Китай), Шарль Вильдрак (Франция), Тадеуш Голувко (Польша), Гануш Елинек (Чехословакия), Бласко Ибаньес (Испания), Рихард Линстром (Швеция), Альсинг Андерсен (Дания), Рамзей Макдональд (Англия), Александр Олар (Франция), Сант Яго (Испания), Коста Тодоров (Болгария), Альбер Тота (Швейцария), Свентаржицкий (Финляндия), Генрих Штребель (Германия), Дживанни Зиборди (Италия), А. Хондокарян (Армения), С. Янниос (Греция) и др.

Произведения следующих иностранных авторов были помещены в переводе с их согласия или согласия издателей: Г. Апполлинер (Франция), В. Вавчура (Чехословакия), Э. Бенеш (Чехословакия), Ю. Волькер (Чехословакия), О. Бржезиня (Чехословакия), Т. Масарик (Чехословакия), М. Пруст (Франция), Я. Папоушек (Чехословакия), М. Эбергард (Франция).

Цена настоящего номера: Во всех странах Европы — 30 цент.
В Америке, Китае и Японии — 80 центов.

Адрес редакции и конторы:

«VOLJA ROSSII», Uhelny trh I, PRAGUE Tchécoslovaquie.

ЦЕНА НАСТОЯЩЕГО ДВОЙНОГО НОМЕРА

Во всех странах Европы	— 80 цент.
В Америке, Китае и Японии	— 1 долл.

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

под редакцией

В. И. ЛЕБЕДЕВА, М. Л. СЛОНИМА,

Е. А. СТАЛИНСКОГО И В. В. СУХОМЛИНА

6-ой ГОД ИЗДАНИЯ

V-VI

ПРАГА

PLANA, UHELNÝ TRH CÍV 1

СОДЕРЖАНИЕ

Марина Цветаева. Твоя смерть	3
Алексей Айснер. Две поэмы	28
Б. Сосинский. Махно (три рассказа)	32
Иван Марков. Как произошла революция	54
В. Вальтер. Механизация искусства	87
Н. Ф. Мельникова - Папоушек. Е. Б. Вахтангов	103
Марк Слоним. Литературный дневник	114
Н. Жордания. К вопросу об индустриализации	131
Я. Лозовой. К итогам землеустройства	141
В. В. Сухомлин. Разрыв англо - советских отношений	155
Славянский обзор:	
А. Пражак. Словаки и Россия	167
Bohemica и rossica в польских журналах за 1926 г.	176
Иностранная жизнь:	
Фр. Адлер. Избирательная победа социалистов в Австрии	180
Лев Винтер. Новый режим в Чехословацкой республике	189
А. Оббов. Перед светлым будущим	197
Социализм и рабочее движение:	
В. В. Европейские социалисты о коалиции с буржуазной демократией	202
Меморандум социалистического и профессионального интернационала международной экономической конференции	211
Среди книг и журналов:	
С. Постников. О молодой эмигрантской литературе	215
А. Елачич. Хорватский путешественник о России	226
Отзывы о книгах	229

ТВОЯ СМЕРТЬ

Каждая смерть, даже из самого ряда выхождения выходящая, — о твоей говорю, Райнер, неизменно оказывается в ряду других смертей, между последней до и первой после.

Никто никогда не стоял над гробом без примысла: «Над кем последним так стоял? Над кем первым встану»? Таким путем создается между твоими умершими, личными умершими, известная связь, существующая только в данном сознании, в каждом данном разная. Так, в моем сознании ты предстал Неведомому между А и В, в сознании другого, тебя потерявшего, между С и D и т. д. Сумма наших осознаний и есть твое окружение.

Теперь о роде этой связи. В худшем, в частом случае, связь внешняя, местная, порядковая, чтобы все сказать — житейская, чтобы еще в с е е сказать — кладбищенская, по случайности соседства номеров и могил. Связь бессмысленная, посему не связь.

Пример. Между X и У при жизни не было никакой. Нет и в смерти, если не считать самой смерти, как тогда — жизни. Для породнения и того и другого мало. Такой гроб из нашего могильного ряда выпадет, ряд сожмется на двух, значущих для нас, могилах. Таким отбором и создается ряд наших смертей и наша смерть. Только об этих, и слагающих нашу собственную смерть, смертях и буду говорить, говоря о связи.

Каждая смерть возвращает нас в каждую. Каждый умерший возвращает нам всех до него и нас — им. Не

умирали бы последующие, мы бы, рано или поздно, забыли первых. Так от гроба к гробу — круговая порука нашей верности мертвым. Некое посмертное сосуществование в памяти: ряде своих могил. Ибо все наши умершие, лежи они в Москве, на Новодевичьем, или в Тунисе, или еще где, для нас, для каждого из нас, лежат на одном кладбище — в нас, со временем в одной братской могиле. Нашей. Многие в одной и один во многих похоронен. Там, где сходятся твоя первая могила и последняя — на твоём собственном камне, — ряд смыкается в круг. Не только земля (жизнь), но и смерть кругла.

Через наши уста, целующие, роднятся, подаются друг другу руки, целуемые. Через их руки, целуемые, роднятся, тянутся друг к другу уста, целующие. Круговая порука бессмертия.

Так, Райнер, ты породнил меня со всеми, тебя потерявшими, как я, в ответ породнила тебя со всеми, когда-либо мною потерянными, и ближе всех — с двумя.

Как по волнам несет нас смерть по холмам могил — в Жизнь.

Твоя смерть, Райнер, в моей жизни растроилась, разошлась на три. Одна твою во мне готовила, другая заключала. Одна предзвучие, другая позвучие. Несколько отступив во времени — трезвучие. Твоя смерть, Райнер, — говорю уже из будущего — дана была мне, как триединство.

MADEMOISELLE JEANNE ROBERT

— Ну, Аля, как было у француженки?

— Мама! Чудно! А самое чудное, что мы пришли, потому что если бы мы не пришли, было бы из всех детей только двое, две девочки — одна взрослая, а другая азбучная. И она бы даром готовилась и готовила.

А Вы знаете — я так была удивлена — у нее чудная квартира: лестница мраморная, в коврах, с полированными перилами, с медными звонками какими то... По такой лестнице и ходить приятно, но, конечно, не ей, потому что седьмой французский этаж, а ей, наверное, уже семьдесят.

Внутри чудно: картины, зеркала, и на каминах, всюду — воспоминания: плетеные, вязаные, всякие, и все с надписями. От учеников и учениц. А книг, мама! Целые стены! И все больше о Роланде, *Quatre fils d'Aymon* — такие. А самое чудное: два рояля, в одной комнате. Именно потому, что она такая бедная — чудно. Потому что если бы у богатого, ясно. Просто всего помногу: салфеток, ножей... Вот взял и купил себе сразу два рояля, и еще два куплю. А у мадмуазель совершенно непонятно. И совершенно ясно: от любви. (Мама, у меня сейчас странная мысль: а вдруг она по ночам вырастает в огромную, и одна, без всякого труда, на двух роялях? Одна — на двух роялях — в четыре руки?).

И страшный холод. Два камина горят, а точно на улице.

— Ты расскажи все по порядку. С самого начала, как только пришли.

— Как только пришли, нас с Леликом сразу засадили за огромную старинную книгу о Париже. Потом начались звонки и стали прибывать разные прежние ученицы в меховых шубах, от семнадцати до сорока лет. И некоторые матери. У мадмуазель был вид встревоженный и она все время бегала с чашками на кухню, и я ей немножко помогала. Да! мама, как чудно, что я все-таки не обменяла той коробки — помните, Вы говорили: важны конфеты, а не коробка. Нет, мама, и коробка важна — на Рождество. Конфеты в коробке — подарок, просто-конфеты — просто конфеты. И коробка всегда же останется — для писем, ленточек, всякого. Она так обрадовалась и уж хотела было ее подавать, но я упростила оставить на дорогу, потому что она завтра едет в деревню к сестрам. А Лелик ей привез апельсины и яблоки,

при чем тщетно в лавке пытался ей купить сюсеток. Он говорил, что на десять франков выйдет очень много. Но его мама не позволила. Апельсины она подала, а яблоки оставила — тоже сестрам, наверное. Вот и поедет с подарками.

Мама, она наверное очень бедная, еще беднее, чем мы думали, наверное все уходит на квартиру и на сестер, — потому что кроме пти-беров из угощения ничего не было. И какао и чай — на выбор. Ей помогала какая то молодая кузина, тоже в меховом. А сама она была в своем вечном черном, с той же бархаткой на шее, а на бархатке иконка с Жанной д'Арк, серебряная — знаете? Она наверное, как Вы, считает, что неудобно хозяйке быть нарядной, раз ее дом, а, может быть, ничего другого и нету, я, по крайней мере, никогда ничего кроме того черного на ней. . . .

— Ну, а потом как было?

— Потом к нам присоединилось какое то толстое существо, которое я, было, приняла за девочку, но девочка оказалась с напудренным лицом и накрашенными губами, и я уже не знала, что думать. На всякий случай, мы решили его (существо) развлечь игрой в мнения и развлекли так, что через пять минут оно исчезло, наверное потому, что маленькая девочка — азбучная — один раз сказала про нее: *boule de graisse*, а другой *boule de viande* — да и мы не отставали. А потом сделалось темно и мадмуазель нам показала Эйфелеву башню, такую же далекую или близкую, как от нас. Как всегда отовсюду.

Мама, мне страшно хотелось есть, но я удерживалась и съела всего один пти-бер. И Лелик один. А та маленькая девочка все остальные.

Потом мы стали собираться домой, но мадмуазель ни за что не пускала, потому что еще не танцевали. Мы с Леликом думали, что будем смотреть, но оказалось, что сами должны танцевать.

— Как же ты танцевала?

— А так, как мне показывали. Мадмуазель очень хорошо танцует, очень легко, но, конечно, те танцы, преж-

ние. А Лелик, увидев, что танцуют не венгерку, насупился и объявил, что у него кружится голова. Но она с ним все-таки протанцевала. Она со всеми танцевала и страшно устала. Да! самое главное. Над диваном, в гостиной, она — молодая. Она лежит в траве и читает книгу, а рядом с ней яблоки. В розовом платье, оборчатом, — очень хорошенькая. И тоже худая, только сейчас от старости, а тогда от молодости. — И нос вырос. — Это ее сестра писала — не та, сумасшедшая, а другая — тронутая, которая не любит, чтобы сор выносили из комнаты. Сметет и бережет. Но картина чудная.

— Как прощались?

— О, хорошо, подробно. И целовались, и я благодарил, и она. Вашей книжке очень обрадовалась, но мне кажется, она не разглядела надписи — что это ей, просто думала, почитать. А зато, когда завтра в вагоне увидит, еще больше обрадуется. На прощанье еще раз пригласила ее на нашу елку, и она сказала, что непременно придет. Что же мы ей подарим — перчатки или бумагу?

Перчатки или бумагу? А денег, как на грех, не было, как всегда — на всегдашний! — на последний подарок.

А, может быть, записную книжку? Есть совсем дешевые. А, может быть, — так не хочется и не может сейчас, в последнюю предъелочную минуту, идти, — ничего? Просто — позвали на елку. Где же, вообще, дарят? Ведь это только детям дарят... По грубости самоуговоров и заемности доводов — ясно: подарок нужен. Только вот: перчатки или бумагу?

Перчатки, оказалось, были уже куплены матерью мальчика: «теплые, прочные, а то у нее, бедной, совсем рваные. После того, как я у нее побывала — в этом холоде — мне все время хочется для нее чего-нибудь теплого. Авось, не обидится». (От русских — обида! Все равно, что нищий подал).

Наличие перчаток установило бумагу. «От пяти до шести франков, не дороже семи-восьми, в крайнем случае десять. Что-нибудь неяркое, для пожилой дамы»...

(«Пожилой» когда вот-вот рассыпется, и «дамы», когда — M-lle Jeanne Robert!).

Très distingué — parfaitement distingué — tout ce qu'il y a de plus distingué — on ne peut plus distingué...

(6 frs... 9 frs cinquante... 12 frs cinquante... 18 frs).

Коробки, с легким картонным громом, громоздятся. Одно — видно, другое — скудно, третье — нудно, четвертое — дорого, пятое — дорого, шестое — дорого. И, как всегда, с возгласом: «Ah, il y en a encore une que j'oublie» — последняя — та самая. (Как бы проверка точности нашего вкуса, легкий искус его — приказчиком)...

Голубая. Полотняная. С голубыми же цветочками на крышке, до того простыми, что не смешными. Без зубцов и якобы английской шероховатости краев.. Много. Сходно.

— Rien de plus pratique et de plus distingué. Et pas cher du tout, Madame, quarante feuilles et quarante enveloppes. Un bon cas de profiter.

Дома, еще в дверях:

— Аля! Есть подарок мадмуазель.

—

A Mademoiselle Jeanne Robert pour notre Noël russe — Agiane — не магазинная, ибо не безымянная уже, коробка лежит под елкой, рядом с розовым свертком — d'Olègue (от Лелика). Скоро елка, скоро мадмуазель. Она была в России, но с тех пор (пятьдесят лет назад) была ли на русской елке? Кстати, озабоченные доставкой елки — в последнюю минуту в цветочном магазине у станции — не удосужились освежить приглашения, и идет она не на елку, а на обычный четверговый урок, первый после ее (французских) каникул. Идет на урок, а попадет на елку. — И знаешь, Лелик, ничего не говорить, просто ввести. — Или сказать, что нынче занимаемся внизу. — Потому что наверху не топлено. Словом, мадмуазель на елке детям затмевает елку. (Так пра-

ведник ждущим ангелам должен застилать небо, на которое вовсе не знает, что попадет).

— Сейчас, должно быть, будет. Без десяти? О, еще целых десять минут.

— Сейчас должна быть. Который час? Она никогда не опаздывает.

— Может-быть, только сегодня приехала и потому запаздывает? А ты точно знаешь (дети друг другу), что именно сегодня первый урок? — Она сказала 5-го. — Но 5-ое вчера, почему же она вчера не пришла? Мне она сказала в четверг. — А мне 5-го. Но четверг сегодня и значит она сейчас придет.

Только ее два подарка и остались под елкой.

—

Дни шли, мадмуазель не шла. Сначала это тревожило, потом привыкли — к тревоге. Неприход мадмуазель, а неприходила она раз за разом, постепенно становилась для всех обитателей павильона, больших и маленьких, припевом дня, то-есть вещью с разом от разу утрачиваемым содержанием. (Самостоятельная, вне-смысловая жизнь припева). Как сначала удивлялись, что мадмуазель не идет, так сейчас бы удивились, что мадмуазель — пришла. Удивление просто переменяло исходную точку на точку приложения. Оттуда удивлялось. (Так, Райнер, мы все удивлялись, как такой может жить, теперь — умереть).

Люди мало внимательны к глагольным формам, — *font du sort sans le savoir*. От личных, перво — второ — третье — разовых, числящихся «мадмуазель не пришла» до хронического «мадмуазель не приходит» — какая работа и дорога. Мадмуазель просто поселилась в отсутствии, в которое (для нас) сначала случайно попала. Не было обеда или ужина, чтобы кто-нибудь из больших и маленьких, между тарелкой и тарелкой, тоном отстоявшегося уже удивления, не устанавливал: — «А мадмуазель не идет». — И сразу, точно только того и ждали,

по проторенным уже дорогам отзвука, хоровое. — Может-быть, заболела? Но тогда бы написала. Может-быть, сестра заболела? Но тогда бы тоже написала. Может-быть, до того одна, что и написать некому? Но тогда ведь и подать некому. Может быть...

Мадмуазель, где-то болевшая, набаливала.

Люди были все трезвые — (бабушка, тетка, дядя и мать мальчика, отец и мать девочки), люди, выдавшие виды — кто в Советской России, кто в Армии, те и другие в эмиграции, люди — и это главное — с той кро-воточащей гордостью, по которой и узнают изгнанников, люди, заместившие себя детьми, свое сорвавшееся или надорвавшееся сегодня их — о, каким! — завтра, люди времени (вечного недохвата его) и посему — по всему — нещадные к детскому, люди, взявшие детское время на учет. А это время — кровное, детское — шло, дети, не без некоторого смущения, ибо хорошие дети — праздноватались, условно, конечно, — особенно для девочки, нянчившей младшего брата и уроки воспринимавшей, как отдых. Уроки повторялись и вновь забывались, книги выкладывались и вновь вдвигались. Мадмуазель не шла.

Дом как то разслаб, размяк, никто — в пределах дома — никуда не торопился. — Молоко поставить, потому-что сейчас мадмуазель придет... Столовую убрать, потому что сейчас мадмуазель придет... Голову помыть, да вот сейчас мадмуазель придет... За углями в подвал, а то мадмуазель придет...

Павильон был холодный, топленых комнат — две, и мадмуазель, приходами, все перемещала. Раз классная здесь, то столовая там то, то швейная еще где-то и т. д. Прошло и кочевье.

Постепенно выяснилось, что маленькая, неслышная и невидимая мадмуазель (приходила с черного хода — тихо — и, как часто: «была мадмуазель»? — «да, уже ушла») — была двигателем и костяком этого большого, усложненного сожителем двух семей, волевого — ибо русского — павильона.

Что же делали эти люди со ставкой на детей? Шестеро взрослых счетом. Ничего никто. — Надо написать мадмуазель. — Сначала утвердительно, потом все вопросительнее и заведомо-несвершимее. Безползнее. Безнадежнее. Мадмуазель не уехала, она заехала. Не заехала, а исчезла.

Первой, кажется, сказала мать девочки, но — загадкой. Было так. Мать девочки брала в буфете нож (один из двух) и стояла спиной к тетке мальчика, над большим столовым столом лязгавшей ножницами. Поэтому последующий вопрос пришелся в спину.

— Так никто и не поехал к француженке?

— К француженке ехать — далеко!

— Ей не далеко, а нам — далеко? — в тоне тетки ехидство тетки покрывалось торжеством остроумца.

— Ей не далеко, а нам далеко, — подтвердила мать девочки, холодея от формулы.

— А все-таки надо бы, следовало бы, — пилила тетка, огорченная непопадением остроты и мало, на мой взгляд, ошеломленная неслыханной (в таком толковании) грубостью ответа.

— А все-таки надо бы, следовало бы...

— Когда-нибудь да... — но эти слова ею не были услышаны, ибо произнесены были во рту.

Так что первой все-таки сказала бабушка.

— Или она очень больна, или ее уже нет, — со спокойной грустью наперед и назад покорного такому — старого человека.

— Но «ее уже нет» все-таки не есть: «она»... И первой все-таки сказала мать мальчика, в вечер того же дня, за французским обедом, — русским ужином.

— Если она до сих пор молчит, она или очень больна — или она умерла.

И — дом проснулся.

Резонанс смерти, Райнер, думал об этом? В доме, где после долгой, требовательной с ног сбивающей болезни, наконец, уснул. Теперь бы, кажется, тишине, и

когда ж, как не теперь, тишине? Какое! Тут только и начинается!

Дом, где умирает, тих. Дом, где умер, громок. Первый мертвой водой полит по всем закоулкам, спит. Смерть в каждой щели. В каждой выемке пола — ямкой. Один мертвой — полит, другой — живой — взбрызнут. Слякка с живой водой вдребезги, в каждом осколке, пусть ранищем — жизнь. В доме умирающего не плачут, а плачут — прячут. В доме, где умер, наврзид. Первый шум — слезный.

Lebenstrieb смерти, Райнер, думал об этом? Тогда с ног сбились, теперь полны руки дела, но из двух, рук и ног, ведь руки тихи, а ноги громки. И что тише — двух рук, с водой, например? Но сама полнота их — как, чем, откуда? Ведь он именно сегодня, в 5 ч. вечера в конце обезнуждел, «от всякое скорби, гнева и нужды», — наконец, домолился! Мне ответят (не ты, Райнер, другие): ему — нет, телу его — да. Полно! Разве каждый остающийся втайне не знает, что священник, гробовщик, фотограф — только повод к нашим чешущимся по делу рукам, наше утвержденное, благоприличное: есмь! наше полное согласие жить. Мы не за умершего, мы за гробовщика цепляемся! В нашей торопливости снять умершего меньше желания сохранить его, чем желания подменить его — живые черты — снимком (живое терзание — воспоминаньем о нем), чем уверенности, рано или поздно, забыть. Фотографический оттиск — наша подписка в забвении. Сохранить? Схоронить!

Отмежевыванье. Охаживанье. Что то поправить, подвинуть. Перекраиванье, заботой, на прежний лад. Дикарство этой заботы. Почти-что, перед лицом *alles geschehen — nichts geschehen*. (И мои слова к тебе, Райнер, не по иному. *Nichts kann dem geschehen, der geschah*. По русски же: со свершившимся не случается.

Приручение неведомого. Одомашнение смерти, как тогда — любви. Обычное непопадение в тон. Наша, до смертного часа, **косолапость** в любви.

... Есть этому посмертному взрыву язычества еще,

одно объяснение, проще. Смерть в доме умирающего, в доме умершего смерти нет. Смерть из дому уходит раньше тела, раньше врача и даже раньше души. Смерть из дому выходит первая. Отсюда, несмотря на горе, вздох облегчения: «Наконец то!» Что? Не человек же, которого любили, — смерть. Отсюда — торжествовать ее уход, у тех, что попроще — тризна: объядение и опивание на поминках («не ест-не пьет» — так будем же есть и пить!), у нас, позжих, объядение и опивание хочется сказать — воспоминанное, передача и повторение — до отупения — до незвучания — до проторения — последних подробностей. Там заедание, здесь — заговаривание мертвого. Громогласие дома после смерти. О нем говорю.

И настоящая первая тишина (это нескончаемое полдневное июльское шмелиное з—з—з — в ушах) раздаётся в доме только после выноса. Когда уж не над чем шуметь. Остаются, впрочем, поездки на кладбище.

А пока мы ходим по дорожкам, читаем надписи, препоручаем сторожу могилу и облюбовываем будущую собственную, смерть, пользуясь отсутствием...

Так прежние домовладельцы, прослышав, что новые на даче, приходят постоять, а то и побродить кругом да около...

—

Итак, дом проснулся. Из того, что он явно проснулся, стало ясно, что он спал: бабушкой, дядей, теткой, матерью мальчика, отцом и матерью девочки, самой девочкой, самим мальчиком, в течение целых трех недель всеми своими обитателями спал как заколдованный.

По тому, как дом ожил, стало ясно: она умерла.

— Мама, я нынче пишу французенке.

ПИСЬМО

Chère Mademoiselle,

C'est en vain que nous vous attendons depuis longtemps. Chaque lundi et mercredi, jeudi et samedi nous vous attendons et vous ne venez jamais. Mes leçons sont écrites et apprises, celles d'Olègue

aussi. Avez-vous oublié notre invitation pour l'arbre de Noël? Je crois que oui, parce que vous n'êtes pas venue chez nous l'avant-avant dernier jeudi quand nous avions notre fête. J'ai reçu beaucoup de livres : Poèmes de Ronsard, Œuvre de Marot, Fables, Le Roman du Renard, le Roman de la Rose, et surtout la Chanson de Roland. Deux cadeaux vous attendent, d'Olègue et de moi.

Ecrivez-nous, chère Mademoiselle, quand vous pourrez venir chez nous. Nous vous embrassons.

Ariane.

— В тот вечер она была такая усталая, такая усталая. Все время хотелось сказать ей: «Да зачем Вы все это затеяли? И еще эти танцы... Отпустите нас всех, сядьте в кресло к огню, погрейтесь, отдохните». Ведь ни за что не хотела отпустить без танцев, книжки с картинками, угощение, танцы, — чтобы уж вся программа. И еще эти дамы в шубах, неизвестно зачем поналезшие, заолодившие ей всю квартиру — уж такую, такую холодную. Вы не знаете, что это был за холод. У нас холодно, но та—ам. Я весь вечер не могла согреться...

Мы медленно подымались по «мраморной полированной», мать мальчика и я. Лестница медленно подавала нас от площадки к площадке. На самом верху у большой черной двери — встали. Стало ясно, что дальше некуда. Дверей было две — правая и левая. Француженка жила за правой. Помолчав, постучали. Помолчав, постучали еще. Еще помолчали. Еще постучали. Стуки редели, промежутки между стуками росли. Сам же стук оставался на поверхности двери, не проникая по ту сторону ее, или, проникнув, поглощался тем, что за дверью, всей за-дверной пустотой (потусторонностью). Дверь не отвечала. Дверь отмалчивалась.

— Пойдем к консьержке — так ведь час можно постоять — спросим, может-быть, — она что-нибудь знает? — не шепотом (как всякая странность — будит), а тем положенным вполголоса, каким спокойно говорят над спящими и другими.

— А, может быть, сюда постучать?

Левая сразу отозвалась, подалась, выявляя сначала керосиновую лампу, потом пожилое лицо женщины.

— Простите, сударыня, но не знаете ли Вы чегонибудь о *Mlle Jeanne Robert*? Мы стучали, но там не отвечают. Очевидно, никого нет. Наши дети у нее учатся.

— Входите, входите, я так рада поговорить о ней. Двадцать восемь лет соседства.

Лампа отступила и, повернувшись вокруг самой себя, повела. Лампа, долженствующая *es an den Tag bringen*. Старая женщина и мы, две, следовали.

— Да сядьте, сядьте, пожалуйста. Я не совсем понимающая, вы говорите — ваши дети?...

— Да, наши дети у нее учатся. Мы иностранки. Наши дети у нее учатся французскому и всему. Мы живем в *Bellevue*.

— Ах, вот оно что. *Je sais qu'elle prenait toujours le petit tram de Meudon*. Значит — к вам ездила? Чудесное место — *Bellevue*, мы там бываем каждое воскресенье.

— Да. И вот уже месяц, как мы ничего о ней не знаем. Она должна была быть на нашей русской елке, потому что наша русская елка после вашей. 13 дней разницы... Были приготовлены подарки... — точно заклинная и забывая неведомое — достоверностями.

— Так она была приглашена на вашу елку? Как это мило с вашей стороны.

— Да, и не приехала, и мы ждем ее уже две недели. Моя дочь ей писала (совершенно упуская из виду, что письмо, написанное нынче утром, ни в каком, даже самом живом случае, не могло рассчитывать на ответ, — так это утром отстояло от сейчас) — моя дочь ей писала и не получила ответа. Что с ней, собственно?

— *Mais elle est morte! — Et vous ne l'avez pas su?*

—

— 23-го, *l'avant-veille de Noel*. Накануне она так много бегала, вверх и вниз, *rien que son petit châle sur les épaules*. « *Mais vous allez prendre froid, Jeanne voyons!* » et je lui tirais

les manches sur les mains. Все что-то покупала. На другой день ведь она должна была ехать к сестрам.

— Но накануне, 22-го, наши дети и вот эта дама, мать мальчика, были у нее в гостях. Да, да, именно 22-го. Она пригласила всех учеников, танцевала. . .

— Я об этом ничего не знала. Когда, в котором часу?

— Около четырех, а ушли около семи. Была очень оживлена. Ни за что не хотела отпустить без танцев. На другой день? Ничего не понимаю.

— Да, 23-го утром. От грыжи, — такая злокачественная опухоль. Ведь она никогда не хотела носить бандажа, потому что нужен был бы врач, а они — вы меня понимаете — не хотела. Давнишняя грыжа. Так вы, идя сюда, ничего не знали? Простите тогда — *de vous l'avoir annoncé si brutalement.*

— Так уже месяц, как она умерла?

— Месяц. Как раз сегодня. Вы говорите — она танцевала? Но, может-быть, именно это то ей и повредило. Танцы — при грыже — без бандажа. . .

— Но как же она умерла? Был кто-нибудь с ней?

— Никого, совсем одна. В третьем часу к ней зашла кузина — она иногда помогала ей *dans son petit ménage.* и Жанна накануне передала ей ключ — постучала, никто не ответил, вошла, увидела. Поперек кровати, совсем одетая, в шляпе и в перчатках, очевидно, готовая идти на урок — у нея ведь еще один урок был до отъезда, последний — *Cette pauvre Jeanne! 64 года — ce n'est pourtant pas vieux.* 28 лет соседства. *On était amis, on se disait Jeanne, Suzanne.* И все эти несчастья! . . Вы, может-быть, знаете? Сестрае. . .

— Нервно-больная?

— Да, и это так сразу случилось, никто не ждал, И Жанне пришлось *une fille si intelligente, si courageuse.* зарабатывать не только на двоих, — на троих, потому что третья сестра с той, больной, в деревне — *c'est elle qui la garde,* — а что в деревне заработаешь, особенно художнице, потому что третья сестра — художница, хорошая

художница. *Cela a été le grand coup de sa vie. Elle aurait pu se marier, être heureuse, mais...*

Но все же были и у нас... *on a eu de beaux jours ensemble! On faisait la fête.* Мой муж и зять музыканты, Жанна тоже музыкантша. Вы ведь видели два рояля в ее комнате? Один для нее, другой для учеников. Она, ведь, собственно, учительница музыки. И вот, устраивались музыкальные вечера, Жанна — рояль, муж — скрипку, зять — на флейте. Между прочим, нет ли у вас знакомых, желающих учиться музыке? Я, на всякий случай, передам Вам карточку.

Такой-то

— *Violon et flûte* —
Professeur à l'Opéra

Mlle Jeanne Robert ездившая к русской девочке Але, не спрашивая на Вилетт или в Беллевию Mlle Jeanne Robert не знавшая ни грязи, ни дождя, Mlle Jeanne Robert, бравшая за часовой урок, длившийся два, в 1926 г., как в 1925 г., — 7 фр., считаясь не с «падением франка», а с его, франка, на нас, *intelligence russe*, падением, Mlle Jeanne Robert от ежемесячного конверта с деньгами — отшатывавшаяся: «Может быть, Вам сейчас нужно? — и: «*Cela ne presse pas* »... Mlle Jeanne Robert. ездившая не поездом, а трамваем, и не до Беллевию, а до Медона, для того, чтобы нам, *intelligence russe*, сберець четыре раза в неделю по 1 фр. 60 с., Mlle Jeanne Robert при виде чашки кофе, с куском хлеба — пугавшаяся: «О, зачем? зачем?» и неизменно эту чашку выпивавшая, хлеб же, по нищенскому кодексу чести — оставлявшая, Mlle Jeanne Robert певшая годовалому сыну эмигранта:

« *V siélé novom Vanka jyl* »...

— чтобы не забывал Россин, и ведшая имя Мур от Amour. Mlle Jeanne Robert. в прошлом году на мой, русский вечер не только пришедшая, но пришедшая на него первая —

« Un moment j'ai cru entendre une marche. Etait-ce peut-être une poésie sur la guerre? On croyait entendre marcher les troupes, sonner les trompettes, galoper les chevaux... — C'est que je suis musicienne, moi... C'était beau, beau! »

Mlle Jeanne Robert впервые перепутавшая день урока: одному в среду (5-го), другому 6-го (в четверг)

Mlle Jeanne Robert так и не дождавшаяся новых перчаток —

Райнер-Мариа Рильке, доволен — Жанною Робер?

и, обращая к тебе слова, когда-то направленные тобою к другому —

denn Dir liegt nichts an den Fragenden.
sanftern Gesichtes.
siehst Duden Fragenden zu.

P. S. Случайно узнала, что последняя книга, тобою читанная, называлась L'Âme et la Danse.

То-есть, вся последняя Jeanne Robert

В А Н Я

Умер русский мальчик Ваня. Впервые об этом мальчике я услышала этим летом, у моря, от его сестры. Я сидела на песке и играла со своим полуторогодовалым сыном. — А у меня есть брат, — неожиданно сказала моя знакомая, — почти такого же развития, как Ваш сын. Папа, мама, дядя, спасибо, пожалуйста.... — Сколько лет? — Тринадцать. — Недоразвитый? — Да, и очень хороший мальчик, очень добрый. Ваня — зовут.

— Хорошее имя, самое русское и самое редкое, сейчас никто так не зовет, — сказала я, ограничивая отзыв именем.

Вторично о Ване я услышала от близкого мне лица, с сестрой Вани зашедшего в тот вечер к Ваниной матери.

— Я, когда шел, побаивался: как с таким обращать-

ся? Играть? Странно как то, что то от ложного положения. Но он меня сразу успокоил: как только увидел — заулыбался, обрадовался: «дядя, дядя»!

— А роста?

— Роста большого, как нужно. И совсем уж не так ничего не соображает, как я боялся. Няня стала собирать ужинать. — «Ванечка, накрой на стол», — и накрыл, только тарелки перепутал, маленькие вместо больших. А няня, с укором: «Да что с тобой, Ванечка? Нешто эти тарелки? Ты сумасшедший, что ли»? — Няня замечательная, всю жизнь ему отдала. Так и живут, мать, няня, он. Им живут.

Разговариваю о чем то с его матерью, вдруг: «дядя! дядя!»! — оглядываюсь: зашел потихоньку сзади и глядит. И такая добрая, добрая улыбка. Я прекрасно понимаю, что он может быть радостью. От него, действительно, свет.

Прошел какой то срок. И вот, в какой то день, прошел слух, что Ваня заболел. Воспалением легких.

Слух поселился. Из Медона дуло. Дуновение шло из красного кирпичного дома, который я неопределенно знала, как Ванин. Шло по двум направлениям — к сестре, в Кламар, ко мне, в Беллевию. Болезнь осела. Ваня, прикованный к постели, путешествовал.

Дни шли. Из Медона продолжало дуть. Вскоре болезнь невиданного Вани сделалась привычной, полагающейся, в порядке — нарушающих порядок — вещей.

— Как Ваш брат? — Да плох, температура держится, все время на камфаре...

Камфару я знала по последним минутам отца и для меня она называлась — смерть.

— Посидите еще... — Да нет, нужно к маме, брат очень плох.

О матери и няне я думала не с состраданием, замечающим, а с страданием, незаместимым. Но думала отрывочно.

Поглощенная твоей смертью, Райнер, то-есть приобретающая к ней все, мною до сих пор претерпенные: гордую

смерть матери, высоко-умилительную отца, другие, многие, разные, — приобщая или противуставляя? — я, естественно, насторожилась в сторону Ваниной камфары.

Две комнаты с кухней. Кроватка. (Пусть большая, но раз «дядя» — все маленькая!) Упорядоченное, бытовой заботой и церковностью, отчаяние няни. (Какое — матери?!). Ужас того, что это Медон, а не Москва (В Москве бы...). Ужас недозволенных, произвольных мыслей о чужбинном кладбище... Завезли в Медон... Если бы не Медон... Если бы в тот день не взяли его в лавку... Если бы...

— Как брат?.. — Кроткий, хороший, лежит в кроватке совсем как маленький, — такой трогательный...

Последнее, что я знаю из жизни Вани — что он ел икру.

— А я сегодня ела икру. Брату давали, он не доел, я доела. Ничего не хотел есть, а икра вдруг понравилась... Мы все так обрадовались...

Икра мне напомнила предсмертное материнское шампанское, — ничего не хотела, шампанскому обрадовалась Икра тоже называлась смерть.

— Завтра будете там-то?

— Да, не знаю, если не останусь с мамой. Брат очень плох, можно ждать всего...

Дня через два после икры, одна из обитательниц нашего павильона, входя с улицы:

— Все-таки умер г-ковский мальчик.

«Две комнаты с кухней». Кроватки не видно, ничего не видно, кроме спин. Панихида идет без света. Стою на пороге прихожей и первой комнаты. Гроб точно за тысячу верст, недосягаем.

Звонки, все новые и новые провожатые.

Выход священника, создающего вокруг себя пустоту. Ту священническую, священную. Круг пустоты, создаваемый нечеловеческим. Передвигающийся круг Никому не было места, стало — всем. Растяжимость сосуда или сжимаемость содержания? Отказ от 'наущного во

имя того, излишка. Отказ от себя и всех во имя того, одного. И всем просторно. Только отказаться — всего много станет.

— Так я вам советую таких-то певчих... (говорит — священник).

— А почему не?...

— Лучше таких-то...

— Что, поют лучше?

В вопрошающем голосе настойчивость, которой страшусь, ибо не хочу слышать ответа.

— ... А я, наборот, слышала, что эти лучше...

— Поют то хорошо, да... (Вот! Вот оно!)... Неприступны очень, а эти...

Целуюсь в полутьме с проходящими матерью и няней. — Вы, ведь, пешком пришли? Устали? Посидите...

Без слез, с добротой.

(О русская прекрасная степенность горя)!

Почему не подошла? Ложный стыд, ложный страх слез над впервые видимым. Страх стыда и стыд этого страха. Хочется, чтобы все ушли, чтобы тут же, над ним, рассказать им двум о тебе, Райнер, о всем, что знаю через тебя. Знаю, что в эту минуту я, оставшаяся, им, остающимся, незаменима. Что место мое — незаместимо. И малодушно, как по писаному, простившись, выхожу.

Милый Ваня!

— так звучит не слышимое, а оглашаемое, так когда-то, на мое внутри-ротное, внутренне: «Седое утро» — блоковское: «Седое утро» —

— Милый Ваня!

Если бы ты сейчас мог увидеть нас всех здесь собравшихся, весь этот переполненный храм, ты бы наверное спросил: «Какой сегодня праздник»? И мы бы ответили: «Твой, Ваня, праздник. Тебя празднуем».

Да, Ваня, ради тебя собрались мы сегодня в этом храме, в котором ты занимал самое скромное место. Твое

место в нем сегодня главное. Как сейчас вижу тебя — вот здесь, слева, в уголку — твое скромное место было постоянным. Вижу тебя молящимся и крестящимся, вижу твое светлое лицо, с улыбкой... Ты был постоянным и верным посетителем храма, я не помню службы, на которой бы я бы тебя не видела. Правда, ты не всегда молился словами молитв, иногда ты забывал их, тогда ты молился своими словами, одним только словом: Боженька! Боженька!

И как ты любил этого Боженьку, как в него верил!

Когда тебе стало худо, ты попросил меня придти. Мне сказали, что в дом я пришел по твоему собственному зову. И вот, никогда не забуду, как ты, перед тем, как приступить к исповеди, чуть приподнявшись, слабой рукой своей подал знак, чтобы все присутствующие удалились. Вокруг тебя были только близкие — и какие уж такие были твои грехи? Но ты знал, что тайнство исповеди происходит наедине, и чутким сердцем своим и здесь оказался верным сыном церкви. Немного ты мне и сказал, зато, по отпущении грехов, с каким счастьем, с каким сиянием на лице снова поднял руку, на этот раз призывая близких в комнату.

Милый Ваня, если бы ты сейчас со своей высоты мог видеть — да ты и видишь со своей высоты — нас всех, окруживших твой маленький гроб — видя наши слезы, наше горе, что бы ты, Ваня, сказал нам, захотел ли бы снова вернуться сюда? Нет, Ваня, ни ты, ни кто из узревших ту красоту уже не захочет на землю, и единственные слова, которые бы ты сказал нам, были бы словами благодарности. Благодарности родителям, окружившим тебя такою любовью, и особенной же — няне, с которой ты, так сказать, составлял одно целое:

— Спасибо тебе, скорбная старица-няня

.....

Помолись за нас.

Мать стояла в головах и — или чудится мне? — каждый раз приоткрывала лицо сына, что то над ним приподымала, затем опускавшееся. Каждому заново. Зачем? Не проще ли. . .

Дело не в простоте, дело в том, что мать, явившая в мир — всем, в последний раз являла — каждому отдельно. После: «глядите, еще не видели» рождения — «глядите, больше не увидите» погребения. Явив, скрывала (лицо в себе), вновь явив, вновь скрывала — все глубже и глубже. — пока не скрыла, от всех, под крышкой гроба, пока не скрыла — от всей земли — в земле.

Мать брала сына обратно в лоно.

Была в этом жесте еще и простая материнская причастность.

Другое. Не плоть, не камень, не воск, не металл — другое. Из всего виданного — невиданное. Лица, которое передо мной, никогда не было. То, что здесь есть, не бывает. Из другого вещества.

Отличительные черты: неуподобляемость и невозможность привыкнуть. Не оторваться. Не притерпеться. Чисто внешняя (оттуда и смысловая) непроницаемость. Неделимость. Неразложимость. Ножом не разрежешь, топором не разрубишь. Лицо мертвого не слепок, а слиток

Все концы со всеми концами сошлись. Средоточие.

Раз навсегда.

Ближе всего, конечно, воск, но куда — воску.

Что в ответ на здесь лежащее? Отказ.

Гляжу на руку и знаю — не поднять. Сколько жизнь весит — мы знаем, но это не жизнь, а смерть. Рука не свинцом налита, а смертью. Чистый вес смерти. Всей смерти в каждом пальце. Нужно поднять всю смерть. Потому и не поднять.

Это — глазами, под губами же:

Первое: не процелуешься. Не губы (жизнь) в лоб (смерть), а лоб (смерть) в губы (жизнь). Не я горячу, он холодит. Непроницаемость? Теплоупорность. Теплоупорность? Хладоизлучение. Буду стоять и греть, а он лежать и холодить. Такого холода в природе нет. Как и той плотности. Потому что этого вообще в природе нет. В иной природе.

Прогреваемы: металл, воск, камень, все. Все отзывается. Теплеет.

Лоб — отказывает.

Ваня Г-в — восстанавливаю обратно в жизнь.

Первое: узость. Узкие скулы, узкие губы, узкие плечи, узкие руки. От того, что узко — не тесно. От того, что не тесно — радостно.

Светлота волос на лбу и, минуя все присущее не сущему — нежное, строгое отроческое лицо, которое в данную минуту читаю вспять: в жизнь.

Вот и все, Райнер. Что же о твоей смерти?

На это скажу тебе (себе), что ее в моей жизни вовсе не было, ибо в моей жизни, Райнер, вопреки Савоие, *L'Auberge des Trois Rois* и пр., и тебя не было. Было: будет, оно пребыло. — *Ob ich an die Savoye glaub? Ja, wie and Himmelreich, nicht minder, doch nicht anders.* Это то ты наверное помнишь?

Еще скажу тебе, что ни одной секунды не ощутила тебя мертвым — себя живой. (Ни одной секунды не ощутила тебя секундно). Если ты мертвый — я тоже мертвая, если я живая — ты тоже живой, — и не все ли равно, как это называется!

Но еще одно скажу тебе, Райнер, — тебя не только в моей жизни, тебя вообще в жизни не было. Да, Райнер, несмотря на тебя и жизнь: тебя — книги, тебя —

страны, тебя — местную пустоту во всех точках земного шара, всеместное твое отсутствие, пол-карты пустующие тобой — тебя в жизни никогда не было.

Было — и это в моих устах величайший *titre de noblesse* (не тебе говорю, всем) — призрак, то-есть величайшее снисхождение души к глазам (нашей жажде яви). Длительный, непрерывный, терпеливый призрак, дававший нам, живым, жизнь и кровь. Мы хотели тебя видеть — и видели. Мы хотели твоих книг — ты писал их. Мы хотели тебя — ты был. Он, я, другой, все мы, вся земля, все наше смутное время, которому ты был необходим. «В дни Рильке»...

Духовидец? Нет. Ты сам был дух. Духовидцам были мы.

Если бы ты вошел в мою комнату год назад, я бы так же обмерла, как если бы вошел — нынче, больше скажу, нынче — меньше, чем год назад, потому что такой твой вход был бы... естественнее.

Три стены, потолок и пол, —

Все, как будто?

Теперь — являйся!

Это я тебе еще летом писала. Не от лица ли всех?

Волей нашей, то-есть всем трагическим недостатком ее, всем безволием, всей мольбой о всей твоей, заклинали мы тебя на землю — и продержали на ней — до поры.

Ты был волей и совестью нашего времени, его — вопреки Эдиссону, Ленину, пр., от Эдиссона, Ленина, пр. — единственным вождем. Не ответственным монархом, а монархом Ответственности. (Так мы (время) когда то передали себя, все свои вопросы, Гете, сделали его — хотел или не хотел — своим ответом. Тебя — ответственностью. Потому и отдали: Гете — свет, ты — кровь).

« Und Körper nur noch aus Galanterie, um das Unsichtbare nicht zu erschrecken » — так сказал ты о последних годах (оказалось — днях) своего тела. Больного или не больного — чьи это слова? не человека же!

Вспомни своего Мальте, как все, те, по всем улицам Парижа за ним ходили, почти-что шлялись, вымаливая

у него не все, а всего его. Так и мы за тобой — до поры. Вспомни Мальте, передававшего через стену, соседу, волю, соседу, которого в глаза не видал. Сосед ведь тоже не просил. Но Мальте то вопль — слышал!

« *Wer ist Dein Nächster? Der dich am nothwendigsten braucht* » — толкование ближнего на протестантском уроке Закона Божьего, пребывшее для меня предельным.

Мы все были твои ближние.

Признаниями, исповедями, покаяниями, вопросами, чаяньями, припаденьями, приниканьями мы тебя залюбили — до язв на руках. Через них ушла вся кровь.

Кровь. Слово сказано.

Твоя *Blutzersetzung* (разложене крови) — которую я сначала не поняла — как! он, впервые после Ветхого Завета сказавший **кровь**, так сказавший **кровь**, просто — **сказавший** **кровь**! — не статья и доказывать не стану — именно он от *Blutzersetzung* разложения, обнищания ее. Какая ирония! Не ирония вовсе, а моя первая, сгоряча, недалновидность.

Истек хорошей кровью для спасения нашей, дурной. Просто — перелил в нас свою кровь.

Остановка.

Знаю, что медицинская болезнь, от которой ты умер, лечится переливанием крови, то-есть близкое лицо, хотящее спасти, отдает свою. Тогда болезнь — кончается. Твоя болезнь — началась с переливания крови — твоей — во всех нас. Больным был мир, близким лицом его — ты. Что когда спасет перелившего!

Поэзия не при чем. «Только лишняя порча крови», «что зря кровь портить», — так говорит быт. Предел этого «зря» и «лишнего» — окончательная порча крови, то-есть смерть. Твоя смерть.

Не прощая жизни оскорбительной приблизительности даты ее — 29-го декабря вместо 31-го, кануна, да еще твоего любимого тысяча девятьсот двадцать седьмого, благодарю ее, жизнь, за точность формы и наименования...

Райнер-Мариа Рильке, и это подтвердит каждый врач, умер от разложения крови.

— Перелив свою. —

И все-таки, Райнер, несмотря на великолепие твоей смерти, твоими справа и слева-кочными соседями во мне есть и пребудут:

Mlle Jeanne Robert учительница французского яз.
и Ваня Г-в, кем то обиженный русский мальчик
и — отменяя фамилии и даже первые буквы их — просто

Жанна — (вся та Франция)

и

Ваня — (вся Россия)

Ни имен, предельных, ни соседств совершенных, я не выбирала.

Райнер-Мариа Рильке, покоящийся на скале *Paragne*
над Роной — без соседей —
во мне, его русской любящей, покоится:
между Жанной и Ваней — Иоанной и Иоанном.

Марина Цветаева.

Bellevue, 27-го февраля 1927 г.

ДВЕ ПОЭМЫ

ДОН КИХОТ

Нарисованные в небе облака.
Нарисованные на холмах дубы.
У ручья два нарисованных быка
Перед боем грозно наклонили лбы.

В поле пастухами разведен огонь.
Чуть дрожат в тумане крыши дальних сел.
По дороге выступает тощий конь,
Рядом с ним бежит откормленный осел.

На картинах у испанских мастеров
Я люблю веселых розовых крестьян,
Одинаковых: пасет ли он коров,
Иль сидит в таверне важен, сыт и пьян.

Вот такой же самый лубочный мужик
Завтракает сыром, сидя на осле.
И в седле старинном, сумрачен и дик,
Едет он — последний рыцарь на земле.

На пейзаже этом он смешная быль.
Прикрывает локоть бутафорский щит.

На узорных латах ржавчина и пыль.
Из под шлема грустно черный ус торчит.

— Что же, ваша милость, не проходит дня
Без жестоких драк, а толку что-то не видать.
Кто же завоюет остров для меня, —
Мне, клянусь Мадонной, надоело ждать! —

— Мир велик и страшен, добрый мой слуга.
По большим дорогам разъезжает зло;
Заливает кровью пашни и луга,
Набивает звонким золотом седло.

Знай же, если наши встретятся пути,
Может быть, я, Санчо, жизнь свою отдам,
Для того, чтоб этот бедный мир спасти,
Для прекраснейших из всех прекрасных дам. —

Зазвенели стремяна из серебра.
Странно дрогнула седеющая бровь. . .
О, какая безнадежная игра —
Старая игра в безумье и любовь.

А в селе Тобозо, чистя скотный двор,
Толстая крестьянка говорит другой:
— Ах, кума, ведь сумасшедший наш сеньор
До сих пор еще волочится за мной!

В небе пропылило несколько веков.
Люди так же умирают, любят, лгут;
Но следы несуществующих подков
Россинанта в темных душах берегут.

Потому, что наша жизнь — игра теней,
Что осмеяны герои и сейчас
И что много грубоватых Дульциней
Так же вдохновляет на безумство нас.

Вы — кто сердцем непорочны и чисты,
Вы — кого мечты о подвигах томят, —
В руки копья и картонные щиты!
Слышите, как мельницы шумят?..

Прага.

1927 г.

Алексей Айснер.

В тот страшный год протяжно выли волки
По всей глухой встревоженной стране.
Он шел вперед, в походной треуголке,
Верхом насером в яблоках коне.

И по кривым ухабистым дорогам,
В сырой прохладе парков и лесов,
Бил барабан нерусскую тревогу,
И гул стоял колес и голосов.

И пели небу трубы золотые,
Что Император скоро победит,
Что над полями сумрачной России
Уже восходит солнце пирамид.

И о короне северной мечтали
Поручики; но было суждено,
Что твердый блеск трехгранной русской стали
Покажет им село Бородино.

Клубился дым московского пожара,
Когда, обняв покрашенных актрис,
Звенели в вальсе шпорами гусары,
Благоговейно чтя Его каприз.

Мороз ударил. Кресла и картины
Горят в кострах, и — вздеты на штыки —
Кипят котлы с похлебкой из конины...
А в селах точат вилы мужики!

Простуженный, закутанный в шинели
Он поскакал обратно — ждать весны.
И жалобно в пути стонали ели,
И грозно лед трещал Березины...

Порой, от деда к внуку переходит,
По деревням, полуистлевший пыж,
С рассказом бесконечным о походе,
О том, как русские вошли в Париж.

Ах, все стирает мокрой губкой время!
Пришла иная страшная пора, —
Но не поставить быстро ногу в стремя,
Не закричать до хрипоты ура.

Глаза потупив, по тропе изгнанья
Бредем мы нищими. Тоскуем и молчим.
И лишь в торжественных воспоминаниях
Вдыхаем прошлого душистый дым.

Но никогда не откажусь от права
Возобновлять в ушах победы звон,
И воскрешать падение и славу
В великом имени: Наполеон.

Алексей Айснер.

Прага.

МАХНО

ТРИ РАССКАЗА

Н. Черновой

БЕРДЯНСК.

I

«Запорожский окружной суд приговорил к расстрелу известного сподвижника Махно Каретникова. Верховный суд Украины заменил Каретникову расстрел 10 г. тюрьмы». (Из газет).

II

Все рухнуло. Быт устойчивый, как цены на базаре, мягкий и пухлый, как ситный в булочных, круглый, как медный пятак — разлетелся вдребезги от первого оружейного залпа Мокроусовских теплоходов. Со звоном покатился с пустого прилавка булочной последний пятак; метнулись по пустынным улицам людские тени, поползли вдоль заборов испуганные жители — за город, в окрестности или с чердаков в погреба.

Ко мне в комнату вбежал взволнованный Ицек Авербух:

— Семихат, на площади обвалился дом Ипатовых. Живем!

Милый Ицек Робкий, застенчивый, он странно оживлялся под гул снарядов — при первом свисте пуль.

Власть в городе менялась так же быстро, как цены на случайном базаре:

исправника сменил учитель русского языка;

роту железной германской пехоты отряд Мокроусова;

Мокроусова—владелец комиссионного магазина «Случайная вещь», Владимир Сирота;

Сироту сам батько Махно, ускакавший на бурой кобыле в черной бурке от 3-ьяго Елисаветградского ее императорского высочества Ольги Николаевны гусарского полка;

елисаветградцев перерезали ночью рабочие-металлисты и посадили на балконе гостиницы «Метрополь» Совет Рабочих Депутатов с курсисткой в черных очках во главе, расстрелянной на Песочной косе казачьей сотней полковника Морозова — в ночь на Рождество.

Ицек Авербух, черный, волосатый, в пенсне, носил значек выпускного класса: земной шар в венке с орлом наверху — без короны. Он жил с своей матерью в маленьком собственном домике на Воронцовской улице. В его комнате, обклеенной желтыми обоями, отчего она даже в сумерки казалась солнечной, висели портреты Достоевского в арестантском халате, Льва Толстого босиком и лицеиста Пушкина, еще так недавно сменившие цветные картинки из «Нивы». Он был очень прилежным учеником и половина книжной полки, аккуратно оклеенной золотой бумагой, заполнялась учебниками, всеми — от приготовительного класса до «анализа бесконечно малых величин.

Ицек был некрасив, и гимназистки первой городской гимназии не заглядывали ему в глаза, когда он, потупя взор, приподняв воротник потертой шинели, шел по улице. Но несмотря на потупленный взор он знал наизусть лица почти всех девушек города.

До поздней ночи горела керосиновая лампа в его комнате, и, несмотря на беспокойство матери:

— Ицек, ты все еще не спишь?

он не мог оторваться от того огромного мира, кото-

рый был создан им и другой половиной его книжной полки. В своей тетрадке в сафьяновом переплете он написал на первой странице:

«десять лет авантюристической жизни, десять лет созерцания и десять лет творчества».

Милый Ицек. Матрос Мокроусов подплыл к городу на теплоходах — и впереди его игрушечной флотилии шел маленький, старый, весь расплзающийся от ржавчины, катерок, на носу которого стояли огромные буквы:

«ОКЕАН».

Но этот матрос и его теплоходы заставили весь город со своим дорогим скарбом, накопленным веками трудовой жизни, отойти на двадцать верст в глубь земли и тысячу семей ночевать под открытым небом, — этот Мокроусов воскресил библейские времена, и темное ночное небо окрестил небом Израиля.

Ицек оживал в такие дни. Он один бегал по пустому городу, угадывая в какой дом попадет очередной снаряд. Ицек помнил: «десять лет авантюристической жизни».

Ровно через месяц катерок «Океан» валялся на берегу моря, совершенно развалившийся, — как гнилая рыба. Мокроусов бросил свой флот, и с отрядом бандитов шел на Гуляй-Поле, преследуя десятитысячную армию генерала Решитилова.

А Ицек сидел в своей солнечной комнате и писал письмо комиссара Владимиру Сироте, бывшему владельцу комиссионного магазина «Случайная вещь», — а тихий голос из другой комнаты вдруг заставлял его поднимать голову и прислушиваться к тишине и к своему сердцу:

— Ицек, ты все еще не спишь?

Все рухнуло. Быт неустойчивый, как цены на базаре, — власть случайная, как комиссионный магазин, — горе огромное, как исход Ицеков.

III

На балконе гостиницы «Метрополь», против Шмидтовского сквера — стоял батько Махно. А рядом тесным кольцом: Каретников, Щусь, Хмура, Рогоза и те, кто как ни старались, но все же в историю не попали (с балкона не сошли).

Еще гудели вдали орудия, кучка пленных стояла на площади еще не расстрелянная, еще дымился разрушенный дом против собора, — а уже бесстрашный батько Махно, спокойно улыбаясь, — принимал парад.

В синей суконной поддевке, лакированных сапогах под запорожскими шароварами, подбоченясь, заломив папаху, гордясь своим парабеллумом в деревянной кобуре, — он ухарски глядел вниз на улицу, по которой проходила его армия. Хитрые глазки под прямым лбом, маленький носик вверх — хрю! — и выпирающие, разносящие рябое лицо по сторонам, скулы, в обрамлении жестких волос, черных как смоль, маслом приглаженных — отец диакон села Новоспасовки такими б гордился, —

— водитель народных масс, любимец деревень и сел Украины, баловень судьбы — разве не Пугачев?

Глазки смеялись: какой там! Сельский учитель из Гуляй-Поле, лихой гармонист и песельник, — ущипнуть какую девку или дать по зубам уряднику — первый мастер на всю волость! Какой там Тамерлан! Просто первым закричал: гуляй ребята во всю! За отсиженные в тюрьме годы, за душный тюремный воздух — до неба вскрою земное брюхо, разворочу станинскую язву. Камня на камне не оставлю. Двадцать пять человек было месяц тому назад. А теперь — пятнадцатитысячная армия! Разбил ее на дивизии, полки, батальоны:

«Вторая дивизия, форсированным маршем на Мелитополь»;

«Первая батарея, стать на позиции за лиманами» — Полководец! Главнокомандующий! И какой? — народный: батько, здорово!

— «Батько, здорово!» — неслись крики вверх на бал-

кѡн, вместе с папахами, выстрелами — и воем сотни здоровенных глоток.

— «Не ударим в грязь, батько! Завтра возьмем Мелитополь», — закидывались головы, блаженно и пьяно искали тысячи глаз рябое лицо батьки; — проходила пехота на тачанках, звонко — справа по-взводно — шла конница; — трехдюймовка без замка (так, для декорации) громыхала, запряженная шестнадцатью лошадьми (так, для пущей важности); — потянулся обоз, «медицинский пункт» в старомодной карете, на которой не раз выезжала тетушка Шпоньки, — потом опять тачанки, новые полки пехоты, конница.

Когда палили вверх из винтовок, могучий бас Каретникова топором повисал над площадью:

— «Берегите патроны!».

И в ответ снисходительно улыбался Махно: «такой он у меня строгий» — принимал крики восторга и вместе с криками: скрип давно не мазанных колес и цок подков о камни мостовой. А редкие прохожие — «благодарственное население» — шарахались в подворотни, — молились в темных углах почтенные граждане, никогда не ходившие в церковь, любопытные женские глаза испуганно отодвигали занавески на окнах — «лишь пара голубеньких глаз... что не мало здесь будет проказ» — с замиранием сердца ожидая наступление нового дня.

— Здорово, батько. До свидания в Мелитополе.

Стадо людей, табун лошадей, обозы за обозами — то-ли татарва на Русь святую ползет, то-ли Русь святая двинулась на татарву.

Ругань топором, дым коромыслом, гарь столбом — а над всеми — вниз с неба — свисается веселая голова Махно:

— Братцы! До победного конца! Смерть помещикам! Жги усадьбы! Вот он, на нашей улице праздник. Анархия — мать порядка. Да здравствует свобода!

Ицек Авербух снял с полки тетрадь в сафьяновом переплете и вписал в нее:

«Сегодня решаюсь. Прости меня, мама: если что случится, знай.....»

И Ицек горько задумался.

В самые страшные, в самые опасные для каждой человеческой жизни дни, когда земля держалась на взведенном затворе винтовки, — он, Ицек, решился на первый шаг.

За окном, по Воронцовской улице, тарахтели махновские тачанки, неслась солдатская песня — и вдруг, перерезая ее, прозвучали отдаленные залпы винтовок: то на Песочной косе умирал комиссар Владимир Сирота. Занималась вечерняя заря.

По площади — из гостинницы «Метрополь» в комиссионный магазин «Случайная вещь» — шел Каретников, командующий первой армии и комендант города, в кожаной куртке, большой круголицый, широко раскидывая ноги. Сегодня ночью придет к нему Марфуша, которую он долго возил в карете тетушки Шпоньки, — пока она, наконец, не улыбнулась ему, как улыбается всеобещающее весеннее утро.

Каретников, здоровый, крепкий, — с маленькими усиками — дышал огромными легкими, глотая крест на соборе и пугая ворон, — и горячился, как жеребец Щуся, при мысли о завтрашнем бое под Мелитополем и сегодняшнем, — с Марфушой —

Сатана тебя возьми! — сколь веселая жизнь.

Поздно ночью, когда миры рассекали небо и гибли за квадрильоны верст от Бердянска, а Надя, стоя у окна, напоминала желание —

— Ицек Авербух, напрягая все усилия к тому, чтобы шорохом не разбудить мать, вышел из дому...

Под Новоспасовкой шел бой, и отдаленный гул, то приближающийся, то отдаляющийся, всю ночь томил бессонницей, боязнью и надеждой жителей, — и меня, в частности, влек к себе.

Утром другого дня Ицек, встретив меня на улице, сказал:

— Семихат, пожми мне руку: я скоро уезжаю.

— Куда, Ицек?

Он загадочно улыбнулся, но веселья в этой улыбке не было.

— Кто знает? Может быть в Париж.

IV

Мне трудно говорить обо всем этом. Это не рассказ — это обвинительный акт. Обвинительные акты составляются бессонной ночью, за столом, покрытым красным сукном — при свете трех свечей.

Милый Ицек. Мне недавно здесь, в Париже, рассказывала Надя о своей любви к вам. Все ее улыбки вы всегда относили на мой счет, и только раз...

Но простите, дорогие читатели. Я увлекся. Жизнь и беллетристика это такие разные вещи.

...И вот наступил день. В шесть часов утра меня разбудили.

— Вставай, Семихат. Арестован Ицек. Идем к Каретникову.

Слова упали на меня тяжелым одеялом, я сбросил его, быстро оделся и вышел со всеми из дому.

Уже на акациях появились почки (это я хорошо помню) — и ранние солнечные лучи бороздили улицу, обещая прекрасный весенний день. В такой день, равно год спустя, мы сбили махновцев с Перекопских валов и вдребезги разнесли два полка; — в такой день был убит наш славный командир — хорунжий Шевченко.

По дороге в гостиницу «Метрополь» я узнал все подробности ареста Ицека. Его обвиняли в уголовном преступлении. От имени анархистов он рассылал местным купцам угрожающие письма с требованием денег. Мы шли сейчас не просто — мы были депутацией от учебных заведений города с просьбой о помиловании.

Милый Ицек, десять лет авантюристической жизни, десять лет созерцания и десять лет творчества. Вот арестантский халат Достоевского, вот темные стены тюрьмы

вместо солнечной комнаты, и мать, еще ничего не знающая о судьбе сына.

Милый Ицек, помнишь ли ты этот день?... Мне не забыть...

Стояла группа людей у гостиницы «Метрополь»; — и нас не впустил дюжий махновец, сказав, что Каретников сейчас выйдет.

— Он занят разговором с одним из ваших — у себя в номере — пояснил его ад'ютант Рогоза, вышедший на улицу поплевать в раннее небо.

Мы не долго ждали.

— Разойдись по сторонам! — гаркнул дюжий махновец, — и

на крыльце появилась знакомая, — с'ежившаяся в воротник потертой шинели, фигура Ицека. За ним вырос Каретников, стянувший свое мясистое лицо двумя хмурыми бровями.

Лицо Ицека было совсем белым; он страшно сгорбился, и мне показалось, что я его не видел десять лет.

Глаза его поймали наши и засветились чем-то и знакомой болью, той самой, наверное, с которой слушал ночной голос матери.

Он сошел с крыльца, и не знал: повернуть ли ему влево или вправо. Он робко оглянулся на Каретникова. Брови коменданта сжались страшным усилием, — стальной голос прорезал мертвую тишину.

— Этот негодяй, буржуазный прихвостень, грабил население именем нашей партии. Вот как судит таких крестьянская власть.

И Каретников полез за ногой.

Ицек тихо застонал, нелепо поднял руки, неловко запнулся на повороте и упал на колени —

— его руки обняли высокие сапоги Каретникова.

Как курок ногана сжались в последний раз брови Каретникова, — так что грянула площадь: раздался выстрел, — и руки Ицека, как плети, упали вниз, а тело ласково припало к ногам коменданта.

Отбросив ногою труп Ицека Авербуха —

— десять лет созерцания —

Каретников, широко раскидывая ноги, поднялся на крыльцо, вошел в гостиницу и только наверху лестницы вспомнил о своих вчерашних двух победах: Мелитополь и Марфуша.

— Ицек, ты все еще не спишь?

V

Когда мы везли Ицека на извозчике, и кровь стекала по виску и капала на подножку коляски,

— только-только просыпались улицы, в домах открывались окна и самым невероятным блеском солнце обнимало город.

И не то, и даже не это заставляет меня сейчас писать негодующие слова против милости Верховного суда Украины —

— все же десять лет тюрьмы, десять Ицкиных лет созерцания вам, Каретников —

даже не это, не этот выпускной значек с земным шаром, потонувшим в крови и недоумении,

даже не то, что я сейчас заведомо порчу свой рассказ, ударяясь в слезу и публицистику — —

— а только вот это:

Извозчик остановился перед маленьким домиком на Воронцовской улице. Открылись ставни и в окне появилось лицо матери: — перед ее ли домом остановился извозчик. Как раз в это мгновение мы снимали с извозчика тело Ицека. Стены домика, всю улицу насквозь, навывлет — пронзил крик, и на крыльце — в широких старомодных панталонах ниже колен, с куском рубашки сзади, как рисуют детей на пасхальных открытках...

VI

В фуражке телеграфиста без значка, в большой черной бурке, на бурой кобыле примчался в город — и стал на площади батько Махно, а с ним Щусь и Каретников.

Щусь в гусарском мундире — доломан, ментик, брид-

жи, розетки — и в матроской фуражке с георгиевской лентой —

— золотом: «Свободная Россия» —

на своем знаменитом жеребце, украшенном лентами, цветами, бусами ниже колен, — и

Каретников в кожанной куртке, мрачный, тяжелый, пригибающий спину гнедого мерина, —

кружились вокруг Махно, а Махно обнимал их крыльями своей бурки и кричал в пустую площадь:

— Товарищи! Братья! Через час погибнет ваш город от белых банд. Все на защиту! Рабочие — за свободу! Все за оружие!

И не прошло и часа, как человек двести случайных прохожих в боевом порядке, по-взводно, выступили из города навстречу армии Деникина — на подкрепление отступающим частям махновцев.

Еще три часа держался город — до сумерек, но когда сошли с улиц дневные тени и стали зажигаться в домах редкие огни, — стадом, вперемежку:

тачанки, орудия, пехота, конница, карета тетушки Шпоньки —

понеслись по городу дивизии, полки, батальоны.

Навстречу бегущим — у собора — метнулась тень бурой кобылы.

— Стой! Назад. Сволочи — в три гроба! Назад!

Бурей носилась черная бурка вдоль разрозненного войска.

— Братцы! Не отдадим города. До последней капли! Все — за мной! Вперед! Ура!

— Ура-а-а... ответно кричали махновцы, продолжая бежать.

И черная, рв'ятая ужасом поражения, толпа смяла развевающуюся бурку, смяла кожанную куртку и гусарский мундир —

— и исчезла из города — в ночь.

Как на параде: в английских новеньких мундирах, в золотых погонах —

ать-два, горе не беда —

вошли в город пехотный полк генерала Маркова и Елисаветградский гусарский эскадрон.

Вечером второго дня в офицерском собрании был бал — и всем показалось, что снова быт, устойчивый, как цены на базаре.

Я шел на Воронцовской улице и думал о страшной судьбе Ицека Авербуха,

о библии, написанной Мокроусовым, Махно, Каретниковым —

и, проходя мимо маленького домика, остановился у забора и заглянул в окно.

ПЕРЕКОП.

I

Большая обида ожидала меня, когда я вернулся в полк из лазарета, где целый месяц лежал в тифозном бреду.

Болотов набил холку моему гнедому жеребцу, а мой офицерский ноган, который я любил больше карабина, оставил в одной избе Перекопа, — когда они пасхальной ночью в одних подштаниках удирали от махновского обоза.

— Болотов, — кричал я — где мой конь, где мой шпалер!

— А шуба где? Дай шубу — отвечал Болотов, равнодушно стягивая ремнем свое щегольское галифэ — Дивная шуба на лисьем меху!

Да, помню — и не забуду: когда заболел тифом, меня уложили на подводу, и сердобольный Болотов снял с себя шубу и накинул на меня.

Он долго кричал — и мне и подводчику:

— Смотри за шубой. Сховай, как приедешь в Симферополь. Привези обратно.

— Смотри за конем, Болотов! Чисти шпалер на зекс.

И шубу эту самую еще по дороге кто-то стянул с меня — на что умирающему такая шуба! — и я не заметил, потому что был без сознания...

— Катись колбасой, Семихат, на легком катере. Загнал мою шубу, на табак разменял. Конь твой дохлый был. Одно название жеребец — мерин да и только. Дохлый конь, Семихат. Не ржет, кобыл зевает — без нутра жеребец... А что дороже, жизнь моя или твой шпалер. Такая волянка была! В один мент сдали и Перекоп и Армянск. Ты в это время в белоснежной постельке покоился и с сестрицами миндальничал.

— Молчи, Болотов. Целый год с коня не слезал. От Бердянска до Чернигова, от Конотопа до Перекопа — носил он меня. Не обижай коня, Болотов.

Долго мы ссорились и обижали друг друга, — но конь, ноган и шуба не вернулись к нам.

Под вечер того дня я с младшим унтером Лисенко поехали в ближайшее имение, где по слухам еще было несколько лошадей. Я обменял своего испорченного жеребца на кобылу вороной масти с белой звездой на лбу и белыми чулками на передних ногах. Управляющий имением, трясущийся старичек, боролся за кобылу до последних сил. Мы с Лисенко, как цыгане, защищали статность и бурливость испорченного жеребца и хулили медлительность кобылы. Но если бы не наши карабины и шашки ни один дурак не согласился бы на такую мену.

Старик заплакал, когда я стал переседлывать коней. Но мы с Лисенко не могли ему помочь, потому что в эту ночь наша дивизия переходила в наступление.

Кобыла была чудом — и я в ту минуту почти без жалости покидал своего старого друга. Я смирился с этой тяжелой потерей еще раньше: конь без хожки — это человек без души. Но я никогда не забуду какими глазами смотрел на меня жеребец. Он не хотел оставаться в имении — и шел за мной. Ругаясь, я слез с кобылы, свел его в конюшню — и накрепко привязал его веревкой к стойлу.

II

Снег уже сошел с земли и грязь по дорогам было непомерной. Ни один булочник так ретиво не месил тесто, как наш эскадрон в памятную ночь дорогу от деревни Воронцовки до татарской деревушки Кухач-Лама.

Ночь была туманной, безлунной, — чудовищный мрак ваял исполинские фигуры неприятельских коней и всадников... Курить было запрещено, но не из необходимости, а больше для поддержания дисциплины.

С присвистом, щелканием извлекались конские ноги из грязи — в равномерном, хлестающем воздухе, шуме. Каждый различал только две-три фигуры своих соседей — все остальное тонуло в темноте таинственной огромной мокрой тысяченожкой.

Сзади меня правофланговым ехал Болотов. Вполголоса, сидя боком на седле и опираясь ладонью в подбородок, а локтем в колено — покачиваясь, наклоняясь, он рассказывал Лисенко:

— Понимаешь, друг, есть в Бердянскэ трактир. Знаменитый трактир, доложу я тебе. Когда не придешь, то хозяин бьет посетителей, то посетители целым обществом — до крови — хозяина. Целое лето ни одного стекла в окна: все повывбиты. А зимой на часах караулит в трактире стекольщик. Бессменно работает... Так вот, друг мой, доложу я тебе, в трактире этом позапрошлым летом повстречал я бабу...

Я хотел перебить Болотова, но вспомнил, что мы с ним в ссоре. «Помириться бы с ним ради праздника» — мелькнула мысль. Но первому не хотелось: вспомнились конь и ноган.

— Стой. Сле-з-а-а-а-ай... — негромко пронеслась команда по эскадрону.

Мы вошли в татарскую деревушку, давно оставленную жителями — наш передовой пост. За нею начиналось поле в версты три, и следующая деревушка была занята махновцами.

Мы угадывали первую боевую задачу: врасплох напасть на врага и двинуться по дороге в Армянск.

За огромными стогами сена мы перестроились, повзводно разошлись влево и вправо, потом рассыпались в лаву и двинулись вперед.

Я был погружен в заботу, как бы первым не ворваться в деревушку и советовал ребятам не терять связи с другими взводами.

Было пять часов утра, и мрак немного рассеялся, когда мы ощутили невдалеке приплюснутые тени домов. Там было тихо, но тихо смертельной тишиной.

— Рысью марш!

Лязгнули во мраке, как зубы темного чудовища, шашки, вынимаемые из ножен, — цокнули шпоры.

В это время слева раздался истошный вой сотни глоток — мы заорали, как жиды во время погрома, и пустили коней в карьер.

Только несколько выстрелов встретили нас, да закашлял спросонья пулемет: без боя сдались махновцы.

Я радостно улыбнулся: их горсточка всего!

Только потом, как прошли деревню, то тут, то там мелькнули неверные тени. Кто припадал к земле, кто бежал в ложбину, — но предательский рассвет улавливал их в свои сети. Каждый кому не лень охотился за этими тенями — и они исчезали в мутном рассвете.

Кто во что горазд. Болотов так просто бил по зубам, крича, как зарезанный:

— Где моя мать, махновская сволочь! Расстреляли, убийцы. Родную мать не пожалели. Рви, ребята, шпану!

Хотя всем в полку было известно, что мать Болотова умерла от тифа, но Болотов не мог отвыкнуть от своей привычки: и расстреливал и бил всегда за расстрелянную мать.

III

Уже совсем рассвело, когда мы были на полдороге к Армянску.

Далеко-справа — у Сиваша двигалась лента всадников: части нашей дивизии. Слева — по берегу Черного моря — замирали две колонны.

Армянск скрывался за туманом — в ложбине, но под туманом ощущалась страшная куча муравейника.

Вдруг в тумане блеснул огонь: Армянск закуривал цыгарку. В следующую минуту донесся оружийный гул и в полуверсте от нас разорвался снаряд.

— По нас бьет, в три гроба! — выругался Лисенко. — сейчас пристреляется.

Блеснуло несколько огней в Армянске — один за другим загудели снаряды.

— Трехдюймовка, пустяки, для детей. А вот и шрапнель. Похуже.

Облако повисло в воздухе, потом расплылось.

Из целого десятка орудий лупили махновцы — гвалт, как на польском базаре.

— Перелет! недалет! Ну теперь в самый раз, в середку. Держись, ребята!

— Так вот доложу я тебе, друг мой — доносился до меня голос Болотова, — до самой зимы провозился я с Каткой. Ни тебе пользы, ни ей удовольствия. Ругал я ее каждый день. А как дело к вечеру — ручки, стерве, целую... Здорово бьют. Должно наводчик царской выучки... Но блюла себя, доложу я тебе — как Мария Египетская...

Левая колонна обогнала нас, рассыпалась в лаву и подходила к Армянску. Ее встречали пулемет и беспорядочные ружейные выстрелы.

— Должно, Люис.

— Какой Люис! Настоящий Виккерс — оглох что ли? Здорово бьет, с толком. Люис твой — так, балуется, танцует. Самая страшная орудия — Виккерс!

...— Гляди, гляди, ребята, как наши забирают — в рысь перешли. Молодцы! Там непременно Морозов. Гляди, гляди, как левый фланг заворачивает. На подмогу бы надо, ребята. Что наш Шевченко, хорунжий, спит. Эх, ма!

Когда выступил, наконец, из тумана Армянск, мы отчетливо увидели, как за городом — по дороге к Перекопским валам — длинной лентой потянулись обозы.

— Отступает батько Махно! Наша берет. Ура, ребята!

— Рысью м-а-а--а-рш...

Лава слева уже ворвалась в город: — затих Виккерс, редко прозвучала винтовка —

— только еще ошалелый загремели орудия — последними ударами.

Но бой еще только начинался.

IV

Перекопские валы были усеяны цепями неприятеля: точно грибы торчали головы в фуражках на вершине вала.

Когда мы прошли Армянск и двинулись к Перекопу, нас встретил огонь — небывалый: из ста пулеметов били по нас. Моя кобыла рвалась в сторону от каждого трупa, — я ссадил ей бока, свирепел и злился, тучи пулеметной саранчи летали над нами, прямой наводкой били трехдюймовки, шрапнельные зонтики вставали в вышине.

Света Божьяго не взвидев, мчались мы вперед, воя от страха и боли за нашу конную дивизию, — мертвой хваткой держась за бамбуковые пики, — или рассекая воздух шашками — так что Лисенко разом отхватил своему коню правое ухо, а себе мизинец на правой ноге.

— Лисенко, чего за коня, сволочь, прячешься — орал Болотов. Не трус!

Жаркое дело, славное дело! Поредели наши ряды: прорешетанный Виккерсом пал хорунжий Шевченко, разорвало в дребезги шальным снарядом подполковника Орлова...

— «Держись, ребята! Теперь наш черед!».

И без малого двадцать человек мы ворвались в Перекопские ворота, помчались по улицам города, сбивая ударами шашек растерянных махновцев.

— Где мать моя, махновская сволочь! Расстреляли родную мать, убийцы, — вопил Болотов, цепляя шашкой голову пятнадцатилетнего китайца. — Рви ребята, шпану!

На окраине города, мы осадили коней. Куда занесла нелегкая! Позади, на валах, все еще торчал противник, только кое-где сползали с откоса раненные.

Мы спешили, залегли в канаву — открыли огонь по валам. Мы не слышали, но угадывали крики махновцев:

— Обошли! Гляди сзади. Отступай, товарищи.

и увидели, как побежали с валов, унося пулеметы и раненых, наши храбрые враги.

Валы занимала наша спешенная дивизия и устанавливала пулеметы.

Мы попадали в полосу нашего же огня и нужно было уходить.

Сядясь на коня, я увидел Болотова, который вытаскивал какого-то мужика из избы.

— Отдай, сукин сын — кричал Болотов.

— Товарищ, ваша благородия, — молился мужик — забрали они, вот те хрест, чтоб мне на том свете не жить.

— Врешь, скот. Отдай, говорю... и Болотов, одной рукой нанес удар в лицо, а другой стал стаскивать с себя карабин.

— Погоди, сынок, я пошукаю. Может за образом сховался.

И оба скрылись в избе.

Через минуту вылетел на крыльцо Болотов. В руках его мелькнул ноган.

— Семихат! Слышь — вот твой шпалер.

Он бежал ко мне, сияя рожей, — и два раза пальнул из ногана вверх.

Я слез с коня и уткнулся в потное лицо Болотова. Мы орали, как при штурме валов, а Болотов на радостях не удержался и пристрелил одного пленного латыша.

И вдруг:

— Семихат, а шуба как же?

V

До самого вечера держались мы на валах. Двенадцать раз наступали на нас махновцы — неисчислимой тучей ползли цепи за цепями, — двенадцать раз отбивала их наша пулеметная команда и полевая конная батарея. Триста человек потеряли мы в этом бою — триста. Целый табун лошадей загубили мы под Перекопом.

А как только стемнело, покинули мы валы, и, сдав Перекоп, Армянск, дестки деревень, ушли на отдых в деревню Воронцовку.

Ругались мы, проклинали всех — не хотели уходить. Ночь заметала следы кровавого боя, и звезды, проступившие на небе, трепетали сторожевыми огнями противника. Хотелось в последний раз сбить беспощадно преследующую и настигающую нас ночь — и вместе с нею насмешливые сторожевые огни. Прощай, Перекоп.

Болотов, легко раненный в руку, сидел за столом и, макая теплый хлеб в миску с молоком, философствовал:

— Как видать, загубили треть дивизии только из-за Семихатова шпалера. Но и впрямь, ребята, разве мы продержались бы еще хоть один денек? Туча их перла... На старых позициях наших пехтуры у нас вдоволь, восемь шестидюймовок, сотня мелких, — удержимся — хоть до осени! А там на помощь с Кавказа наши придут — живем, ребята!

Я сидел в углу комнаты, подшивал подпругу на седле и невесело думал:

«Нет, кончен бал. Повоевали, пограбили, многих развезли по кладбищам, — многих стерли с задумчивого лица земли. Все напрасно. Скоро сорвемся с последнего клочка России — куда нас занесет судьба?»...

Врет Болотов. Проиграли мы нашу эпоху!

ГУЛЯИ-ПОЛЕ.

I

Друзья мои —

прошло пять лет с тех пор, как мы в последний раз разрядили винтовку, распростились с подсумком, котелком, — я, в частности, с замечательным офицерским нога-

ном — и начали, так называемый, западно-европейский период жизни.

Когда наша огромная флотилия пересекала Черное море и вошла в Босфорские воды, — это было великолепное зрелище, — весь Стамбул ахнул. Люди гроздьями висели по борту, на мачтах, как пчелиные улья, — люди умирали с голода, тупея в собственном кале, — и понятно, почему английские мисс, подплывая к нам на изящных катерках с медными трубами, не знали куда бросать свои кокетливые взоры перед совершающейся историей: вдоль по борту, свешиваясь, рядами, как на параде, выстраивались скорченные потугой солдаты.

Это было великолепное зрелище, друзья мои! Нас долго не выпускали на берег, нас долго томили в трюмах — и тот хлеб, который подвозили с берега, был просто милой шуткой сердобольных людей. Когда подходила баржа с хлебом, на палубе раздавался тысячеголосый вой и с борта вниз свешивались сотни котелков, подвязанных на поясах.

Филантропическая дама конца прошлого века растерянно бегала по барже, утирая слезу, накладывала в котелки кругленькие турецкие хлебцы и кричала не тише, чем на палубе парохода:

— Успокойтесь, всем будет, всем...

— Мадам, будьте покойны, нам ничего не достанется — все офицеры слопают, да интенданство. Верьте нашему слову.

Дама охала, — а на трап рвалась толпа юнкеров, которым на счастье выпала очередь разгрузить хлеб.

Тупело все. И когда один вольноопределяющийся поскользнулся на палубе, полетел в трюм и разбился на смерть, сидевшие в трюме, молча, не поднимаясь, посмотрели на него — и только один пошутил.

— Ишь летает. Авиатор какой!

II

Чирикают воробьи, распускаются почки на деревьях в нашем саду, утренний туман лакировал кровельные кры-

ши, — бродят в соседнем дворе куры — самое простое предвесеннее утро в предместьи Парижа.

И что же осталось от всех тех дней, которые шомповали наши думы, жгли наши руки горячей сталью пулемета — примораживали наши ноги к стремянам?

Махно, хромающий на правую ногу после страшного боя под Гуляй-Подем, где когда-то бегал уличным оборванцем — а потом, став учителем, драл таковым уши — тыне, после польской тюрьмы, учится теоретическому анархизму где-то в Дрездене; Каретников сидит в тюрьме; Мокроусов комиссарствует в Севастополе; Лисенко после кутеповской сталилитейной — Галлиполи — хозяйничает в собственной ферме в Южной Америке и, по слухам, приобрел себе Форд; Щусь, Хмура и Рогоза до сих пор на дворе Варшавской тюрьмы играют в орел и решку, — я же, друзья мои, переменяв много специальностей — от забойщика в турецких шахтах до фотографа, — попрежнему все дни занимаюсь не своей специальностью, но до сих пор, попрежнему изредка, посещаю Сорбонну.

И что же осталось от всех тех дней? Дым и пепел, дым воспоминаний и пепел грусти, говоря лирически, — и ничего, — пустота, говоря по совести.

Сдвинулись леса, сдвинулись горы — лес пошел приступом на далекую гору, веками прорезавшую горизонт; гора, смыв реку, напозла на долину; железнодорожными вагончиками засуетились по российским просторам дома, города, деревни, — семьи, школы, полки — и долгое четырехлетие вздымало на дыбы коней, людей — поля и степи.

Это все называлось революцией.

Гуляй, поле, гуляй, русская земля, — хмелью ударило до небес, — пошли один за другим, из гнилых грибов, из шекспировских пузырей земли, повывлетали разные, большие и маленькие, с рожками, хвостиками, колдовские: Махно, Петлюра, Ангел и посолднее: в генеральских погонах, как в страшном сне московской столудовой купчихи — завертели каруселью шестую часть мира.

—Ишь летают- Авиаторы какие.

И вот: чирикают воробьи, распускаются почки на деревьях в нашем саду — утро, — я в последний раз отдаюсь в руки своей памяти — и уплываю вверх к ее истокам....

III

На холм взлетела батарея, широким, быстрым поворотом, шестеркой привычных лошадей, повернула орудие в сторону Гуляй-Поле — и через минуту первый номер дернул шнур. Прорезая утренний туман, полетел снаряд.

Наводчик первого орудия 11-ой батареи, юнкер Самохвалов, в этот день был не в духе. И это было видно по работе: то недолет, то перелет. Зубы стискивались от злости, и на десятой неудаче юнкер Самохвалов прикусил себе язык.

Мимо шел эскадрон чеченцев с песней:

Мы — чеченцы, мы — чеченцы
 Всем дарим любовь —
 Бела-ая лента, бела-ая лента
 Всем волнует кровь. — —

— и гнал впереди себя человек двадцать пленных махновцев.

Юнкер Самохвалов вскрикнул от боли, отскочил от уровня и вдруг бросился к чеченцам:

— Куда ведете пленных?

— Рзать будэм, полушутя, полусерьезно ответил широкоплечий чеченец с серебряным кинжалом на толстом животе.

— Отдайте их мне, ребята. Прошу вас, отдайте!

— Бери, нам не жалко.

Юнкер всадил в свои бока кулаки, расставил ноги и рывкнул страшным голосом:

— Сволочи, отойди в сторону!

Толпа пленных отошла от эскадрона — ближе к орудию. Юнкер молча следил за ними.

— Стой! кто жиды, выходи вперед.

Пленные замерли, и только два-три еврейских лица вдруг спрятались за спины других.

— Ах, вот ка-а-ак! Так я иначе... Кто русские, выходи вперед!

Толпа заколыхалась — и все подвинулись вперед.

Юнкер Самохвалов бросился к орудию, схватил лежащий около, на земле карабин, и щелкнул затвором.

Наклоняясь, изгибая спину, манерничая — медленным шагом он подошел к толпе. Его глаза начала всматриваться в лица — в каждое отдельно. И склонялись под этим взглядом все — и даже тот, прекрасный, молодой парень — русский, с голубыми глазами. Первое лицо, второе...

— А там кто прячется? Выйди, вперед...

Кто-то прятался за спиной другого, а тот другой метался то влево, то вправо, чтобы самому не угодить под ствол карабина...

— Ах, вот ка-а-а-к! — в последний раз заорал не своим голосом юнкер Самохвалов. Комедию разыгрывать! Так я вас всех — разом. Разом!

Через десять минут двадцать человек лежало на земле, а юнкер медленно ходил среди них — и каждому — глухим винтовочным ударом в землю — откалывал череп.

Эскадрон чеченцев скрывался за холмом — вниз — к Гуляй-Полю.

...Ма-газины, ре-стораны
Всюду посещаем мы
Все на-ас боятся, все на-ас трепещут
Особенно жида.
Мы —чеченцы, мы — чеченцы
Всем дарим любовь.
От-давайте деньги, от-давайте кольца,
Не то пустим кровь.

Clamart
Февраль 1927.

Бронислав Сосинский.

КАК ПРОИЗОШЛА РЕВОЛЮЦИЯ ¹⁾

(Запись рабочего)

25-ое ФЕВАРЛЯ

Ох, какую по утрам боль чувствовал в ногах, сколько вчера пришлось походить по демонстрации. Не успели мы с хозяином квартиры напиться чаю, как к нему уже товарищи пришли — на демонстрацию идти вместе, веселее.

— Ишь долго как заспались, только чай еще пьете, а товарищи уже пошли.

— Сейчас и мы пойдем.

Хозяин отвечает, а жена сквозь слезы уговаривает, чтобы не шел, боится, что убьют.

— Перестань глупости говорить. — Кто нас бить будет. Идем.

Я последний выхожу из квартиры, хозяйка у дверей стоит и плача, уговаривает:

— Приходите домой пораньше, а то я буду плакать, буду думать, что вас убили.

Вышли со двора, видим рабочие со всех заводов группами идут, не в душные мастерские заводов и фабрик, а на борьбу.

Куда идти. На Знаменскую площадь?

Наша группа решила идти к Казанскому собору, мы с товарищами с завода условились, на случай, если кого убьют, или сильно избьют, чтобы знать.

---

*) См. № 3 «Воли России», 1927 г.

Только подошли к Технологическому институту, видим, по Забалканскому проспекту Московской заставы от Городской бойни, идут рабочие, товарищи Московского района. Не группами идут, а сплошной стеной. Чем ближе подходим к Невскому, тем больше полиции встречаем, идем по Казанской, но на Невский пройти нельзя. Вся улица переполнена конными и пешими городовыми.

Но товарищи не знали, что нельзя пройти, идут и идут, городовые «пьяные», как только кто ближе подошел, так и арестовывают. Мы пошли другими путями. Вернулись обратно уже не помню по каким улицам. Шли, шли и всетаки прошли, всюду было много полиции и какая то пьяная. Но куда не глянешь, группы товарищей — рабочие ходят и смотрят как бы пройти на Невский без столкновения с полицией, уж слишком ее сегодня много сосредоточено на Невском проспекте.

Один из рабочих высказал сомнение в том, удастся ли провести демонстрацию, пожалуй полиция не допустит. И тут сразу послышались голоса:

— А мы и не будем ее спрашивать.

— С боя возьмем.

С минуты на минуту количество товарищей рабочих увеличивается и из прилегающих к Невскому улиц все чаще и чаще делаются попытки пройти на Невский, что не удается.

И вдруг раздался неожиданный сильный, разногласный крик. Это товарищи прорвали цепи около Публичной библиотеки. Обозленная и пьяная полиция жестоко расправлялась, заволновались все рабочие.

— Давайте попробуем и мы, все равно всех не успеют избить.

И одновременно, как бы по телефонному приказу, прорываем цепи в трех местах, у Городской Думы — на Екатерининском канале, у дома Зингера и у Казанского собора.

В этот момент происходило что-то потрясающее: полиция и жандармерия так лихо расправлялись с невооруженными товарищами рабочими, что вспоминая этот момент, невольно мороз по коже пробирал.

Волна рабочих случайно захлестнула двух ломовых извозчиков, с возами порожних бутылок, превратила их в баррикады и бутылками начала отбиваться от конной и пешей полиции. Это неожиданное сопротивление немного приостановило избиение. В этот момент раздалось несколько револьверных выстрелов со стороны демонстрантов — в ответ ли на избиение, провокационное ли — сказать не могу.

В то время, как рабочие продолжали отбиваться бутылками, на мосту появились солдаты армейцы, занявшие кроме моста сквер против Казанского собора. Увидев солдат, жандармы и городовые начали, если это возможно, еще безпощаднее бить рабочих, но и бутылки не переставали лететь и вновь повторились выстрелы.

И слышим, раздалась команда:

— С колена!

Назначается прицел, застучали затворы, часть товарищей бросилась бежать, а другая выявила свой революционный героизм и не бежать начала, а с революционным мужеством обратилась с призывом к солдатам:

— Товарищи солдаты, кого вы расстреливать хотите, своих братьев, сестер и отцов! Товарищей! Рабочих голодных! Опомнитесь, не делайте преступления, сегодня вы солдаты, а чрез несколько месяцев кончится ваша служба и вы опять рабочими будете....

Героизм и правдивость одержали победу. У солдат вышла заминка, ими овладела какая то нерешительность, один слушает команду и делает «с колена», а другой стоит и смотрит, то на солдат, то в сторону рабочих, а то так сделает «с колена» и встанет снова и в этот момент из рядов рабочих выделилась группа, и поднявши руки вверх, бежит к солдатам со словами:

— Товарищи солдаты. Братцы, не стреляйте в нас рабочих!

А один товарищ с завода Леснера, забыл я его фамилию, и Воронков просят офицера:

— Будь отец родной! Не стреляйте в нас, пожалуйста проливать невинную кровь рабочих!

Эти слова на офицера очень, очень подействовали,

он был так взволнован, что солдаты окончательно все встали. Стоят и винтовки «к ноге» держат. Мне один солдатик и говорит:

— Отец, куда ты пришел с молодыми, что тебе нужно? А я ему быстро отвечаю:

— Ничего мне лично не надо сынок солдатик, а надо вам детям сделать хорошее.

Офицер командует:

— Прикончить разговор. Расходитесь вы.....

Командовать не командует, а взволнованным тихим голосом рабочим говорит. Не стали сопротивляться рабочие, начали уходить. Раздался хор голосов:

— Спасибо, господин офицер, что не стали стрелять.

Спасибо, спасибо.

— Тоже стали сознавать, что рабочий не враг, а товарищ.

Если бы солдаты хоть один залп дали, сотни убитых и раненых легло бы.

Точно такое же произошло и с другими солдатами в сквере у собора.

Среди рабочих пошел разговор о том, что солдаты своим сочувствием сохранили сотни рабочих жизней и этим повлияли на городвых и жандармов, хоть и пьяные, а бить стали тише.

От моста, где солдаты не стали стрелять мы пошли к Александровскому саду, идем бодро, настроены революционно и всевозможные планы строим. Такой порыв нам дали новые союзники — солдаты. Сзади слышится голос:

— Стой, не ходите к Александровскому саду, идите назад на Знаменскую площадь, передай вперед.

— Верно, верно, товарищи.

Тут кто то сказал:

— Что же мы не поем сегодня!

Да где же было петь, когда побоище происходило.

— Два воза бутылок ведь перебросать пришлось.

Как поравнялись с Казанским собором, видим в скверах солдаты стоят группами, по несколько человек. Офицер ходит взад и вперед, согревается, мороз был большой.

Как поднялся дружный крик рабочих:

— Ура, Ура, Ура! Привет товарищам-солдатам!

— Товарищи-солдаты, идемте с нами.

— Идите в наши ряды!

Офицер кричит:

— Прекратите агитацию. Без разговоров. Это еще что такое?

Но по тону слышно, что окрик незлобный. Подходим к мосту, где чуть не произошла кровавая трагедия. Вся мостовая в битом стекле — следы нашего побоища с городовыми.

— Эй, смотри сапог не порежь!

С левой стороны по Екатерининскому каналу подходит группа демонстрантов с красным флагом, поющая марсельезу. Мы их приветствуем. Это почти исключительно учащая молодежь — студенты и курсистки. Слили мы с ними в одну толпу — в одну семью. Спрашивают нас:

— Да разве сегодня полиции здесь нет?

— Пришли бы вы пораньше — отвечаем им, увидели бы, что здесь было.

Рассказываем все: и бой бутылочный и избивание рабочих и офицерскую команду и поведение солдатское и рабочий героизм, словом все.

ПОД ПУЛЕМЕТАМИ.

Из разных сторон слышатся революционные песни, прибывают и прибывают красные флаги, и вдруг оглушительная трескотня:

Тра-та-та-та.

Это пулеметная стрельба....

Не понять, откуда она идет.

— Не беги, товарищи, ложись. Ложись, хуже будет, если побежите. Убьют.

Поднялась паника. Давка. Кто ложится. кто бежит по лежащим.

Я стал под стену Аничкина дворца, рядом офицер молодой лежит, кричит. Я моментально лег.

Рядом с офицеров стоит на коленях молодая женщина. Офицер ее схватил, повалил и говорит:

— Что же ты не ложишься.

— Пальто испачкаю.

— Пальто испачкаешь, сама жива будешь!

Прекратилась стрельба, только встали, кто быстро идет, кто бежит, опять началось:

Тра-та-та-та.

И снова команда:

— Ложись товарищи!

И офицер кричит:

— Кто хочет жить, ложись.

На этот раз его или жена или невеста, не жалеючи пальто, ложится.

Стрельба продолжается, подымаю голову, хочется посмотреть, что творится, вижу, не все лежат, есть такие, что и бегут. Прекратилась стрельба, снова вставай товарищи.

Кто успел до Фонтанки дойти, сворачивает на набережную. Идем, торопимся. Только успели несколько шагов пройти — снова:

Тра-та-та-та.

И снова ложись товарищи.

И вдруг послышался крик:

— Товарищи, да ведь это стреляют с дома, с Пассажа, где реклама «Осрам».

И опять замолчали.

Я успел уйти на Фонтанку за Аничкин дворец и слышу, как офицер, что с дамой был, раз'ясняет:

«Граждане рабочие, как начнут стрелять, сразу ложитесь, в этом спасение. Кто на военной службе служил, тот знает».

Офицера окружили рабочие, благодарят за совет, на вид он очень симпатичный, держит себя просто и говорит своей невесте или жене:

— Ну, вот безпокоилась, что пальто испачкала, зато сама жива осталась.

И снова тра-та-та-та и снова ложись, не беги, и снова перестали стрелять. Разносится молва, что видели убитых солдат и рабочего, с работы наверно шедшего, пото-

му что при нем инструменты: пила, топор и рубанок. Видели и раненых.

Мне не в мочь было больше стоять, зову товарищей:

— Идемте, может быть нужно раненых подобрать с Невского.

— Идем, идем.

Пришли на мост, видим два трупа, еще не остывших и много раненых, кта сами могли итти, пошли на перевязку, других товарищи сопровождают до первого извозчика. Убитого солдата по форме определили — писарь главного штаба, другой покойник — плотник. Оба убиты пулями, солдат сверху в голову, а рабочий ниже бороды в грудь.

Кричат рабочие:

— Палачи проклятые, кровопийцы.

Запевай, товарищи, похоронный марш.

Я пытаюсь, но не могу, очень взволнован видом убитых.

И вдруг один за другим слышатся голоса:

«Вы жертвою пали.....»

Идем к Литейному проспекту с обнаженными головами. Обнажают голову и посторонние, проходящие по панели, но есть и такие, что идут по троттуару и не хотят снимать шапок. Видим, что по Невскому и соседним улицам уже протянуты военно-полевые и телефонные линии в некоторые дома — там были засады полицейских и жандармов.

Поем беспрестанно похоронный марш, а с Владимирского проспекта под'езжают конно-полицейские части. Будут разгонять.

— Ну, что же нам не привыкать к их булкам.

Впереди отряда пристав с околоточным, освирепев кричат:

— Расходись мерзавцы, хулиганы, предатели, подкупленные немцами.

Рабочие будто не слышат, продолжают петь, но сами на-стороже, что бы как начнут нагайками стегать, начать спасаться.

— Расходись, стервецы этакие.

— Сам стервец.

— Не напились еще рабочей крови.

— Поезжайте к Аничкину дворцу, там еще не остыла кровь рабочих.

— Городовые, разогнать мерзавцев.

Городовые бросились стремглав и давай стегать направо и налево, городовые все пьяные. Нам пришлось отходить на Троицкую, на Литейный и на Невский. Через несколько времени опять собралось народу еще больше, чем было раньше, и Николаевская и Знаменская улицы снова запели похоронный марш. С Знаменской площади кричат:

— Здесь солдат много, не стоит итти сюда устраивать митинг, здесь, товарищи, перед вашим приходом разогнали нас.

Действительно во дворе Кокаревских складов была большая засада, туда и телефон протянут.

— Здесь, рассказывал один рабочий, нам здорово попало, и когда рабочих загоняли на 1-ую Рождественскую улицу и на Суворовский проспект, так с каланчи Александр-Невской части стреляли из пулеметов. Есть убитые.

— Много ли? спрашиваем.

— Сколько не знаю, но есть, но раненых много.

— Кто знает, товарищи, какого это полка солдаты?

— Не знаю, но только это не Петроградского гарнизона, теперь военное время, трудно узнать, много новых полков.

Остановились, на середину площади к памятнику не идем. Чтобы развеселить солдат, запели марсельезу, потом варшавянку и вдруг побежало по толпе:

— Да это Волянского полка солдаты.

Тогда я об'яснился с товарищем, что от этого полка вряд ли можно ожидать сочувствия к рабочим, что раньше он был самый верный привислянскому генерал-губернатору Скалону полк, тому самому Скалону, на которого три раза устраивали террористические покушения и все неудачно — только немного покалечили — и что на самый полк было покушение, когда он куда-то ехал на усмирение рабочих. Этот полк в 1905 г. лодзинских рабочих расстреливал, а в 1906 г. расстреливал в Польше крестьян по при-

казу Скалона, Скалон без этого полка и не спал, волынцы его сон охраняли. Самый верный полк в Варшавском военном округе был.

Решили идти обратно к Казанскому собору, хотели запеть интернационал, его еще ни разу не пели, да рабочим и мотив и слова не так были знакомы. Только начали группировать тех, кто знает интернационал, видим подходят два студента и три барышни, они запели, рабочие подхватили, но вышло жидко, не все знали. У Троицкой повстречались с другою демонстрацией, сообщившей нам печальную весть о том, что у Казанского собора убили трех студентов и двух курсисток. Раздались проклятья по адресу убийц, и с похоронным маршем и обнаженными головами двигаемся вперед. А в это время сзади городовые нагоняют нас и начинается беспощадное избиение. Городовые пьяные, злые переранили массу рабочих. Мне на этот раз не так больно попало по плечам. Пришлось разойтись с Невского проспекта на другие улицы, но через несколько времени опять скопились на Невском и Владимирской. Рассказывают рабочие, что видели, как городской на полном скаку налетел на трамвайный столб и лошадь разбилась почти на смерть и фараон себе ногу сломал — в такое остервенение городовые пришли, что не видят куда скачут.

КАЗАКИ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

И вновь мы пошли к Знаменской площади, на этот раз прошли без всяких столкновений и хоть на площади солдаты стояли, из толпы раздались голоса:

— Товарищи, пойдете к памятнику, ближе к солдатам, может не будет стрелять, ведь у Казанского собора не стреляли.

— Да вы знаете это какой полк, это волынцы, они в Польше много рабочих расстреляли.

— Пусть стреляют, все равно, когда помирать.

Пошли мы группами, не все, остальные стоят в ожидании, смотрят, что будет дальше. Солдаты расположились

целью от угла Лиговской ул. и площади кругом Северной гостиницы, Балабинской гостиницы до угла Гончарной ул. Несколько ораторов рабочих вскочили на пьедестал памятника и начали говорить о текущем моменте и о том, что мы должны делать:

— Если мы этот момент прозеваем, когда товарищи казаки к нам всецело присоединяются, когда произошел факт, что в нас у Казанского собора солдаты не стали стрелять и солдаты нам душевно сочувствуют — этого нам никогда не простится. Мы уверены, что и находящиеся здесь солдаты тоже станут нашими товарищами.

Старший офицер, он же и комендант площади прохаживается вдоль цепи, взволнованный и то и дело то с тем, то с другим офицером остановится и говорит. Солдаты внимательно, очень внимательно вслушиваются в речи рабочих ораторов. Через несколько минут вся площадь заполнилась рабочими и учащейся молодежью и проходящими, и в этот момент раздаются голоса:

— Товарищи, казаки едут.

— Где?

— Вон, по Лиговке.

При приближении казаков подымается невероятный крик, казаков приветствуют, машут платками. Казаки настроены весело, с симпатией глядят на нас. Их приблизительно человек 35, а может быть и больше. Они стали поперек Невского против Знаменской церкви, внимательно слушают ораторов, переговариваются между собой и посматривают на солдат. Рабочие ораторы с разных заводов с Обуховского, с Семянниковского — все мне знакомы. Говорило и несколько интеллигентов, мужчина и две барышни. В это время доносится:

— Расходись товарищи, городовые гонят по Лиговской ул. большой отряд полиции.

Часть обывательской публики стала быстро отходить к троттуару вместе с несколькими трусливыми рабочими, к счастью оказавшихся в небольшом количестве.

Приближение городских вызвало заметное волнение среди казаков, что-то между собой говорящих. Ораторы призывали не расходиться, проявить мужество и сопротив-

ляться, кто чем может. На этот раз полицейская опричи-на врезалась в толпу рабочих и начала их жестоко избивать. Поднялась давка. Полиция пыталась арестовать ораторов. Подошел и отряд пешей полиции, находившейся напротив в засаде, послышались револьверные выстрелы и со стороны рабочих. Послышался голос коменданта площади:

— С колена!

И та же картина, что у Казанского собора. Колеблются солдаты, кто опустится на колено, кто стоит, кто то опускается, то встает, не разберешь, что делается и друг на друга смотрят. Полицейские беспощадно расправляются нагайками и плашмя шашками. Слышим во второй раз команду офицера:

— С колена!

Рабочие стреляют. С казачьей стороны раздается команда:

— Вперед!

И вдруг казаки стремглав несутся на полицейских и давай усмирять полицию нагайками, пиками и шашками... В этот момент нельзя было понять, что происходит. Один крик, одно приветствие, общее приветствие в честь казаков:

— Ура, ура, ура!...

— Привет, привет, товарищам казакам!

— Ура, ура, ура!... .

Полицейские сперва не поняли, что делается. Но когда раскусили, что нагайки казацкие не по рабочим, а по ним фараонам, засвистали, бросились спасаться. И в галоп, и в галоп... Галопом погнались, чтобы успеть скрыться во дворе Александро-Невской части. А казаки за ними сзади и нахлестывают, и нахлестывают. За ними гонятся.

— Ура, ура, ура!... .

несется привет казаками. В это время раздается призыв товарища оратора к молчанию:

— Товарищи солдаты, последуйте примеру казаков. Переходите с оружием в руках на нашу сторону, на защиту рабочих....

— Ура, ура, привет товарищам казам!

кричат рабочие навстречу возвращающимся казакам, прогнавшим палачей-кровопийц городских. Рабочие ментально стали сбор в пользу казаков делать — папиросами, деньгами, конфетами, — кто чем мог.

Солдаты тоже веселы и на лицах их симпатизирующая ласка к рабочим и уж не цепью стоят они, после этого побоища, а группами.

Среди демонстрантов и революционеров не было убитых, но были шибко пораненные. Со стороны полиции были смертельно ранены пристав, околоточный и городской, которых тут же прикончили и бросили, как собак, под стену Николаевского вокзала. Несколько пеших городских и околоточных избили, но они успели спрятаться среди солдат. Пытались рабочие их оттуда вытащить, но солдаты по хорошему сказали:

— Идите прочь, не дадим.

Митинг продолжался. Казаки встали на прежнее место. Все больше и больше разрастался митинг. Со всех сторон подходил и подходил — народ.

Я и несколько товарищей начали спрашивать солдат: — давно ли служат, из каких губерний, какого полка? Они охотно отвечали на наши вопросы.

— Были ли на фронте?

— Были, потом ранили, в госпиталь отправили, после поправки снова в полк.

— А что ваш полк все время в Петрограде стоял?

— Нет, сначала в Варшаве, а потом эвакуировали, как немец стал подходить.

В дальнейшем перешли на другую тему разговора. Очень заинтересовались солдаты тем, что мы, рабочие, говорили. Только и слышно было от них в ответ:

— Да, да, вы правду, братцы, говорите....

Заговорили два солдата:

— Мы сами работали на заводах....

Один в Москве, другой в Брянске. Тут пришлось разговор прервать. Пошел я с Гусева переулка на Лиговскую улицу, вижу со Второй улицы Песков едут рысью казаки. Выехали на Лиговскую и встали поперек, против церкви и Северной гостиницы. Форма: — желтые лампасы и

петлицы. При появлении новых казаков начала снова обывательщина разбегаться. Через несколько минут к старшему казачьему офицеру подходит полицмейстер и комендант Знаменской площади; что-то ему говорят и рукой по направлению к памятнику Александра III показывают. А вокруг памятника митинг идет. Офицер взял под козырек, — слушаюсь-мол. Отошли комендант с полицмейстером в сторону, а казачий начальник под'езжает к младшему офицеру и говорит, что всех, что у памятника надо арестовать, цепью окружить. Офицер скомандовал казакам, но не всем, часть пока на месте осталась. Те, которым команда подана была, рысью пошли, а рабочие на встречу казакам кричат:

— Ура, ура, привет товарищам казакам!

Казаки цепью окружили, коней шпорят, кони прыгают, как козлы, а казаки нагайками машут, вроде как мух пугают, а ни одного рабочего не ударят.

В это время все от памятника пошли по Невскому, приветствовать казаков.

— Товарищи, сегодня наши товарищи были убиты, споете похоронный марш... говорит какой-то студент. Раздалось — «вы жертвою пали в борьбе роковой». Все сняли шапки. Не только демонстранты и рабочие, но и прохожие, за исключением редких личностей. Казаки-же не поехали за нами, не стали избивать рабочих, как в прошлые времена.

На эту тему начался разговор между рабочими, студентами и курсистками. Должен сказать, что как среди курсисток, так и среди фабричных работниц очень и очень много было таких, которые революционно, героически держали себя, не разбежались при появлении полиции, а среди мужчин масса трусов было. Вновь демонстрация стала грандиозной, половину Невского заняла собой. Все были так высокореволуционно настроены, что если бы в этот момент было бы оружие, то никакая сила сатрапов-городовых и палачей жандармов не могла бы разбить этот революционный под'ем. Этот под'ем почувствовали казаки и солдаты. Не только они не стали стрелять по нас с колена, но большинство даже не встало на колени.

Когда голова демонстрации поровнялась с Караванной улицей, начался обстрел из пулемета не то с Пассажа, не то из другого места. Со слов товарищей стало известно, что и с Гостинного Двора стреляли, что есть убитые и раненые, только неизвестно — много ли..... Не успела кончиться стрельба, как из засады, с Фонтанки, полицейские врезались в толпу и начали избивать демонстрантов. Им кричат:

— Казаков на вас пошлем. Они с вами разделаются.

И среди демонстрантов раздались револьверные выстрелы. Давка началась невообразимая, уж очень свирепо расправлялись городовые. Подмяли и меня, потоптали, рану на спине растревожили. Несколько городовых было ранено. Оказывается револьверы на них подействовали, — тише начали избивать. И уже слышится впереди пение похоронного марша — это по убитым из пулемета.

Боль в спине такая, что хоть ложись. Стал я домой пробираться, да и стемнело уже. Встретились по дороге товарищи с моего завода, они сообщили мне, что убили на Первой улице Песков молотобойца из нашей кузнечной мастерской, товарища Быстрекова.

— Что поделаешь, и нас самих могли убить. Такова борьба.

Открыл мне дома дверь хозяин. Обрадовался, говорит:

— Ну, слава богу, жив ты!

— Да, отвечаю.

— А я тоже попавши был под пулеметный огонь с Александро-Невской части.

Стали чай пить. А у меня боль ноги. Посмотрел, вижу кровяные подтеки, и большой синий круг ниже колена.

26 ФЕВРАЛЯ.

Воскресенье. Не нужно рано вставать на работу, а главное — не приходится беспокоиться: будут работать, проволят-ли забастовку, или нет.

Хозяин рассказывает, что сегодня взамен полицей-

ских всюду на постах по три солдата стоят и к Невскому не пропускают.

— Ну, что-ж, пусть сегодня не пускают, отдохнем, а завтра опять со свежими силами в заводы и на фабрики пойдем, всех мобилизуем, чтобы продолжать борьбу.

— Да, раз начали, надо продолжать, отвечает хозяин.

Попил чаю. И не терпится. Нужно узнать — правды ли не пускают. Вышел на улицу. Вижу, товарищи от Вестингауза стоят.

— Что правда не пускают к Невскому.

— Говорят, не пускают.

— Идем на Невский.

Пошли. Вышли на Обводный Канал, видим рабочие группами по разным направлениям идут к Невскому. Мы пошли по Коломенской улице, подошли к Пушкинскому саду, двигаемся к Пушкинской улице. Стоят три солдата Егерского полка с винтовками. Мы будто не замечаем их.

Крик:

— Нельзя! Проходите дальше.

Мы пытаемся итти.

— Вам говорят нельзя. Пропуск есть?

— Нету.

— А еще идете! Смотрите другие солдаты вас и арестовать могут.

Мы и спрашиваем: — где можно пройти.

— Сегодня нигде вас не пропустят. Один из товарищей попытался было агитацию завести. Солдаты слушают, но то и дело поглядывают, — не заметил-бы офицер.

— Идите, еще грехом офицеры увидят, что с рабочими разговаривали, с вами и арестуют. Мы понимаем ведь, что рабочие требуют. Я сам ведь рабочий из Екатеринослава.

Так мы еще в нескольких местах пытались пройти и всюду с одними и теми же результатами. Мы поняли, что у солдат к рабочим отношение дружелюбное, что у них ненависти к нам нет, хотя их при 20 градусах мороза заставили полицейскую службу нести. Идем обратно по Лиговской улице и видим, что на углу Лиговской и Раз'езжей митинг человек в тысячи полторы. Слышим оратора:

— Мы, товарищи рабочие и трудовая интеллигенция, должны вместе вести борьбу. Когда-то казаки против нас социалистов были, а теперь они с нами. Вчера они уже полицейских, а не нас, начали убивать. И солдаты отказались стрелять.

Тут кто-то из толпы сказал:

— Эй, товарищи, расходиться надо. А то стрелять станут. Говорят, что на колокольне Иоанна Предтечи пулемет стоит, да и на домах тоже.

Поднялся крик:

— Вишь на голодного, невооруженного рабочего пулеметы нашлись, а на позициях не хватает.

Послушали еще. А потом условились с товарищами социалистами-революционерами и социал-демократами, что соберемся все в 4 часа дня в столовой Народного Дома Паниной обсудить, что завтра будем проводить.

Собрались в 4 часа в Народном Доме. Все собрались, все, кто знали. Расселись за столами, кто чаю, кто молока взял, и начали тихонько выработать план завтрашнего действия. Все присутствующие одно говорят: не приступать к работе.

— Все данные за то, что наша победа. Казаки наши. У солдат волнение происходит. На том и порешили. Стали из столовой расходиться, пошли к Знаменской площади. Но дальше Кузнечного переулка не пропускают. Можно только на извозчике проехать. Начали вновь с солдатами говорить. Один из товарищей с завода Стерилизатор спросил их:

— Что, если вас, товарищи солдаты, пошлют на усмирение рабочих, будете ли стрелять?

Отвечают тихим голосом:

— Как другие солдаты поступят, не знаем, а мы вверх будем стрелять.

Это были солдаты Семеновского полка.

Стали у нас ноги мерзнуть и пошли мы по домам.

27 ФЕВРАЛЯ.

Пришлось рано встать. На завод итти далеко, а трамваи не ходят. А итти-то с Боровой на Выборгскую сторону. Подхожу к Невскому. Смотрю костры горят, солдаты греются, и офицеры похаживают взад и вперед, ноги верно согреваются, да за каждым проходящим смотрят.

Подхожу к заводским воротам. Вижу товарищи стоят. Социалисты-революционеры, и меньшевики, и большевики, и беспартийные.

— Что нового?

Рассказываю обо всем, о вчерашнем настроении солдат, о митинге на углу Лиговской и Раз'езжей, о собрании в Народном Доме Паниной с товарищами с заводов Сан-Гали, Вестингауза и других.

— У нас на Выборгской стороне было собрание. Образовался Совет рабочих депутатов. На собрании было несколько представителей и от солдат, которые просили, чтобы рабочие продолжали забастовку.

Это товарищ Воронов сообщает. Начали все расходиться по мастерским. Мы с Вороновым вошли в мастерскую. Все рабочие собрались в одном месте. Пришел начальник мастерской. Злой. Ходит вместе со старшим мастером. У рабочих настроение бодрое. Все за забастовку.

— Товарищи! В субботу, 25 февраля не только избияния и аресты были, но и расстрелы из пулеметов. Много жертв уже есть.

И не ожидая выхода других мастерских, рабочие дружно закричали:

— Не приступим к работе, пока не добьемся своего права.

— Нас расстреливают, нас избивают за то, что мы осмелились выйти на улицу и мирно заявить — дайте нам хлеба и предайте суду виновников расстрела....

— Идем, идем дружно... .

И все начали выходить из мастерской.

— Товарищи, похоронный гимн по товарищу Быстрекрову, из кузнечной мастерской.

Из кузнечной мастерской тоже выходят с пением. И

из других мастерских подходят. Подошли товарищи Денисов и Воронов и говорят, что мы должны во что бы то ни стало продолжать борьбу. Говорят, что получили сведения о том, что произошло заседание Совета рабочих депутатов, что получены постановления, и что на собрании были представители солдат, рассказавшие о том, какое большое волнение происходит среди солдат, какое у них озлобление против правительства. Пусть, говорили солдаты, рабочие продолжают бастовать.

Вышли мы на улицу. А уже подходят рабочие с Металлического, с Феникса, с Розенкранца, и все двигаются к Невскому. Идем и удивляемся — нигде нет ни жандармов, ни полицейских.

Но как только передние ряды вышли на Нижегородскую, так и закричали:

— Товарищи, на мосту много конных солдат, невозможно пройти в город....

— Через лед пойдем!.....

кричат другие. А все же шествие продолжается. Вышли на Нижегородскую. Впереди крики — это приветствуют солдат и песни поют. Стоп. Остановились. Дальше нельзя идти. Солдаты не пропускают. Говорят — вооружены до зубов. Нагайка, шашка и винтовка за плечами — не пройти. А все идем.

— Пошли назад!

Офицера упрашивают: пропустите....

— Расходитесь. Не ждите, когда будут силой разгонять.

А тут еще один выехал на Воскресенскую Набережную. Побежал говорок среди рабочих:

— Разойдемся сейчас. А потом опять попробуем. Но к работам приступать не будем. Есть интересное сообщение, что среди солдат брожение идет.

Послушались товарища с завода Леснер и пошли чай пить — холодно очень к тому же было — по кухмистерским. Минут через двадцать все чайные и столовые полны были рабочих и чаепитие превратилось в собрание.

Один только и слышен разговор: бастовать. Приходят Воронов и Соловьев с Патронного завода:

— Ну, товарищи, эти дни для рабочих будут решительными и мы должны или победить или совсем нас согнут, если будем зеваками.

Один из присутствующих ответил, что рабочий зорко стоит на страже своих интересов и не прозекает.

— Мы должны быть наготове для встречи новых товарищей и для совместной с ними работы. Эти новые товарищи наши — солдаты.

С этими словами и разошлись...

СТРЕЛЬБА.

...Итти надо по льду через Неву. Около городской Водоканчки на Воскресенской Набережной цепь конных солдат. Мы с товарищем Воробьевым (по пути встретились) идем по Арсенальной улице.

Слышны винтовочные выстрелы, а где, не можем понять. Это было в начале одиннадцатого часа. Остановились, прислушались, — стрельба идет по направлению Преображенской или Знаменской улицы. Быстро вышли на Полюстровскую Набережную. Стрельба все чаще и чаще повторяется. Спустились на Неву против Таврического Дворца, стрельба все разгорается и разгорается. Спрашиваем встречного, где стрельба идет?

— Слышал я разговор, — отвечает он, — что полиция в солдатские шинели переодета, в форму Преображенского полка. Хотят этим маневром рабочих спутать, показать им, что солдаты будто против рабочих. А на самом деле солдаты не хотят пачкать свой мундир кровью рабочих. А перестрелка потому и происходит между солдатами и городовыми.

От такого радостного сообщения мы в восторге и спешим полным бегом с товарищем Воробьевым. Перебежали Неву, выходим на Шпалерную. Видим — все находящиеся на Шпалерной устремили свои взоры по направлению стрельбы. Пытаемся пройти на Таврическую, — не пропускают солдаты, несущие полицейскую охрану. Мы их упрашивать.

— Да, куда вы пойдете? На смерть что ли? Попадете на шальную пулю. Слышите какая частая стрельба.

Мы спрашиваем их — где и кто стреляет?

— Скоро узнаете... .

Повернули мы со Шпалерной на Потемкинскую. Потемкинская полным полною народа. И дворники с бляхами на шапках, и рабочие, и люди всех рангов и сословий, не отрываясь, смотрят в сторону Преображенской улицы. А там идет полная ружейная канонада, и слышен общий крик толпы. Вокруг на всевозможные темы говорят. Кто радуется, что Волынский полк выступил с оружием в руках и вместе с рабочими, иные типы ругают рабочих за то, что своей забастовкой солдат соблазнили:

— Песнями да забастовкой. Сами лентяи не хотят работать.

От Ковенского переулка двигаются женщины. Мы к ним.

— Кто, где стреляет?

— Солдаты из открытых окон на углу Ковенского и Преображенской.

Какой-то представительный господин ругательски ругается:

— Дурачье набитое, свободы захотели. Всех надо в огонь, на передовые позиции....

— Ну, ты, поосторожнее говори....

Вот нам с товарищем не терпится. Все ближе подходим к разгорающемуся огню Революционной Свободы, и чем ближе подходим, все яснее нам и понятнее стрельба и крики, и все сильнее и сильнее гремит канонада.

ВОССТАНИЕ ВОЙСК И РАБОЧИХ

Оказываются в Волынском полку солдатское восстание. Выступил батальон, говорят под командой фельдфебеля, а может быть прапорщика.

Стрельбой и криками восставшие остальных солдат полка выступить призывают, а также соседям — Преображенскому и 18-му Саперному полкам — сигнал подают.

Видим стоит солдат на часах (какого полка неизвестно), охраняет склад, на месте не стоит, все ходит и смотрит на казармы волынцев. Продходит к нему генерал с другим офицером, не то капитаном, не то штабс-капитаном. Остановились у часового, что взволнованный ходил. Генерал стал что-то часовому громко говорить и руками по направлению волынских казарм показывать.

— Иди к командиру твоего полка, передай ему, чтобы сюда на усмирение двинулся.

Мы так поняли этот разговор по жестам, — стояли мы от них на расстоянии сажен пятнадцати. И видим: генерал упал, а солдат в руках винтовку держит.... То ли он его штыком заколол, то ли застрелил, — не понять, уж очень стрельба у казарм оглушительная. Рядом стоявший с генералом офицер, как повернет и бежать.... Тут мы сообразили, что генерала солдат убил. А нас уже не двое, — по сигналу какому рабочие стали группами подходить и все ближе и ближе к Преображенской улице. В одно мгновение вышли на Преображенскую и прямо в один голос все крикнули:

— Привет товарищам волынцам... .

— Ура, ура, ура!....

— Товарищи волынцы, выходи на улицу с оружием в руках, присоединяйтесь к рабочим....

— Давайте нам оружие!

Увидевши рабочих, волынцы тоже приветствуют их. Сначала мы понять не могли, что нам волынцы говорят. Потом только поняли, что еще есть колеблющиеся, неуверенные в победе.

— Запевай товарищи!

— Смело товарищи в ногу!

Этим мы подняли в солдатах дух революционный. Очень стройно запели... Из окон казармы солдаты нас приветствуют. Все больше и больше собирается рабочих, и из нашей толпы раздались голоса:

— Товарищи волынцы, где полковой склад оружия? Разрешите нам взять самим.

Вдруг послышался общий крик:

— Ура, ура, ура!

Солдаты от окон отошли, а через несколько времени товарищи волынцы выходят на улицу с винтовками в руках и приветствуют рабочих. Рабочие отвечают на приветствия приветствиями:

— Ура, ура, ура!

— Bravo, bravo привет товарищам волынцам!...

Несколько рабочих бросаются на встречу волынцам, обнимаются, целуют друг друга.... Получилось что-то необычайное.... И эхо общего приветствия несется над всеми. От воодушевления и радости при виде такой потрясающей картины многие солдаты и рабочие не выдержали и заплакали.

Тут один из солдат сказал речь. Сначала приветствовал рабочих:

— Товарищи рабочие! Я вас приветствую от всех товарищей солдат волынского полка. Примите нас в вашу товарищескую рабочую семью....

— Просим, просим.

— Привет, привет....

— Ура-а-а-а!

— ...А также представляю вам, товарищи, товарища Кирпичникова!...

— Ура, ура, ура-а-а-а!

— ...Он первый, товарищи, встал под революционное знамя и на защиту трудового пролетариата против кровавого правительства Николая II, и сейчас мы должны все итти и призывать солдат и граждан с оружием в руках. Товарищи рабочие! идите, возьмите у нас в складе оружие...

Тут все передние рабочие ряды пошли за оружием.

От рабочих также выступил оратор с краткою речью:

— Приветствую товарищей волынцев. Привет вам от нас, первым военным революционерам...

— Ура, ура, ура...

— ...Я на этом останавлиюсь, сейчас мы все вместе пойдем на борьбу. Только что сообщили, что товарищи солдаты Преображенского и 18-го Саперного полков к нам присоединяются. Идем товарищи...

Подходим к воротам Саперного полка и видим, что

уже весь двор полон рабочих и солдат. Солдаты рабочим оружие дают. Общее ура раздается. Это теперь товарищей сапер приветствуют, а они нас. Вышли со двора. Двинулись все вместе на Кировую улицу, хотим идти к Преображенскому полку.

— Не надо идти к ним... кричит кто-то:

— Они сами сейчас подойдут к нам. Идем к 6-му Запасному Саперному полку. Их казармы на углу Кировой и Знаменской, в частном доме...

Не успел еще прокричать, как уже видим — преображенцы выходят на улицу со двора и много с ними вооруженных рабочих... Подходим к казармам 6-го Запасного Саперного полка. Солдаты в окна смотрят. Мы их приветствуем, платочками машем. Некоторые из них тоже отвечают. Стоим, ждем, когда выйдут. Не выходят! Выделяется из толпы несколько солдат и обращаются к рабочим:

— Товари рабочие! пойдите к ним в казармы. Позовем их...

— Пойдем, пойдём... —

Раздаются и другие голоса:

— Не надо. Лучше к тюрьмам пойдём, политических освобождать....

— После пойдём из тюрем освобождать...

Несколько преображенцев и волынцев быстрым ходом вошли в казармы 6-го Запасного. Минут через десять выходят обратно и с ними человек тридцать сапер 6-го полка.

— Идите товарищи освобождать из Предварилочки арестованных товарищей.

— Идем, идем!...

ОСВОБОЖДЕНИЕ АРЕСТОВАННЫХ

Идет наша армия Революционеров. С каждой минутой все больше, да подходят. Присоединяются и солдаты и интеллигенция. Прибыл и грузовой автомобиль с революционерами.

Подошли к воротам Д. П. З. — Дома Предварительного Заключения — Предварилровка тож. Ворота закрыты.

— Сторож, открывай ворота...

Открылось очко в воротах, смотрит в него сторож.

— Чего смотришь! Тебе говорят открывай!

— Ключа у меня нет....

— А где же?

— В конторе....

— В контору, товарищи, идем в контору!

— Через парадную!

— В парадную не ходите, в парадной, наверное засада....

раздался предупредительный голос.

— Давайте ломать ворота!

— Ломай, ломай!

Солдаты и рабочие идут к парадной. Там тоже дверь закрыта.

— Бей прикладом!

— Черт ее ломает, такую здоровую!

В это время один из рабочих где-то лом достал и принес:

— Вот товарищи лом. На-те лом...

Враз дверь сломали. Входят в парадную.

— Ворота ломайте!

Сломали ворота. Входим во двор. Откуда-то началась по нас стрельба. Ренные. Никак и убитые есть. Революционеры-солдаты и рабочие — кто в контору пошли, начальника арестовывать, а кто с порядками знакомы — жильцами здесь раньше были — пошли по этажам к старшим надзирателям приказать камеры открыть, — ключи то до 9 вечера у них. Поднялся крик:

— Надзиратели, открывай камеры!

— Освобождай наших товарищей, довольно их томить.

— Товарищи сидящие, мы пришли вас освобождать. Мы, революционные солдаты и рабочие.

Застучали засовы, зазвенели замки и порвались оковы. Выбегают из камер заключенные и сами не поймут: — полны корридоры вооруженных рабочих и солдат. Встре-

чаются со знакомыми, целуются, плачут от радости. Целуют знакомых и незнакомых, солдат и гражданских лиц.

— Спасибо, спасибо, что нас освободили...

— Надзиратели, где кладовая с одеждой. Давай сюда вахмистра.

— Товарищи, идем в Кресты освобождать!

— Верно, идем. Пусть часть останется здесь, посмотрит, чтобы все освобождены были.

— Верно, верно.

Многие из освобожденных товарищей сразу взяли оружие у надзирателей и вступили в ряды революционеров, а весь оставшийся запас оружия сложили на автомобиль и поехали по улице раздавать.

Пошли чуть не бегом через Неву по льду к Крестам. А уже другая группа революционеров с боем вошла — со стороны тюремной стражи было сопротивление. Наша же армия двинулась к Женской Одиночной Тюрьме, на Арсенальную улицу. Подошли к тюремным воротам. Стук в ворота и крик:

— Открывай, открывай ворота!

Полное молчание. Будто никого живого. Снова:

— Надзиратель, открывай ворота!

И тут нам ответили... обстрелом из револьверов. Несколько товарищей поранили. Опять стреляют.

— Товарищи, товарищи, вон из окон дома стреляют!

Это из окон дома тюремной администрации, в котором жили начальник тюрьмы, помощники и другие тюремные чины. В ответ на их стрельбу революционный народ дал залп по окнам дома. Ворота открыли под звуки «Дубинушки», вбежали во двор. Стрельба усилилась. Тюремная опричнина доживала последние минуты, но стреляла. Освободители тоже открыли огонь по окнам дома, по крыше чердака. Раздаются призывы к тюремной страже о прекращении стрельбы. Обещают не мстить. Это ведь двор не тюрьмы, а административный двор, в котором расположены три дома, и в двух живут низшие служащие. Стрельба продолжается. Раздается крик из толпы:

— Товарищи, что с ними няньчиться! Давайте бомбами взорвем!

—А есть у нас бомбы!

— Есть, есть. Много!

— Делаем предупреждение: эй: выходи! а то вместе с домом всех взорвем....

Стрельба прекратилась. Между нами много раненых. Есть и убитые.

— Эй, сдавайтесь!.... в последний раз предупреждаем....

— Черта ли их просить, палачей! Бросай бомбы!

Послышался крик в доме. Из дверей выходят надзиратели, руки вверх держат.

— Оружие где? Сдавай оружие.

— В доме оставили...

— А есть там еще несдающиеся.

— Есть, да не очень много.

Солдаты и рабочие решили штурмом брать дом. Бросились бегом по лестницам. Внутри произошла перестрелка. И через несколько минут обезоружили. За активное сопротивление убили не то начальника тюрьмы, не то помощника начальника и ещё кого-то из тюремного состава.

Самая тюрьма отделена от административного двора высоким забором, и ворота в тюрьму еще оставались закрытыми. Из тюремных окон на все происходящее смотрят заключенные, — наверное, уже поняли в чем дело. Эти ворота были взяты нами без труда — дежурный открыл. Наши побежали по флигелям и корридорам, начали открывать камеры и объяснять выходящим из камер — как и что.

— Всех освобождаем волею Революционного Народа....

Мне повстречалась товарищ женщина, из заключенных, фабричная работница и социалистка-революционерка, партийная. Бросилась ко мне:

—Что это вы здесь....

Я ей кратко объяснил все, что произошло за эти дни.

— Всех ли освободили?

— Как будто всех...

Пересмотрели на ново весь флигель, все камеры. Вышли вновь на двор. Другие флигеля еще не вышли.

— Я с вами, товарищ Марков, пойду с вами других товарищей освобождать, говорит работница Соня.

Вышли все заключенные и из других корпусов, собрались и запели:

— Смело, товарищи, в ногу...

Кто-то спрашивает:

— А что много здесь у нас раненных?

— Да много, есть и убитые....

— Всех раненых в тюремную больницу на перевязку отправили.

Пенье окончилось.

— Куда теперь пойдём?

— Не знаем...

Попадается навстречу грузовой автомобиль с Революционным народом.

— Откуда идёте?

— От женской тюрьмы?

— Ну, как там?

— Да освободили.

— А мы получили сообщение, что в женской тюрьме тюремщики защищались, вот и ехали на автомобиле к вам на помощь.

БОЙ У МОСКОВСКОГО ПОЛКА

— Товарищи, идем к Московскому полку.

— Он разве еще не выступил?

— Нет еще. Идем, идем туда...

Запели Варшавянку и двинулись. Итти далеко — казармы Московского полка на Семеновском проспекте находятся и на Лесной проспект выходят. При самом подходе встречает нас группа товарищей, предупреждают нас:

— Будьте осторожны, учебная команда может обстрелять. Из пулеметов из окна своего флигеля. Остальные солдаты все готовы к выступлению, но почему то воздерживаются, боятся что-ли, что учебная команда может воспрепятствовать.

Встреченные товарищи остановили нас и указали нам

флигель учебной команды. Мы друг у друга спрашиваем совета. Решили итти... Наши солдаты и говорят нам:

— Товарищи рабочие, мы пойдем впереди. Они в нас стрелять не будут.

Но не успели выйти из за забора, как только стали им видны, сразу открыли стрельбу. Все вышедшие товарищи быстро повернули назад. Но все-таки двух товарищей убили, многих ранили. Убиты оказались — солдат Преображенского полка и рабочий с металлического завода. Открыли и мы стрельбу. Они тоже отвечают. Но наша стрельба для них не так опасна — для находившихся в казарме. Ни призывы наши, ни революционные песни на них не влияют. Остальные же солдаты, как услышали перестрелку, стали понемногу выходить. Учебная команда начала и своих солдат обстреливать... Казарма учебной команды так расположена, что с какой стороны ни подходи — все видно, во все стороны моментально обстрел начинают.

Постановили мы: — ползком подойти, и поджечь казарму. Тогда, спасая себя, они волей неволей принуждены будут сдаться.

Таким способом мы их и победили.

Тогда почти все солдаты присоединились к нам. Со всем незначительная часть осталась в казармах. В Московском полку мы тоже добыли винтовки для вооружения Революционного народа.

С воодушевлением и овациями приняли мы сведения о том, что Первый Запасный Пулеметный полк в полном боевом порядке выступил в город и идет на помощь вошедшему народу.

— Идем теперь к Таврическому Дворцу, там уже Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заседает. Он руководит революционными солдатами и рабочими.

— Да, да, идем. Нечего зря времени терять.

— Товарищи, не все должны уходить, часть должна остаться для встречи пулеметчиков, а то они не будут знать куда итти, раз здесь никого не будет.

— Верно, верно товарищи.

Часть солдат и рабочих осталась на месте, все остальные пошли к Таврическому Дворцу. Перейдя Литейный мост, начали сворачивать на Шпалерную улицу.

ПОД ПУЛЕМЕТНЫМ ОГНЕМ И ПОДЖОГИ ДОМОВ

Я лично решил сходить на квартиру, сменить испачканную мою рабочую одежду и тяжелые сапоги. А также немного отдохнуть и поесть.

По пути домой решил зайти к товарищу Воронкову, узнать — где он был, где больше принимал участия в Революции.

На звонок отозвалась его жена. Кричит — кто там? Отвечаю — Марков. Оказывается самого его не захватил. Открыла она мне двери. Живы, не убиты, и не ранены — говорит. Все благополучно — отвечаю. — Ну и слава богу.

— А как Петр Антипович, дома?

— Нет, с утра ушел. Был пришедши, чаю попил, да после ушел на собрание, или на заседание — не знаю.

— Ну, если придет, пусть меня подождет. Я переоденусь, да поем, и сразу приду.

По дороге домой встречаю рабочих и солдат, группой человек в десяти. Спрашиваю их:

— Что товарищи охраняете?

— Мы не охраняем, товарищ, а обезоруживаем проходящих в этом районе офицеров. Отбираем оружие по постановлению Революционного Комитета.

Это на углу Знаменской улицы и Гусева переулка. Иду по Лиговской улице, встречаю другую группу рабочих завода Сан-Гали. Среди них знакомые товарищи социал-революционеры и социал-демократы. Говорю им:

— Что вы тут гуляете? Надо итти солдат из казарм вызывать и заключенных из тюрем освобождать....

Прерывают мою речь:

— Да, мы не гуляем. Мы тут охрану несем. Были попытки магазины громить. Хулиганов много, нас мало — не управиться, придется из другого района помощи требовать.

В Лиговском-то районе рабочих мало, потому что мало фабрик и заводов. А хулиганья много. Стали встречные меня спрашивать, — что было. Я им рассказал. А сам то-роплюсь домой.

На углу Воздвиженской и Лиговской вновь группа с фабрики Кожевниковой, тоже дежурит, лавки от погрома охраняет.

Пришел на квартиру, хозяйка встретила. Ну, говорит, думали мы, что вас и в живых нет. Везде, ведь, перестрелка. Везде убитые. Отвечаю ей — много раз был под обстрелом, но цел; а хозяин где?

— Пришел какой-то товарищ, вызвал его итти куда-то на охрану. Я не пускала, боюсь убьют. А он не послушал.

Я попросил хозяйку самовар поставить. Чувствую — не разогнуться, такая боль в спине, болячку, раздеваясь сорвал. Так устал, что, пока самовар вскипел, уснул на стуле. Попил чаю и снова пошел. На углу Раз'езжей и Лиговской встречаю грузовик полный товарищей, вооруженных солдат и рабочих. Не успел поровняться, как вдруг начали из пулеметов палить. Сперва и не понять откуда. Но по разбитым вывескам и окнам узнали, — это стреляли из дома на углу Лиговской и Чубарова переулка, со второго этажа гостинницы Севастополь. Стали спрашивать — кто там. Дворник из соседняго дома рассказал нам, что здесь засада городских, а потому сегодня раньше закрыли торговлю в гостиннице.

Мы разыскали дворника дома, в котором помещалась гостинница, и послали его сказать, что пусть по хорошему сдаются, тогда ничего не будет, а если с бою возьмем, то все будут арестованы.

Пошел дворник к ним, через некоторое время вернулся, сообщает, что не хотят даже говорить...

И опять началась стрельба, и по другой стороне Лиговской во втором этаже, в квартире, кого-то ранили. Обозлились мы после этого. Революционный народ решил — поджечь дом. Дом этот был не жилой, квартир не было. Первый этаж — чайная и пустое под торговлю

помещение, второй этаж — под гостинницей, третий — под номерами. Послали вторично дворника:

Пусть сдаются. Если же не хотят, сразу предупреди в номерах ночлежников, чтобы вон выходили. Дом зажжен будет.

Через полчаса, а может быть и меньше, вышло несколько парочек. А дом уже горит. Все смотрят, ждут, как станут выбегать фараоны. Весь нижний этаж почти целиком охвачен пламенем, взоры присутствующих обращены на парадную лестницу и на черный ход. Но полицейских не видно. Огонь стал проникать во второй этаж и обе лестницы в огне, а их все не видно. Наверное, был заранее заготовлен проход в соседний дом. В этот момент послышались взрывы — один за другим — гранат или ручных бомб, а затем начали взрываться патроны, — пулеметные ленты, точь в точь стрельба из пулемета.

После этого группы народной охраны и грузовик вспомогательной дежурной народной охраны двинулись по своему назначению. Я же отправился к Воронкову. Приходил, да ждать меня у него времени не было. Ушел на заседание какое-то, а меня просил поспешить на Николаевский вокзал, я там нужен, там с товарищами встречусь. Так мне жена Воронкова передала.

НА НИКОЛАЕВСКОМ ВОКЗАЛЕ.

На вокзале, в третьем классе увидел я знакомых товарищей. Спрашиваю — в чем дело? Отвечают — назначили здесь нести охрану до 2 часов ночи. Посоветовали мне идти во второй класс, там много товарищей солдат и рабочих. Вошел в залу второго класса, увидел Воронова, Соловьева и других товарищей. Товарищ Воронов познакомил меня с товарищами солдатами, отрекомендовал как старого рабочего и социалиста, рассказал мне, что здесь мы должны нести охрану и обращать все свое внимание на офицерство, так как получены сведения о том, что идет на Петроград отряд для подавления Революции, а также собираются группами по пять десять человек. Поэтому

всех приезжающих военных высших чинов осматривать, и не допускать к поездам и на вокзал подозрительных и хулиганствующих лиц. А если будет нужна помощь, то звонить по телефону в Таврический Дворец.

Ходим мы по платформе по два, по три человека. Зашли в третий класс. Здесь было много пленных австрийцев, разместившихся в одном из углов зала. Некоторые из них говорили на ломанном русском языке. Расспрашивают, очень интересуются начавшимся революционным переворотом. Разговор пришлось прерывать, минут через пятнадцать поезд приходил, нужно было идти его встречать. Руководителями нашими были — один солдат, старший унтер-офицер Преображенского полка, а вторым — товарищ Воронов. В несколько минут заняли все свои посты, каждый знал, что делать, поставили на случай опасности и у телефона. На платформе поставили по четыре человека против каждого вагона, да по четыре человека внутрь вагона для осмотра пассажиров и для разоружения всех высших воинских чинов, а по одному на площадку вагона, чтобы со стороны не могли взойти. При входе в вагон обращались мы к пассажирам со словами:

— Граждане, объявляем вам, что восставшим Революционным народом, рабочими и солдатами, царское правительство свергнуто. Премьер-министр Протопопов и несколько других министров арестованы.

Часть пассажиров приветствовала это сообщение и кричала ура. Так происходило в каждом вагоне. У нас было предписание о том, что если которые не будут признавать распоряжений Революционного народа, тех препровождать в Таврический Дворец. В случае прибытия вооруженных солдат спрашивать — откуда приехали, зачем в Петрограде, куда направляются, почему вооружены, а посему временно задержать до распоряжения из Таврического Дворца. Во время осмотра вагонов некоторые из военных не хотели признавать распоряжений восставшего революционного народа, отказывались сдавать оружие, появились и хулиганы, прошли в некоторые вагоны, что-то в них хотели делать. Ну, за это им не поздоровалось; как стали из вагонов выводить, не лбами им пришлось двери

открывать. Все мы проделали организованно, почти без всяких инцидентов с пассажирами и отдельными военными. Не успели еще из вагонов выйти, как сообщают нам, что хулиганы в третьем классе начали буфет грабить. Все, кто были свободны, побежали в третий класс, а там ворвавшаяся толпа, человек в тридцать, лиговских хулиганов, пьяна пьянехонька, начала стрелять. Пришлось и нам открыть стрельбу вверх. Мы их скоро ликвидировали, товарищи солдаты в ход пустили приклады. Во время перестрелки между хулиганами и охраной пришлось наблюдать такую картину: военно-пленные австрийцы, среди них были чехи, мадьяры, карпато-руссы, испугались визга пуль. Спасая жизнь, они прятались под столы и досчатые диваны. Но вот на вокзале все вновь успокоилось. Железно-дорожные товарищи действовали тоже очень энергично. Жандармерии не видно. Очевидно вся на вокзале попряталась.

— Сейчас поезд придет.

Вышли вновь на платформу. Минут через десять и дежурный помощник начальника станции. Ласковый такой...

Мы его начали спрашивать:

— Ну, что сегодняшние события не нарушили вашей работы, вы ничего не замечаете?

— Одно заметно, многие служащие не явились, телефонисты, телеграфисты и другие. Наверное тоже принимают участие в революционной работе. Их заменить охотно остались на вторую смену их товарищи.

Иван Марков.

(Окончание следует).

МЕХАНИЗАЦИЯ ИСКУССТВА ¹⁾

Фотография, синема, пианола, миньона, грамофон властно вторгаются в духовную жизнь современного человечества. и отнимая у людей деньги, время и внимание, несомненно вытесняют из обихода наше прежнее искусство. К лучшему или к худшему для нашей духовной жизни?

Может-ли механизм заменить живое творчество? Если может, то в какой мере? Если не может, то почему механизм вытесняет подлинное искусство?

Прежде всего нужно отметить, что разные искусства в различной степени поддаются механизации.

С этой точки зрения мы можем так классифицировать все искусства. На одном краю стоят: архитектура, скульптура, живопись. Это искусства, создающие предметы, которые продолжают свое существование, и при том совершенно независимое, и после того момента, как рука художника положила на эти предметы свою последнюю черту. Эти предметы воздействуют на зрителя без всякого посредничества, без всякого участия самого художника, и требуют от зрителя только восприимчивости к искусству, т. е. способности получать духовное наслаждение независимо от практической полезности рассматриваемого предмета. Конечно, и здесь степень эстетической подготовки играет большую роль, увеличивая или уменьшая напряженность и качество получаемого удовольствия, но сравнительно с другими искусствами условия получения этого удовольствия здесь наиболее облегчены.

На другом краю стоят искусства, создающие не предметы, а явления, существующие только в то мгновение, когда они создаются. Сюда принадлежат: актерское искусство, ораторское

---

*) Охотно давая место статье известного музыканта и художественного критика В. Вальтера, редакция отмечает, что далеко не согласно со всеми выводами автора, и постарается осветить затронутые им вопросы с иной точки зрения.

искусство, музыка, как реальное звучание (очень важно отличать ее от музыки, записанной нотами) и танец. Самое важное отличие этой группы от первой состоит в том, что для того, чтобы дойти до воспринимающего, эти искусства нуждаются в посреднике, в исполнителе. Будет ли таким посредником автор произведения (драматург-актер, композитор-пианист) или воспринимающий (любитель, играющий фортепианную пьесу), во всяком случае на пути от творящего художника к воспринимающему явлению искусства стоит исполнитель, т. е. человек, непременно одаренный творчеством, живым творчеством, иначе творение художника не только не дойдет до сердца воспринимающего, но бывают случаи, когда исполнитель отталкивает слушателя от произведения. Эти посредники у нас называются артистами (по французски артистом называется всякий творящий искусство, в отличие от артизана, воспроизводящего его механически), и артист-исполнитель является таким же творящим искусством, как и драматург или композитор. Отсюда видно, что восприятие явлений искусства обставлено гораздо более трудными условиями, чем восприятие предметов искусства, ибо в первом случае не только необходим посредник-исполнитель, но и воспринимающий должен быть гораздо более подготовлен: осматривая храм, вы располагаете по желанию пространством и временем; слушая симфонию, вы имеете в своем распоряжении только течение музыки, которое вы должны ухватить в ряде мгновений (как пейзаж, протекающий перед глазами в cinema), и если вы не подготовлены музыкально, усвоение симфонии будет очень бедное.

Наконец, между этими двумя группами искусств располагается средняя группа, все виды поэзии и музыка, записанная нотами. Поэт оставляет нам вещи (книги), имеющие независимое от него существование и не требующие артистов для передачи их читателю. Здесь посредником между поэтом и его читателем является сам же читатель. Но для чтения романа от воспринимающего требуется гораздо более высокая степень подготовки, чем при рассматривании храма или картины. Здесь требуется не только умение читать на языке автора, но и более или менее значительная степень общего культурного развития*).

Уже из сказанного видно, что разные искусства в весьма различной степени поддаются механизации. Воспроизведение статуи уже тысячелетия назад было в руках ремесленников, изобретение фотографии дало возможность воспроизво-

---

*) Что касается музыки, записанной нотами, то пока без музыкального исполнителя обойтись нельзя, но можно себя представить, что настанет время, когда люди будут настолько развиты музыкально, что смогут читать ноты, как теперь они читают книгу.

дить картины, но воспроизведение игры актера или паниста стало возможным только в последние двадцать лет!

Раньше, однако, чем перейти к рассмотрению поставленных нами выше вопросов, необходимо очень точно отличить в деятельности искусства две фазы или две стадии: фазу творчества и фазу передачи этого творчества воспринимающему. Это приводит нас к необходимости рассмотрения, что такое творчество.

Этот вопрос мы будем исследовать в узких пределах: только для сравнения художественного творчества с механической работой. Художественное творчество есть также работа, работа нашего интеллекта, но от механической работы она отличается весьма важными признаками: 1) методом работы, 2) задачей работы и 3) индивидуальностью художественного творчества. Яснее всего это будет видно на конкретном примере. Статуя для своего осуществления очень часто проходит две стадии работы: творческую и механическую. О творчестве скульптора в немецком романе Штинде «Семейство Бухгольц» есть очень наглядный, попадающий в самую точку, рассказ. Ребенок спрашивает скульптора, как это он высекает из мрамора фигуру. Скульптор отвечает: «ведь это очень просто: фигура уже сидит внутри мрамора, а я только откалываю покрывающие фигуру слои». Замечательно, что у Пушкина в одном из писем имеется сходное описание работы скульптора. Толстой в «Анне Карениной» говорит о художнике Михайлове: «Он знал, что надо было много внимания и осторожности для того, чтобы, снимая покров, не повредить самого произведения, и для того, чтобы снять все покровы; но искусства писать, техники тут никакой не было. Если бы малому рабенку или кухарке также открылось то, что он видел, то и она сумела бы вылущить то, что она видит».

Я подчеркнул в этой цитате слово **видел**, потому что в этой способности видеть то, чего не видит «кухарка», и заключается возможность творчества художника. Именно художник внутренним зрением видит целиком тот образ, который он хочет поставить перед глазами зрителей, и все его искусство, вся его техника состоит в том, чтобы так снять покровы, так обрабатывать детали, чтобы то, что он видит интуитивно, зритель увидел бы своим чувственным зрением. Значит работа художника начинается с целого и переходит к частям, к деталям, которые и вырабатываются им так, чтобы они в своей совокупности выразили бы целое.

Совершенно иным путем, противоположным, идет ремесленник, отливающий или высекающий из мрамора статую. Для него интуитивный образ, руководящий художником, не существует. Он имеет модель, по которой он механически воспроизводит то, что ему заказано, и именно начиная с частей приходит

к целому. Это еще более ясно в архитектуре: здесь целое предстает внутреннему зрению зодчего, который выполняет это целое, трехмерное для внутреннего зрения целое, на плоскости, в виде чертежа, а самая постройка здания производится многими ремесленниками, из которых каждый работает над своей частной задачей, не имея понятия о художественном целом.

Совершенно тоже соотношение имеет место в творчестве, создающем уж не предметы, а явления.

Под влиянием особого душевного волнения в воображении композитора, в его внутреннем слухе, рождается мелодия, звуковой образ, рождается сразу целиком, будь этот образ не только простая мелодия, но и наиболее сложное сочинение, скажем симфоническое *Allegro*. Самое занесение этого «явления», явившегося композитору сразу целиком, как бы вне времени, на бумагу есть процесс, протекающий во времени, и исполняя эту работу, композитор непрерывно как-бы сравнивает полученный им на бумаге музыкальный образ с теми звучащими в его душе образом, который родился как-бы независимо от его сознательной воли в его бессознательном Я.

На одного композитора, творящего интуитивно, в настоящее время приходится тысячи композиторов, также сочиняющих романсы и симфонии, и сочиняющих намеренно, сознательно, по великим образцам (вспомним, как работает ремесленник-скульптор). Почему труды таких композиторов, обладающих часто самой первоклассной техникой, остаются мертворожденными и не могут получить реальной жизни в исполнении даже наилучших артистов? Потому что они работают механически, а не творят. У них отсутствует тот интуитивный образ, который руководит всей творческой работой композитора, и который рождается где-то в бессознательной сфере художника, рождается независимо от его сознательной воли.

Еще ярче это различие между творческой и механической работой выступает при анализе деятельности артиста: актера или музыканта-исполнителя. Создавая данную роль, артист должен иметь в душе интуитивно схваченный (это дается только талантом) цельный образ, и вся работа актера по подготовке роли состоит в том, чтобы подогнать все детали (жест, мимику, интонации голоса) к образу, целиком предсуществующему в его воображении. Техника актера и состоит в том, чтобы с наименьшим трудом проделать эту подготовку. Но если у актера нет таланта, т. е. он не в состоянии видеть внутренним зрением прообраз своей роли, то никакая техника, никакое старание подражать знаменитым образцам, ему не поможет: он не создаст живого лица на сцене и его игра не дойдет до сердца зрителя — это будет не творчество, а механическая работа: он будет подобен каменщику, строящему камень за камнем здание, не имея цельного плана этого здания. То-же нужно сказать

и об исполнении музыканта. Он может обладать великолепной техникой, память дает ему возможность сыграть без ошибки все ноты, написанные композитором, и все-же его игра останется мертвой, если ему недоступны те эмоции, те настроения, те душевные волнения, которые породили в душе композитора данное произведение. Здесь идет речь уже не об определенном образе, как это имеет место в творчестве поэта или художника, а о техническом процессе, о чем-то таком, что происходит в самой глубине человеческой души, в такой глубине страстей и настроений, куда может добраться только интуиция музыканта. Только музыка (и игра актера, и танец) может передать, может выразить (отнюдь не изобразить!) самое чувство, движение, динамику чувства, то, что Шопенгауер назвал «вещь в себе» эмоции. Это описание музыкального творчества я мог-бы подтвердить примерами из текущей музыкальной жизни, но мне приходят на мысль два ярких исторических примера.

Феликс Мендельсон был первым дирижером своего времени. Стоя во главе знаменитого оркестра Гевандгауза в Лейпциге, он с полным успехом исполнял все симфонии Бетховена кроме девятой. Не может быть речи о том, что Мендельсон чего-нибудь не понимал в архитектуре этого произведения. Но он не чувствовал эмоционального содержания девятой. Рожденный в богатой семье, счастливый с момента рождения, окруженный славой с детского возраста, Мендельсон не знал, что такое борьба, да и по темпераменту (об этом говорят все его сочинения) не был борцом. А эмоциональная сущность девятой, как выражение всей жизни Бетховена, и состоит в героической борьбе личности против насилия судьбы, борьбе, кончающейся победой личности, победой, достигнутой соединением личности с человечеством: «соединитесь миллионы» — текст финала. Мендельсон был настолько честный артист и настолько высоко развит интеллектуально, что неуспех девятой под своей палочкой объяснял не недостатками музыки Бетховена, а своей неспособностью ее исполнить.

Нужен был гений Вагнера, хорошо знавшего, что такое борьба, чтобы девятая симфония получила реальную жизнь под его палочкой (в Дрездене в 1849 году).

И тот-же Мендельсон 20-тилетним юношей возвал к жизни гениальную музыку Баха, лежавшую сто лет в мертвых знаках партитуры в неизвестности вследствие отсутствия соответствующего исполнителя. В 1829 году Мендельсон впервые исполнил «Пассиону по Матфею» Баха, в которой совершенно гениально выражены в звуках музыки настроения верующего при созерцании страданий Христа, и исполнил так, что после этого исполнения не только получила жизнь эта Пассиона, но наступила эра, не окончившаяся еще и ныне, «открывания» Баха. От-

чего в этом случае Мендельсон оказался на такой высоте? «Нужно было появиться еврейскому мальчику, чтобы оживить величайшую христианскую музыку», так писал сам Мендельсон по поводу исполнения Пассионы. В душе этого еврейского мальчика жило яркое религиозное чувство, которое одно и то же во всех религиях, и это чувство, играющее в музыке ту же роль, что образ в изобразительных искусствах, и направляло все исполнение Мендельсона на путь истинного творчества.

Обратимся теперь ко **второму признаку**, отличающему творческую работу от механической, именно к задаче искусства.

Еще и до сих пор задачу искусства часто определяют, как создание прекрасных предметов и явлений («les beaux arts»). Не говоря уже о том, что искусство сверх прекрасных предметов создает сколько угодно предметов отталкивающих, это определение не охватывает тех областей искусства, которые вторгаются в сферу науки и религии. Искусство, также, как и наука, открывает нам истины и как раз в тех областях, куда доступ науке до сих пор наиболее затруднен, т. е. в психологии. Не будет слишком смелым утверждение, что Шекспир, Достоевский, Толстой вскрыли такие тайны человеческой души, которые еще и теперь не поддаются ни математике, ни физиологии. Но здесь очень важно отметить, что творческая работа художника отличается от работы ученого опять таки методом. Ученый работает дискурсивно, т. е. разлагая исследуемый предмет на мельчайшие части (дифференцирование) и слагая из них целое (интегрирование), которое только приблизительно (хотя-бы и бесконечно близко) воспроизводит предмет или процесс. Художник работает интуитивно, т. е. схватывая предмет исследования в его живой, реальной действительности, и потому интуиция художника ближе к жизни, чем формула ученого. Для математика круг есть правильный многоугольник с бесконечным числом сторон, для художника круг есть идеально правильная непрерывная замкнутая кривая. Поэтому художник сильнее в тех областях, куда не проник еще математический анализ. Может ли ученый сказать нам, почему данный человек, приехав в уездный город, надул в нем всех жителей? Психолог, пожалуй, напишет целые томы исследований, а Гоголь дал нам образ Хлестакова, и этот образ служит нам для понимания психики данного лица не хуже, чем формула химика для понимания состава данной соли.

Еще яснее право искусства на вторжение в область религии, как учения о Высшей Силе и о Добре. Выньте из религии архитектуру, скульптуру, живопись, музыку, танцы (в широком смысле), и что останется? Догма, бессильная овладеть душой человека. Вспомним, какое место в Евангелии занимают притчи. Значит, в задачу искусства входит также содействие Добру

(«чувства добрые я лирой пробуждал»), утверждение нравственного закона в сознании человека.

И так, в задачу искусства входит создание прекрасного, раскрытие истины и проповедь Добра. Какими-же путями достигает искусство своих целей?

Ученый, чтобы доказать верность своей формулы, обращается к нашему разуму и объективно приводит нас к познанию открытой им истины. Создатель религии своим повелением, своей жизнью, своей волею приводит нас к пониманию Добра: он обращается к нашей воле и к нашей способности подражания.

Художник побеждает нас искренностью своих чувств («заражает» по Толстому), которые возбуждают в нем самом созданные им предметы и явления, он обращается к нашей эмоциональной сфере, он своим талантом учит нас чувствовать, обогащает нашу душу эмоциями. Выше, говоря о методе художественного творчества, я указал, что метод этот основан на особой способности художника схватывать предмет в его целом, в его живой действительности: творчество художника интуитивное, и эта способность и называется талантом. Теперь мы видим, что таланта мало, что художник должен еще уметь глубоко и разносторонне чувствовать, иначе его деятельность не найдет отклика в сердце воспринимающего.

Иллюстрирую это утверждение двумя примерами.

О том, что проституция есть ужасное, позорящее человечество, явление написано много томов ученых исследований. Но прочтите короткий рассказ Чехова «Припадок» и вы будете силою таланта и искренностью чувства этого художника приведены к той цели, с какою Чехов и написал этот рассказ: «Быть может мне удастся написать его так, что он произведет, как-бы я хотел, гнетущее впечатление», так пишет Чехов Плещееву 15 сент. 1888 года, отправляя ему рассказ «Припадок» для сборника памяти Гаршина, в котором главное действующее лицо: «молодой человек Гаршинской закваски».

Гениальный творческий дар Толстого сопровождался такой-же глубиной и разносторонностью его способности чувствовать. Но посмотрите, как бессилён становится талант этого гения, когда он хочет внушить нам чувства, которых он сам не испытывает: когда он неискренен. В «Войне и Мире» сотни живых людей, незабываемых образов, и среди них мертвая схема Наполеона, самое слабое (художественно) лицо, не смотря на центральное место в романе. Как это могло произойти? Как художник, Толстой бессознательно, конечно, чувствовал величие Наполеона. Как философ, выдумавший теорию исторического фатализма, Толстой не хотел признавать, что отдельный человек может влиять на ход истории, и вот Толстой старается показать нам маленького Наполеона — получается, за исклю-

чением отдельных моментов, Наполеон, который на нас вовсе не действует, нисколько не убедителен.

Посмотрим теперь, участвует ли в механической работе тот момент чувства, искреннего чувства, который необходим в творческой работе.

Среди механических соперников искусства одним из самых опасных является фотография (и синема).

Может ли фотография соперничать с картиной, с пейзажем, портретом (допустим, что в конце концов цветная фотография будет вполне усовершенствована). Что составляет самую суть художественного портрета? Сходство? Да, сходство, но не внешнее сходство, которое фотограф схватит лучше художника, а какое-то иное сходство, которое художник улавливает только при двух условиях: если он имеет талант, интуицию, и если он умеет почувствовать те душевные качества изображаемого человека, которые остаются невидимыми на фотографии и часто бывают скрыты от самых близких людей.

Дадим слово опять таки Толстому. «Портрет (Анны Карениной, написанный Михайловым) с пятого сеанса поразил всех, в особенности Вронского, не только сходством, но и особенно красотой. Странно было, как мог Михайлов найти ту ее особенную красоту. «Надо было знать и любить ее, как я любил, чтобы найти это самое милое ее душевное выражение», думал Вронский, хотя он по этому портрету только узнал это самое милое ее душевное выражение. Но выражение это было так правдиво, что ему и другим казалось, что они давно знали его».

В чем тут секрет успеха художника? Вронский приписывает его технике Михайлова. Сам Михайлов, как мы видели выше, не понимает, что такое техника и объясняет успех своей работы своей способностью «видеть», т. е. тем, что мы называем интуицией. Но «видеть» «самое милое душевное выражение Анны Михайлов мог только под условием способности любить это выражение, т. е. чувствовать, а не только «видеть», и это чувство и «заражает» нас, когда мы смотрим на такой портрет.

Чтобы еще ярче иллюстрировать роль искренности в художественном творчестве, возьмем еще один пример из области актерской работы. Может ли актер, обладающий душою Молчалина, хорошо сыграть эту роль? Казалось-бы, чего легче, играть самого себя. А между тем, из этой роли у такого актера, даже самого талантливого, ничего не выйдет. Молчалин должен вызывать в зрителе презрительное отвращение. Достигнуть этого актер может только в том случае, если он сам испытывает к Молчалину такое-же презрительное чувство, иначе он будет бессилен внушить это чувство зрителю. Так оно и выйдет даже у актера с самой лучшей техникой, ибо Молчалин Молчалину глаз не выколет.

Мы уже видели, что актер без интуиции бессилён, такое-

же бессилие постигает и талантливому актеру, если он искренно не переживает тех чувств, которые он хочет внушить зрителю.

И так, второе необходимое условие художественного творчества, искренность, в механической работе очевидно отсутствует.

Обратимся к третьему условию, тесно связанному с теми двумя. Это условие — **яркая индивидуальность художника.**

Из каких элементов складывается характер человека, его индивидуальность — это трудный психологический вопрос, который в данном случае мы оставим в стороне. Нас интересует художественная индивидуальность творящего искусство, т. е. та сторона его личности, которая кладет отпечаток на его творчество, так что понимающий искусство безошибочно отличит картину Леонардо да Винчи от Рафаэля, или сонату Бетховена от Шопена. Из сказанного выше очевидно, что важнейшими слагающими в художественной личности творящего является его талант, т. е. способность к интуиции, и способность переживать глубокие и разнообразные чувства. От степени развития в нем этих двух душевных качеств зависит богатство его художественной индивидуальности, отражающейся в его работе, и по особенностям продуктов художественной работы творящего мы судим о яркости его индивидуальности.

Именно отпечаток личности творящего и есть главный признак творческой работы. Этот отпечаток может быть необычайно ярким, как это мы видим в творчестве гения, он может ослабевать в творчестве художника среднего калибра, но полное исчезновение его в работе творящего искусство заставляет нас считать эту работу не творческой, а механической: таковы все подражатели во всех областях деятельности человеческого духа. Художественные образы таких ремесленников науки даны нам в лице Вагнера в «Фаусте» Гете и «Ломового коня» Петра Игнатьевича в «Скучной истории» Чехова. Я отнес-бы к таким механически работающим художникам и Пушкинского Сальери: «Ремесло поставил я подножием искусству; я сделался ремесленник».

Замечательно, что такие ремесленники могут занимать в истории искусства выдающееся место, быть в свое время властителями толпы, и затем от них ничего не остается. Кто слышит теперь сочинения Сальери, Спонтини, Керубини, перед которыми бледнели когда-то и Моцарт и Бетховен?!

Замечательна еще одна черта в процессе работы таких ремесленников искусства: она для них источник мучения, а не радости. Правда, и они наслаждаются плодами своих трудов, деньгами и овациями своих почитателей, но самый процесс работы не является для них источником наслаждений. А между тем это наслаждение творческой работой самое сильное из наслаждений, доступных человеку.

Я не могу отказать себе в удовольствии протереть описание творческого процесса, данное Чеховым в «Скучной Истории». Здесь мы имеем пример ораторского творчества в области науки. «Я знаю, о чем буду читать, но не знаю, как буду читать, с чего начну и чем кончу. В голове нет ни одной готовой фразы. Но стоит мне только оглядеть аудиторию (она построена у меня амфитеатром) и произнести стереотипное «в прошлой лекции мы остановились на...», как фразы длиной вереницей вылетают из моей души и — пошла писать губерния! Говорю я неудержимо быстро, страстно и, кажется, нет той силы, которая могла-бы прервать течение моей речи». Далее следует подробное описание самого процесса чтения лекции, которое заканчивается так: «Никакой спорт, никакие развлечения и игры никогда не доставляли мне такого наслаждения, как чтение лекции. Только на лекции я мог весь отдаваться страсти и понимал, что вдохновение не выдумка поэтов, а существует на самом деле. И я думаю, Гераклес после самого пикантного из своих подвигов не чувствовал такого сладостного изнеможения, какое переживал я всякий раз после лекций».

Это-же наслаждение творческой работой замечательно изображено в Библии. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их».... «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма». Как здесь выражено и сохранение индивидуальности творца и наслаждение творчеством!

Обратите внимание на особое качество этого наслаждения, качество, сближающее его с наслаждением творческого акта при порождении потомства. Быть может здесь не символическое сходство, а более глубокое, реальное сходство, ибо и в том, и в другом случае наслаждение проистекает от сознания, или вернее от бессознательного чувства, что в этих творческих актах мы достигаем реального бессмертия и получаем бытие, независимое от существования нашего пленного тела. Слова Пушкина: «Нет, весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит», нужно понимать в самом буквальном смысле.

Вот почему человек так ценит художественное творчество в особенности артистов, ибо, воспринимая его, следя за актером или слушая музыканта, он, этот зритель и слушатель, активно участвует в духовном творческом акте (это я покажу подробнее ниже). По этой-же причине «любительское» занятие искусствами, особенно музыкой, доставляет незаменимое наслаждение людям: когда сам играешь Бетховена или Шопена, хотя бы плохо технически, переживаешь все-же хотя бы намек на творчество, которого так мало в жизни среднего человека, и никакая пианола не может заменить это творческое усилие музыканта-любителя.

И так, художественное творчество доступно только тому

человеку, который одарен художественной интуицией, который богат душевными движениями, и обладает яркой индивидуальностью. Только соединение этих трех условий превращает труд человека, служащего искусству, в творческий акт. Художники могут быть в различной степени одарены каждым из этих качеств, и от этого зависит и различная ценность творящего искусство, но полное исчезновение хотя бы одного из этих условий превращает творческую работу в механическую, вместо художника пред нами ремесленник.

Теперь мы можем применить полученные результаты исследования условий творчества к вопросу о взаимных отношениях между механическими изобретениями и искусством.

Вопрос этот мы рассмотрим в самой конкретной форме, т. е. применительно к отдельным искусствам. Для этой цели нам очень полезно установить выше деление искусств на такие, которые производят предметы, и такие, которые производят явления. К первым относятся: архитектура, скульптура, живопись, поэзия и музыка, написанная в нотах (в настоящее время вместо написанных нот мы можем иметь композиции, записанные особыми знаками на ленте пианолы). Ко второй группе принадлежат: танец, музыка, реально звучащая, актерская игра и ораторское искусство.

По отношению к первой группе вопрос о замене творчества механизмом совершенно ясен: здесь не может быть речи о том, что фотография когда-нибудь заменит творчество художника, или фонограф окажется пригодным для записи реальных разговоров в жизни или музыкальных явлений в природе*).

Но в этой группе искусств несравненно большое число предметов является результатом не творческой, а механической работы, таковы, скажем, все копии в живописи, будь это копии с картины, или копии с природного пейзажа, копии с человека: много-ли есть художников, которые творят, а не копируют природу?! В этом случае легко себе представить, что, когда будет изобретена настоящая красочная фотография, эта механическая работа вытеснит все картины художников-ремесленников.

Что касается механического воспроизведения уже созданных художниками произведений искусств, то такое механическое размножение предметов искусства не есть борьба механиз-

---

*) Этой зимой мне уже пришлось слышать в оркестровой фантазии итальянского композитора Респиги «Pini da Roma» применение фонографа для исполнения пения соловья: впечатление очень неприятное эстетически! Запись фонографом народных песен — это уже воспроизведение созданной музыки — об этом будет речь ниже.

ма с творчеством, а, напротив, распространение результатов этого творчества в самые отдаленные слои человеческого общества, где до сих пор элементарная борьба за физическую жизнь устраняла возможность эстетических наслаждений.

Нет сомнения, что по плану, созданному творчеством зодчего, можно выстроить не одно, а сколько угодно зданий, которые все будут производить на зрителя равноценное эстетическое впечатление. Точно также по модели, вылепленной скульптором, можно отлить из бронзы, или высечь из мрамора сколько угодно статуй, не уступающих друг другу в художественной ценности.

Фотографическое воспроизведение картин в красках исполнимо, пока, в очень несовершенной степени, но офорт дает нам очень много равноценных оттенков, а фотография черно-белых рисунков достигла такого совершенства, что даже опытный глаз не отличит снимка от оригинала. В этой области роль механизма в искусстве достаточно ясна.

Гораздо сложнее этот вопрос во второй группе искусства. Здесь электричество в XX в. дало возможность так имитировать исполнение музыкантов, танцы и игру актеров, что возможность для механизма бороться и побеждать живое творчество музыканта, танцора и актера становится весьма реальное. Начнем с граммофона. Здесь еще много технических недостатков (добавочные шорохи и шумы); но представим себе, что граммофон достиг такого совершенства, что будет с абсолютной точностью (кроме шумов, теперь недостатком граммофона является еще изменение тембра звуков) воспроизводить музыкальное исполнение, что тогда? Уже и теперь в Америке граммофон так распространен, что раньше чем идти в концерт слушатель знакомится с исполнением артиста у себя дома, и бывают случаи, когда живая певица теряет в оценке слушателя по сравнению с исполнением пластинки, записанной десять лет назад с ее-же пения. Ведь это трагедия для артистов!

В области фортепианной игры я не буду говорить о пианоле (то-же плейела), в которой требуется активное участие исполнителя для регулирования быстроты темпов и силы звука. Но есть другой, совершенно изумительный механизм, у немцев он называется миньона (кажется, есть и другие системы), который с абсолютной точностью записывает игру пианиста и воспроизводит ее со всеми оттенками аншлага и педализации, так что вы сейчас-же узнаете индивидуальность артиста, если вы его раньше слышали. Впечатление получается поистине мистическое! Ведь вы слышите живую игру пианиста, и если бы вы ее слушали из соседней комнаты, не видя играющего, то вы ни мгновения не усумнились бы в том, что слышите живого исполнителя. Я вспоминаю, как я в первый раз слышал в миньоне игру Грюнфельда, знаменитого венского пианиста, ко-

того я слышал на эстраде лет за 15. Его исполнение вальсов настолько характерно, что я не колеблясь тотчас-же узнал эту игру. Разве это не волшебство! Подумать только, что мы могли бы теперь слышать игру Листа или Антона Рубинштейна!

Перейдем теперь к синема, этому механическому актеру, пожирающему наше время и наши деньги, и заставляющему голодать живых актеров. Ведь легко себе представить, что с усовершенствованием цветной фотографии и при помощи сочетания синема с усовершенствованным граммофоном, мы будем иметь на экране уже настоящую иллюзию и действительной жизни и актерской игры. Что тогда? Куда деваться живому театру?

(Я оставлю в стороне радио-музыку и радио-театр, которые только увеличивают круг слушателей концертов и театра, не пытаясь заменить механизмом самое исполнение артистов).

Если принять во внимание, что огромное большинство артистов, выступающих на сцене и на эстраде, или вовсе не обладают творческим даром, или обладают им в недостаточной степени, то неизбежен вывод, что таких артистов механизм непременно вытеснит. Для чего я буду слушать посредственного пианиста, со страхом и усилием исполняющего Бетховенскую сонату, если я могу слушать, да еще сидя у себя дома, ту-же сонату в исполнении Гофмана или Падеревского! Но совершенно иначе стоит этот вопрос по отношению к артистам, одаренным настоящей творческой способностью. Здесь, в исполнении таких артистов, участвует еще один момент, о котором мы до сих пор не говорили. По отношению к исполнителю зритель в театре и слушатель в концерте не находятся, как это можно было-бы думать, в положении человека, пассивно воспринимающего эмоции, внушаемые ему артистом, и покорно подчиняющегося им. Отношения эти гораздо сложнее: публика активно участвует в творчестве артиста и это участие есть необходимый момент в этом творчестве. Профессор, которого я цитировал выше (Чехов «Скучная история») говорит: «Предо мною полтора лица непохожих одно на другое, и триста глаз, глядящих мне прямо в лицо. Цель моя — победить эту многоголовую гидру».

Каждый артист, каждый оратор, переживающий во время своих выступлений эту борьбу с психической инерцией толпы, знает, что эта борьба имеет две фазы: сперва толпу нужно завоевать, а затем уже покоренная толпа несет душе артиста свои эмоции и удесятеряет его творческую силу. Первая фаза требует траты, иногда огромной, психической энергии артиста, вторая фаза обогащает его силы, дает ему тот под'ем, завершающийся блаженным изнеможением, о котором говорит Чеховский профессор. Если первая стадия не завершается победой, вторая не наступает вовсе: мы говорим: «артист был не в ударе».

Особенно ярко чувствовалась эта борьба с публикой в игре Шаляпина, и было для меня всегда истинным наслаждением наблюдать, как этот гениальный, единственный, артист преодолевает сопротивление толпы.

Нужно помнить, что Шаляпин творит в сотрудничестве с сотнею и более артистов, и прежде всего на репетициях ему приходится привести в эмоционально-сочувственное движение души певцов и оркестрантов, оказывающих иной раз сопротивление гораздо большее, чем публика. При этом во главе всего исполнения находится дирижер, который ведь может быть и вообще лишен творческого дара. Как раскатать такого дирижера?! Положение еще усложняется, когда в самой музыке не хватает вдохновения. Как раз такой случай был однажды в Мариинском театре. Шаляпин должен был петь Демона Антона Рубинштейна. Дирижировал Крушевский. Это был артист, прекрасно владевший техникой своего искусства, но совершенно лишенный способности вдохновляться, испытывать эмоциональный подъем. Первые три акта на репетиции, накануне спектакля, прошли сравнительно благополучно, но уже было видно, что Шаляпин все с большею яростью поглядывает на дирижера. Наконец, доходим до «Клянусь последним днем творения». Здесь Рубинштейну изменило вдохновение, и музыка его гораздо ниже того, чего требует сценическое положение и текст Лермонтова. Для певца здесь единственный выход: не меняя, конечно, высоты звуков, довести до высшего напряжения динамику музыки, что возможно только при очень свободном ритме. Тут-то и произошла катастрофа! Крушевский, который вообще очень хорошо следил за певцами, в этом случае сплосковал: не участвуя в эмоциональном подеме, которым Шаляпин стремился заразить всех участвующих (сто человек оркестра), Крушевский не сумел слиться с тем свободным темпом, который взял Шаляпин. Раздается бешеный крик: «я не могу», Шаляпин хватается за голову и убегает со сцены. В такие моменты к Шаляпину подходить опасно, и режиссеры трусились и стусевались. Проходит минут десять, оркестр начинает ворчать, ибо мы сидели на репетиции уже более трех часов. Я иду за кулисы и застаю Шаляпина прислонившимся лбом к кулисе в позе безнадежного отчаяния. «Федор Иванович! Оркестр ведь не виноват, что Крушевский не попевает. Спектакль завтра, отменить никак нельзя, это ваш бенефис». «Я не могу, ведь он ничего не чувствует!». «Да махните на него рукой! Он ловкий малый, и вечером все пойдет». Репетиция продолжалась очень вяло, но спектакль был настоящим триумфом Шаляпина, ибо публика то почувствовала всю страсть такого демона.

Эту связь своей психики с душевным состоянием остальных участвующих и публики Шаляпин чувствует необыкновен-

но остро и от этого его игра и пение каждый раз являются новым, единственным актом творчества, новым откровением.

Вот этого психического взаимодействия артиста и публики нет в исполнении миньоны или синема, нет, и не может быть даже при самом высшем усовершенствовании их техники. Прежде всего артист при записи его игры лишен воздействия публики, поэтому он никогда не может так вдохновиться, как на эстраде или на сцене, хотя, тут ему на помощь приходит воображение: он все-же играет для воображаемой публики. Но затем, что еще важнее, сама-то публика, слушая миньону или следя за фильмою, уже совсем не участвует в творческом акте артиста. Этот факт корейным образом отделяет публику в синема от публики в театре. В театре каждое исполнение Шаляпина единственное, и сколько раз вы не смотрели бы его в «Борисе» или в роли Сусанина, вы каждый раз участвуете всей душой в его творчестве. Этого именно и не может нам дать ни миньона, ни синема. Вы можете получать от этих механизмов огромное наслаждение, но в этом наслаждении будет отсутствовать ваше личное участие в творчестве артиста, это будет наслаждение пассивное, холодное. Вот почему мы так неохотно идем второй раз смотреть одну и ту-же фильму!

Какие-же выводы мы сделали из всего нашего исследования.

Конечно, предсказания в социальной жизни всегда очень рискованы, но тем не менее их все-же всегда делают. Рискнем и мы. Я думаю, что механизация искусства приведет к исчезновению со сцены и эстрады всех ремесленников искусства, всех тех артистов, которые не творят, а работают. Останутся только великие музыканты и актеры, и, вероятно, искусство от этого только выиграет. Музыка и театр через механизацию станут доступны всем, и требования, предъявляемые к артистам, чрезвычайно повысятся: это поведет к совершенствованию многих, сравнительно, великих актеров и музыкантов, а исполнение таких артистов повлечет за собою и подъем творчества композиторов и драматургов.

Еще один вывод. Все знают, какой любовью и обожанием публики пользуются артисты. Эти чувства охватывают толпу неудержимо, как психическая зараза, и с ними может сравниться только то безумие, которой овладевает толпой под впечатлением речи народного трибуна, политического деятеля, умеющего овладеть толпою и повести ее за собою туда, куда она за минуту и не думала идти. В этом случае приходят в действие те же психические силы, что и в художественном творчестве: 1) оратор интуицией охватывает целиком тот образ, ту цель, к которой он ведет слушателей (конечно, здесь требуется и своя специальная техника); 2) оратор должен быть искренно захвачен теми чувствами, которые он хочет вызвать в слушателях; 3) оратор должен обладать яркой индивидуальностью, это дол-

жна быть сильная личность, но в данном случае сила личности не в творчестве воображения, а в творчестве реальной жизни: это творчество воли, ведущее к поступкам, тогда как творчество воображения влечет за собою не поступки, а чистое эстетическое наслаждение.

Увлечение артистами часто подвергалось насмешкам и осуждению. Это напрасно, и только «человек в футляре» остается холоден к людям, приобщающим нас к духовному творческому акту. Реальная жизнь — такой жалкий, ничтожный механизм, в ней так мало творческих духовных радостей, что может быть среднему человеку только и стоит жить для того, чтобы хоть в концерте или театре принять участие в божественном творчестве артиста.

Виктор Вальтер.

Е. Б. ВАХТАНГОВ

Несмотря на свою преждевременную смерть и сравнительно краткую художественную и режиссерскую деятельность, Е. Б. Вахтангов занимает в истории современного русского театра весьма значительное место. Не сомневаюсь, что со временем он найдет еще более высокую оценку и займет более почетное место, чем сейчас: в данный момент он является лишь завершителем, синтезом нескольких театральных течений, а в будущем он станет источником и родоначальником еще неизвестных и лишь предчувствуемых достижений.

Я не собираюсь давать описания личной жизни Ев. Бог., оно ничего бы не прибавило к его художественному облику, но все же некоторые черты, так сказать, его художественной биографии будет интересно и полезно отметить. Вахтангов был не только выдающийся артист и гениальный режиссер, но и учитель молодежи. Вокруг него всегда были различнейшие группы молодых артисток и артистов, позднее целые студии, школы, которыми он руководил, показывал путь, никогда не насилуя волю и дарование их участников. И вот тут то проявилась впервые одна черта его характера, которую лучше всего определить, как абсолютное служение искусству. Он учил, что в искусство — идут как в монастырь, что по ту сторону театра нужно оставить все праздные мечты, нужно смириться и работать, а тот, кто не способен на это, никогда не станет большим художником и артистом. Вахтангов не только учил служению искусству, но и сам исполнял этот завет; еще больше, чем его краткая жизнь, это безусловно доказывает и его смерть. История постановки «Гадibuка» в Еврейской Студии и еще больше «Турандот» в 3-ей Студии М. Х. Т., являются не только художественными достижениями, но и настоящим подвигом во имя искусства, а обстоятельства смерти Вахтангова делают из него своего рода мученика сцены. Если когда нибудь найдется новый Плутарх, который соберет во-едино жизнеописания тех, кто страдал и погибал за науку и искусство, за это невесомое и в то же время единствен-

по вечное начало — культура, то в его книге будет, наверное, отведено почетное место Е. Б. Вахтангову.

Е. Б. Вахтангов болел долго и тяжело. Никто из лечивших его докторов в точности не мог определить, что за недуг пожирает этого столь живого и активного человека. Чем дольше, тем больше приходилось сдавать перед жизнью: уезжать в санатории, лежать в больнице, делать операцию, прерывать занятия и репетиции, чтобы отлеживаться часами на диване и хоть немного успокоить гложущую боль. Лишь незадолго до кончины небольшой кружок 3-ей Студии созвал консилиум профессоров, которые определили, что у Е. Б. Вахтангова неизлечимая болезнь — рак печени, и что дни его сочтены. Это было в то время, когда он заканчивал постановку еврейской легенды о Гадобуке и был в полной работе над «Турандот». Он вполне сознавал, что необходимо торопиться, что иначе он не успеет. Б. Захове, автору небольшой, но все же наиболее полной книги о Е. Б. Вахтангове, рассказывает, что над «Турандот» работал уже почти целый год, но спектакль был собран Ев. Бог. в одно целое и завершен в течение 10 дней (1922 г.)

Здоровье Вахтангова тем временем становилось все хуже и хуже. Все чаще и чаще принужден был Е. Б. прерывать репетиции, чтобы отлежаться хоть немного на кожаном диване в своей студии-кабинете, с тем, чтобы потом снова приняться за работу и работать до тех пор, пока боль и усталость не скажут окончательно: «на сегодня довольно».

24-го февраля была поставлена последняя точка: последняя репетиция «Турандот» — последняя репетиция в жизни Вахтангова, — в ночь с 23-го на 24-ое февраля 1922 года.

«Ев. Бог. начал репетицию с установки света для второй половины пьесы. Работа над светом затянулась далеко за полночь. Ев. Бог. плохо, у него температура 39 град., он сидит в меховой шубе, голова его туго обернута мокрым полотенцем. От беспрерывного мигания света на сцене — болят глаза, но Ев. Бог. неумолим и настойчив: *он должен сегодня кончить*. Был уже четвертый час ночи, когда установка света была закончена и раздалась команда: «*Вся пьеса от начала до конца*». Всю пьесу проговорили в костюмах, гримах, с оркестром, с перестановками декораций. Окончив репетицию, Е. Б. отправился в свой кабинет, лег на диван, и только, когда уже совсем рассветело, он собрался с силами, чтобы дойти до извозчика, который и отвез его домой — в Денежный переулок.

Больше Е. Б. с постели не вставал и в Студии не появлялся» (Б. Захова — «Е. Б. Вахтангов», (149 стр.).

Потом начались представления, сначала для узкого круга студийцев и членов М. Х. Т., потом и для широкой публики

пришло признание и, наконец, громкая слава. За пять лет «Турандот» сыграна 500 раз, но Вахтангов этого не видел, ему лишь рассказывали о первых успехах. 29-го мая 1922 г. Вахтангов умер.

Еще живы лучшие и оригинальнейшие режиссеры, создавшие новую эпоху русского театра — Станиславский, Таиров, Мейерхольд, — они еще работают, одни продолжая и развивая свои уже отстоявшиеся теории, другие вечно ломая свое же прошлое и создавая будущее. Е. Б. Вахтангов дал синтез их достижений. Зорким взглядом он уловил у них то, что годится для современности, что будет питать будущее. Вахтангов всегда искал нового, но такого, которое бы можно возвести на основе вечного. Больше всего этому вечному он научился у К. С. Станиславского и философа, художника Сулержицкого. Сам Станиславский в книге «Моя жизнь в искусстве» пишет: «многие из учеников Сулержицкого были приняты в театр (читай, М. Х. Т.), в числе их оказался покойный Е. Б. Вахтангов, которому было суждено сыграть видную роль в истории нашего театра. В качестве одного из первых питомцев «системы» он явился ее ярким сторонником и пропагандистом». (460 стр.). Вахтангов принял, однако, лишь теорию, а не формы, и пошел по своему собственному пути, прямо противоположному направлению М. Х. Т., он творил театральность и фантастическую реальность все же на основании учения Станиславского. Со многим, что говорит по этому поводу Ф. Степун в издании «Принцесса Турандот», нельзя согласиться, особенно трудно принять его характеристику Камерного Театра и режиссера Таирова, но его определение соотношения Вахтангова и основ М. Х. Т. безусловно правильно. Начнем хотя бы с теоретического замечания: «Всякий антитезис всегда жив только от соприкосновения с породившим его тезисом. Вне этого соприкосновения он или умирает от самодовольства односторонности, или спасается порождением из своих недр своей собственной оппозиции». (57 стр.). Это правильно, как по отношению к самому М. Х. Т., который возник, как антитезис к уже застывшим натуралистическим традициям Московского Малого Театра, так и к театру Мейерхольда, увлекшемуся, хотя бы и временно, своим протестом и, наконец, к самой студии Вахтангова, бывшей оппозицией внутри. «Если с различных точек зрения подойти в Вахтанговской постановке «Принцессы Турандот», то ее место в истории нового русского театра вполне точно определится, как первый органический синтез методов и обликов Художественного и Камерного театров. В «Принцессе Турандот» антитеза Камерного театра как бы возвращается в себе домой на породившую ее территорию революционных исканий Художественного Театра. «Принцесса Турандот» — это пер-

вая настоящая и большая победа той антинатурлистической струи Художественного Театра, которая все время рвалась наружу в таких симптоматических значительных, но неудачных постановках, как, напр., «Гамлет» или «Жизнь человека». Победная стихия старого Художественного Театра как бы изжила во временном отщепенстве Камерного все устремление своей односторонности и вернулась на свою родную почву не с отрицанием великих достижений Худ. Театра, но с протянутыми им навстречу руками.

Преодолев сценический натурализм Художественного Театра, Вахтангов, однако, мудро сохранил его психологизм». (58 стр).

Необходимо, однако, прибавить и еще одну черту — не только теория Станиславского, не только эстетизм Таирова были приняты Вахтанговым, у него есть кое какие точки соприкосновения с Мейерхольдом, этим первым еретиком М. Х. Т. Сближение это можно свести, главным образом, в чувству ритма, акторской пластике, сценизму, неожиданному и своеобразному толкованию пьесы у обоих. Но есть между ними и крупные различия, главным образом, в методах работы, во взглядах на актера.

Я бы сказала, что для Вахтангова все было живым, даже в незначительной вещи, в то время, как для Мейерхольда все — лишь мертвый материал для его личной работы, даже люди. Упомянутое влияние Мейерхольда заключалось больше всего в том уважении, которое питал к нему, как к смелому режиссеру, Вахтангов. На молодой талант Вахтангова так же бесспорно влияли такие ранние символические постановки Мейерхольда, как «Балаганчик» и «Шарф Коломбины». Однако, о влиянии на почву которого он творил самостоятельно и далее, можно говорить лишь применительно к Станиславскому и Судержицкому, от которых Вахтангов получил знание природы актерского творчества. «Основной принцип — принцип живого общения души изображающей с воплощаемым образом, им был принят, как исходный пункт и для самостоятельных работ». (Н. Волков «Вахтангов», 15 стр.). Из этого проистекал его первичный период работы режиссера и актера. От своих учеников, потом и от работающих с ним вместе актеров он требовал, чтобы, прежде чем они начали играть, каждый из них рассказал историю изображаемого им образа со дня рождения и до смерти. Он учил, что необходимо знать не только тот кусок жизни или частный случай, о котором написал автор, но целую прожитую жизнь действующего лица. Лишь в таком случае возможно показать участника пьесы целиком, лишь тогда будут понятны и для зрителя те события, которые протекают на сцене. Это был, так сказать, подход к роли. Далее, по его убеждению, актер должен най-

ти свое отношение к/изображаемому лицу — в целой жизни наверняка найдется у/человека чтонибудь симпатичное, на котором и нужно строить взаимоотношение, однако, и актер должен быть выше того, кого он играет: он должен взглянуть на него сверху, оком отвлеченного человека. Это создает праздник. Сам актер будет торжественным и праздничным». (Из лекции Вахтангова. Захова — Вахтангов и его Студия. 47 стр).

Конечно, взгляд и отношение Вахтангова к актеру не было неизменным в течение всей его сценической деятельности, тем более, что будучи сам не только режиссером, но и актером, он многому учился и многое проверял прежде всего на самом себе. Но до высших достижений актерская теория Вахтангова — Станиславского дошла в постановке «Турандот». Здесь актер был утвержден, как творческое начало спектакля. У Станиславского, а вначале и у Вахтангова актер должен был вжиться в действующее лицо, потом он позволил актеру стать выше, и, наконец, актеру было дано право творчески субъективно освещать изображаемое им лицо. Актер, в том случае, если он действительный мастер, имел право отражать в изображаемом лице свою личную, ему одному присущую сущность. Свобода актерской личности, соединенная с необходимым мастерством, вела неизбежно к выявлению актерского искусства. Это было театреализацией до сих пор мертвого сценического элемента. Так, как в «Лизистрате» в М. Х. Т. сумели театреализировать до сих пор пассивные декорации, так в «Турандоте» Вахтангов применил к увеличению театрального впечатления старательно скрываемый до сих пор самый метод игры.

Мы несколько раз упомянули в последних строках слово мастерство; в чем же заключается это понятие? Столь очевидно, необходимое для Вахтангова мастерство должно быть внешним и внутренним. Внешнее мы определим словами самого Вахтангова:

«Искусство дикции.

Огонь, кровь и молот в жести, интонациях и словах, — в содинении с импровизаторской легкостью передачи».

Никакой истеричности и неврастении.

Никаких психологических оправданий, оправдания только театральные.

Плакать разностоящими слезами и чувство свое нести на раму». (Захова. Вахтангов и его Студия. 134 стр.).

Хотя во внешних проявлениях мастерство Вахтангова как будто бы и отвергает психологический подход, но это нужно принимать осторожно, так как в действительности он протестует лишь против театрального психологизма, который из М. Х. Т. распоясся по всем сценам и начал претворять театр в какой то

серый и нудный психологический кабинет. Разбирая внутреннюю сторону мастерства, мы убеждаемся, что Вахтангов требовал живаяния, переживания и возвышения артиста над ролью. Артист должен уметь говорить роль своими словами, вернее, слова автора должны для него стать психологически неизбежными, так как под словами живет мысль данного типа. Часто внутренняя цель произносимых слов не совпадает с их формальным значением; актер должен уяснить себе, почему происходит такое скрещивание, какова истинная цель, и лишь уяснив себе это, он найдет правильный тон для произнесения текста. В установлении этого процесса и заключаться внутреннее мастерство. Внешне оно должно проявиться в легкости, как физической, так и душевной, в жесте-игре, в слове-импровизации, которые в действительности должны быть достигнуты большим и продолжительным трудом, но от которых не должно пахнуть потом. Таким образом, мастер-актер ведет двойную игру с пьесой и с публикой, давая постоянно все новые впечатления и не утомляя никогда зрителя.

Но, ведь, кроме актера и режиссера, в театре есть еще сцена, декорации, бутафории и пьеса. Все эти явления были подвергнуты Вахтанговым строгому пересмотру. В своих более ранних постановках Вахтангов прибегал к различным сценическим оформлением; так, например, в «Эрике XI» он хотел при помощи декоративной обстановки показать, в каком надломленном и исправленном виде представляется мир главному действующему лицу. В иных пьесах он прибегал к иным методам; неизменным у него оставалось одно — заменить гладкий пол сцены изломанной площадкой и даже целым рядом их, дабы дать актеру наиболее широкую возможность применить свое мастерство. Во время работы над «Чудом Святого Антония» и, особенно, над «Турандот», он пришел к заключению, что необходимо создать на сцене, так сказать, универсальную студию, в которой можно бы было делать не только швольные упражнения, но в любой момент играть каждую пьесу. Для этого, кроме основной площадки, должно быть несколько составных и передвижных меньших, кроме этого, необходимы двери, балкон, люк и арка, и колошны для поз. В виде аксессуаров нужны трапеции, кольца, лестницы, на которых во время представления могут быть завешены декорации, а чаще лишь цветные куски материи, отгораживающие необходимое для игры пространство. Таким образом, на сцене не будет мертвых ненужных предметов, так как каждой мелочи, по мере надобности, придается иное значение, вкладывается новая душа.

Мне представляется, что таким путем могло идти оформление представления при работе Вахтангова. Сначала актер

совместно с режиссером создавали действующих лиц, потом тот же режиссер, но уже вместе с художником подготавливали сцену и, наконец, пьеса бралась, как таковая, причем задавался вопрос, что она отражает и как мы ее воспринимаем? Вахтангов учил, что в каждой пьесе, в различные эпохи, люди слышат иное, созвучное только им; поэтому первой обязанностью при постановке найти даже в самых отдаленных вещах современное. «Форма каждого спектакля должна таким образом удовлетворить следующим требованиям: во-первых, быть органически связанной с сущностью данного произведения того или иного драматурга; во-вторых, отвечать требованиям современности вообще, в-третьих, быть органически естественной и неотъемлемой принадлежностью данного театра, проявлением художественного лица театрального коллектива на данной ступени его творческого развития» (Книга «Турандот». Предисловие, 14 стр.). Таким образом, давая свою формулу, Вахтангов оставлял постоянно широкое поле для работы, он не замораживал в статике, но постоянно толкал к динамике. Из той же книги «Турандот», составленной 3-ей Студией, мы узнаем, что он считал полезным предварительным упражнением искание современной формы для Островского, Гоголя, Достоевского, для Гамлета, причем была полная уверенность, что большинство пьес не будет сыграно. Интересно одна небольшая деталь. После «Турандот» Вахтангов собирался в Студию ставить «Правда хорошо, а счастье лучше» Островского; над пьесой уже много было сделано, в Вахрушинском театральном музее мы видим эскизы и макеты декораций, от которых веет мрачным отчаянием. После его смерти пьеса была поставлена в значительно более мягких тонах, с налетом гротеска и преувеличения. Не знаю, поняли ли ее иначе новые режиссеры или они испугались слишком очеловеченной действительности, где у мебели были крючковатые ноги и руки, а вся древняя жизнь давила колокольнями, церквями, архиерейскими портретами, давила и прижимала к изломанному полу сценической площадки. А ведь Вахтангов утверждал, что необходимо найти наилучшую, значит, почти единственную форму, в которую бы в данную эпоху, именно этот театр мог влить избранную им пьесу. Однако, при кажущейся точности формулы, она довольно субъективна и достаточно небольшого промежутка времени, чтобы произошел сдвиг. Мы это видим на «Правда хорошо», где основа осталась та же, но внешняя форма значительно смягчилась.

В сегодняшнем русском театре все говорят о современности — и Мейерхольд, и театр Пролеткульта, и режиссеры, желающие задобрить власть; конечно, не такую современность видел пред собой Вахтангов: он не собирался играть Гамлета, по-

тому что это отображение классовой борьбы, в которой Гамлет является вождем недовольного народа, пьес Островского он не переделывал в цирковые сатиры на эмиграцию, в современности он всегда искал созвучности вечному с непреходящим, а потому и противопоставлял ее злободневности. Первоначально и злободневность привлекала его, особенно при постановке «Турандот», в которой был сильный элемент импровизации и перестройки старого текста. Так, например, в сцене с загадками, Вахтангову сначала казалось, что было бы выгодным театральным приемом заставить зрителя разгадывать загадки вместе с Калифом и этим втянуть его в самый спектакль. Конечно, специфическая для Гоцци и тогда современная загадка о венецианском льве оказывается мало подходящей и ее нужно заменить чемнибудь совпадающим в современности. Первоначально предполагали составить какие-нибудь загадки на темы Моск. Худ. Театр, или К. С. Станиславский, но позднее от этого отказались и «вопрос был разрешен Вахтанговым в конце концов следующим образом: современность спектакля должна проявляться не в злободневности текста, не в островах на современные темы, а в том, что сама форма спектакля будет соответствовать духу времени. Современность Вахтангов противопоставил злободневности. Современность спектакля это та задача, которую должно достигнуть, злободневность — это то, чего следует избегать». (Б. Захова. Вахтангов и его Студия. 137 стр.).

Конечно, для театра, как и для иных искусств, современность не ограничивается сегодняшним днем, а является в более продолжительном периоде времени, который при этом незаметно переходит в прошлое и будущее. Всякое творчество стало бы невозможным, если бы оно должно было гнаться за каждым улетающим часом. Это вовсе, однако, не означает, что оно временно, нет, его преимущество и сила именно в том и заключается, что в истинном произведении искусства каждая эпоха найдет для себя самое главное и понятное. В конце концов, правда, что важно не то, что писатель или художник пишет, а что читатель или зритель прочтет или увидит. Поэтому вполне естественно, что и современность Вахтангова, которую, кроме того, он сам противопоставлял злободневности, приобрела и разработала свои основные тезисы, а не менялась, как хамелеон. Первым и главным было то, что Вахтангов в своей студии хотел дать анти-тезис психологическому натурализму, который одно время мощно овладел сценой М. Х. Т.; он питал и развивал ту тайную струю, которая, хотя и тихо, но всегда пробивалась у К. С. Станиславского. Итак, задачу современного театра Вахтангов видит в беспощадной борьбе с натурализмом, восстановлении театральности, но не той, которую давал условный театр, изгонявший вечную,

внутреннюю правду, и романтизма. По его мнению, не было достаточно выбрать романтическую пьесу, но необходимо было особое самочувствие актера и форма игры при исполнении романтического репертуара. Эта форма, как в круге, приводила неизбежно к театральности, причем она «состоит в том, чтобы подносить театральные произведения театрально, т. е. так, чтобы зритель каждую минуту ощущал мастерство актера». (Захова. Вахтангов и его Студия» 111 стр.). Но, чтобы сухостью и воздушной техникой не оттолкнуть даже такого зрителя, который в первую минуту любит ловкостью игры, необходимо создать свою особую сценическую правду, которая не имеет ничего общего с правдой обыденной и еще меньше с театральной, условной, натуралистической правдой. Пускай зритель, смотря представление, воображает, что в настоящей жизни так не может быть, но в глубине души у него найдется голос, который скажет, что в этом необычайном мире, куда каждый день заглядывают через четвертую стену сотни людей, именно так и может быть. Для этого необходимо лишь, чтобы внешняя форма была оправдана какой-то внутренней необходимостью. Отрицательным примером может послужить Мейерхольд, который утверждает, что на сцене должно быть лишь то, что строго необходимо, что все, и декорации, и жесты, должны быть целесообразны и пускает при этом по воздушным дорогам маленькие поезда лишь для заполнения пространства и времени легкими эффектами.

«Никакая жизненная натуральная правда тут не нужна. Нужна только театральная правда. Театральная правда в правде чувств, передаваемых в зрительный зал при помощи театральных средств. Искреннее чувство не есть театральная правда, если оно выражено натуральными средствами. Оно должно быть подано зрителю средствами театра». (Захова, Вахтангов и его Студия, 112 стр.). Но для сценической правды нужна еще и сценическая вера. Ведь зритель при всем желании не сможет уверовать, если сам актер будет сомневаться, он должен также серьезно относиться к положению, как и искать главной цели, почему произносятся слова, выражаясь иначе — он должен иметь всегда перед глазами ту неизменную правду, которую можно в жизни изречь лишь условно; он должен, давая символ, помнить о первичности, породившей его.

Все эти теории и взгляды выработались у Вахтангова, конечно, не сразу, а в течение всей его трудовой жизни, даже больше, некоторые заключения и выводы делаем из главного уже мы, сам он многого не успел завершить. Однако, ни одно его слово не было сказано без основания, большинство своих взглядов он проверял предварительно на самом себе, будучи не

только режиссером и учителем, но и большим актером. Вахтангов обратил на себя внимание в 1-ой студии при постановке «Сверчка на печи», где он играл Тэпелтона, а также в «Потопе» в роли Фрозера. Он был большим художником грима и формы, которые управлялись всегда изнутри той правдой, о которой он впоследствии говорил своим ученикам и товарищам. Внешне казалось, что он еще не отошел от реализма, но в действительности он был далек от подражания внешнему; природа служила ему лишь как предмет изучения, как материал для со-здавания своих теорий, а не как модель для подражания.

Необходимость проявлять в театре современность Вахтангов почувствовал еще задолго до постановки «Турандот». По его собственным словам, именно ради этой цели он выбрал для постановки в 1-ой Студии «Эрика XIV», «Чудо Св. Антония» и «Гадибук». В то время главное свойство современности представлялось Вахтангову в виде борьбы двух миров — живого и мертвого. Победа переходит то на одну, то на другую сторону, хуже всего тем, у кого она происходит внутри, у кого полем сражения делается их собственное сердце. Они гибнут от внутреннего разлада, как несчастный король Эрик, попавший между мертвым миром двора и живым народом. В этой постановке, при всех ее огромных достижениях, чувствуется порой наивный символизм, пользующийся вещами и различными материальными приемами для выражения отвлеченных понятий.

В «Чуде Св. Антония» перед Вахтанговым открылось два иных мира: святости и пошлости. Далеко не сразу далось Вахтангову это оформление, три раза заново перерабатывал он постановку, причем первый вариант был совершенно закончен и показан публике. Уже при самой первоначальной работе у Вахтангова мелькала мысль, что пьесу можно сыграть, как сатиру, но одно это предположение приводило его в ужас, потому вместо сатирического элемента над пьесой носился дух нежности к человечеству. В последней, наиболее известной своей редакции, «Чудо» является переходом к последней стадии творчества Вахтангова, так как центр тяжести переносится от содержания к форме. Мир, мертвый мир, вызывает не снисходительную усмешку, а ненависть и отвращение, потому он лепится в форме гротеска, который непрерывно расцветает в «Гадибуке», поставленном в еврейском театре Габима.

Наиболее сильным, наиболее завершенным из всего сделанного в театре Вахтанговым, является бесспорно «Турандот». Для 3-ей Студии «Турандот» тоже, что для М. Х. Т. «Чайка», а для 1-ой Студии «Сверчок на печи»; она как в центре собрала самое сильное и характерное во всем театре, показала ночью, что она может дать. Что выразила постановка «Турандот», в об-

щих чертах, известно. Этот спектакль давал не прямое отражение современности, а восприятие нашим современником сказки Гоцци. Слишком наивный сюжет не может непосредственно захватить человека XX столетия, ему, в конце концов, безразлично, полюбит ли принцесса принца, да и искушенный литературно, он знает, что все кончится благополучно. Следовательно центр тяжести переносится с **ч т о** на **к а к**. Под режиссурой Вахтангова шла двойная, даже тройная игра: кроме подчищенного и облегченного текста Гоцци, игрался еще воображаемый итальянский спектакль в исполнении бродячих актеров, причем оба эти элемента отражались в современности, которая ярче всего выразилась в параде, интермедии масок, а также в гротеске и буфонаде всей пьесы (курьезные костюмы, убийство разрезательным ножом, телефон и т. д.). Что стремление выразить современность было у Студии настоящей потребностью, видно, хотя бы из того, как, совместно с Вахтанговым, она работала над наиболее современной частью постановки — над прологом. Первоначально предполагалось, что перед спектаклем на сцене будут очередные для этого дня упражнения, потом, когда соберется публика, придут четыре итальянских маски, которые как бы завлекают присутствующих актеров в импровизацию. Под музыку, особо одетые слуги приносят материи, которыми убирается сцена и из которых тут же перед зрителями участники сооружают себе костюмы. Даже возникли предположения, что лучше, если все актеры будут в зале встречать посетителей, разговаривать со знакомыми, и лишь при звуке марша входить на сцену и там одеваться в ритм с музыкой. Лишь третий вариант был осуществлен: актеры выходят перед занавес, под пение и музыку делают словесное вступление, после чего занавес раскрывается и они ритмически, как бы играя с предметами, составляют свои костюмы. Кроме пролога, современность бросается в глаза и в самих костюмах: лишь четыре маски одеты традиционно. Остальные актеры в бальных платьях и фраках, которые они приспособливают к своим ролям при помощи кусков материи и разнообразнейших предметов. Эти костюмы, как и пролог, создавались самими студийцами под руководством Вахтангова, в них многое, как в загадках и всевозможных трюках было позднее отменено ввиду излишней злободневности: ведь, по мнению Вахтангова, театр должен быть свободен, но в то же время строг.

Н. Мельникова-Папоушек.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДНЕВНИК

О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.
«МОЛОДЫЕ». ЛАВРЕНЕВ, МАЛАШКИН, АРТЕМ ВЕСЕЛЫИ

1.

Двенадцать лет тому назад читатели и критики с нетерпением ожидали очередной книжки альманахов «Шиповника» и «Московского Товарищества», «Русской Мысли» или «Вестника Европы». В этих сборниках и журналах появлялись произведения «маститых» и «новых», на их страницах разворачивалась литературная лента современности, через них проходила, в них жила новая русская литература.

И как прежде «Шиповника» и «Русской Мысли» или «Заветов», так сейчас ждешь нового выпуска «Красной Нови» или «Нового Мира», «Ковша» или «Недр». Не потому, что печатаются там какиенибудь замечательные произведения, — а потому что в них — сегодняшний день русской литературы.

Хорошая-ли это литература, дурная-ли — иной вопрос. Одни превозносят ее до небес, потому что исходит она из Советской России — другие потому именно ее и не признают. Для многих «современность» чужда художественно; другие в ней ищут зародышей нового искусства. Но независимо от политических симпатий и эстетических оценок — нужно признать факт — огромного значения: в России существует литература — писатели, критики, литературные школы и направления, многомиллионный читатель. За немногими исключениями большинство этих писателей вошло в литературу уже после революции — и мы вправе говорить поэтому о послереволюционной русской литературе.

Мы прекрасно знаем, что ее рождение и развитие про-

исходило в мучительных условиях — и внутренних и внешних. Ей приходилось пробиваться на свет божий сквозь грубую кору нужды и запрета. На нее наложены оковы социального заказа. На нее спущена стая цензоров и добровольных доносчиков. Она обязана вдохновляться Марксом и следовать «заветам Ильича». Ее читателю усиленно вправляют мозги коммунистической учебкой, изъятием контрреволюции из библиотек и журналов и проповедью политической нетерпимости в искусстве. Ее критикам власть стремится навязать функции политрука. Над литературой производят всевозможные эксперименты, и политбюро компартии еще не совсем оказалось от надежды взрастить при помощи дождя правительственных субсидий пролетарские цветы в садах российской словесности.

Все это нам прекрасно известно, и мы отлично знаем насколько тяжела, даже мучительна жизнь искусства там, где его хотят уложить в гроб всяческих формул и правительственных распоряжений.

И тем не менее, порою приемля все эти драконовские условия, порою вопреки им или даже враждуя с ними, — создавалась новая русская литература, целый новый мир, развивающийся по собственным путям, обладающий своей внутренней иерархией, своими вождями и рядовыми, своими «стариками» и «новичками». Удивительного в этом нет ничего: это только новое доказательство огромной жизненной энергии русского народа и его интеллигенции, новый пример силы русского искусства. Если в эпоху николаевской реакции могли быть Пушкин, Гоголь и Тургенев, если в годы самых страшных гонений на русское слово, жили и творили Салтыков-Щедрин и Чехов, Короленко и Толстой — то можно ли удивляться тому, что даже большевицкому режиму не удалось убить его и что в годы революционной бури оно воскресло для обновленной жизни?

Еще несколько лет тому назад в эмиграции говорили, что русская литература находится за-границей, в России же остались отдельные писатели. Теперь для всех ясно обратное: за-границей имеются отдельные писатели; в России же оказалась русская литература.

И опять-таки, правится это или нет — факт тверд и неизменен, и считаться с ним придется даже тем, кто все еще отворачивается от него с презрением или негодованием.

Между прочим: очень часто негодование это носит явно политический характер. Есть «критики» отрицающие «советскую литературу», потому, что она де больше-

вицкая, проникнутая бесовской заразой, или не признающие отдельных писателей, ибо они коммунисты.

Все это, конечно, результат незнания или нетерпимости. Почему звание коммуниста лишает права на вход в «сады российской словесности», а звание монархиста несколько не служит тому помехой? С каких это пор справка о политической благонадежности необходима для выдачи аттестатов литературной зрелости?

Совсем недавно нам пришлось слышать яростные нападки на некоторых русских писателей за их благосклонное отношение к существующей власти. Одни из них коммунисты, и в их поведении нет поэтому ничего удивительного, или зазорного; другие часто «пресмыкаются» или со слишком большой легкостью идут в Каносу, порою даже являя отвратительное зрелище целования руки, сжимающей карающий бич. Но недостаток мужества, но моральная слабость, которую можно объяснить общим понижением сопротивляемости и чувства собственного достоинства за годы озверения, террора и гражданской войны — разве они относятся к литературе, а не к отдельным лицам?

Любопытное явление: в России сейчас слишком часто «гнут шею» писатели. Но литература — в целом — разве она «пресмыкается»? Можно-ли найти в ней, за исключением двух десятков негодных вещей, много произведений, выполняющих социальный заказ? Можно-ли назвать ее коммунистической по духу и направлению? Совершенно обратное: основной подход литературы к действительности — резко критический и обличительный, при чем произведения авторов коммунистов проникнуты им едва-ли не в большей степени чем попутчиков. Недаром молодые авторы обнаруживают сейчас такое тяготение к Гоголю: возврат к Гоголю нельзя объяснить одними только формальными моментами — сочетание реализма и фантастики, тяга к оживлению бытописания романтикой, тоска по типичности героев и т. д.; — тут потребность в общественной сатире. Как и встарь, литература становится общим выражением общественных тенденций, обреченных на вынужденное безмолвие.

То, что обычно принимается за коммунистический дух новой литературы — либо черты современного быта, либо элементы той новой психологии, которая шире и больше коммунизма и которая останется и после его исчезновения. Это дух революции, порыв бури, тот исторический ветер, который веет в «дни разрушения и создания».

И, пожалуй, его дыхание — тот аромат, которым отмечены проваемое своеобразие, тот аромат,

изведения последних лет. Их всегда безошибочно отличишь от всего, что было написано до революции или большинством эмигрантских писателей: ибо этот дух естественно выражается рядом стилистических особенностей. Их нетрудно заметить и отметить. Они то и сообщают современной русской литературе, несмотря на всю неустойчивость постоянно в ней возникающих и распадающихся групп и направлений, общее выражение, скрепляет ее подлинным единством.

2.

Эти характерные черты, эти «признаки» современной литературы выступают, как у писателей старшего поколения и «признанных» беллетристов, так и у «молодняка». Но только у молодых они резче и определеннее, по ним легче угадать или даже определить уклоны развития современной литературы.

Есть ряд имен, которые принято упоминать при суждениях и оценках литературы сегодняшнего дня. Это, по большей части, признанные величины: в поэзии — Пастернак, Тихонов, в прозе Замятин, Леонов, Бабель, Пильняк — и другие менее яркие — Сейфулина, Лидин. Но из толпы «незнакомых», постоянно выделяются новые и новые имена, справедливо или случайно вознесенные до глаза читателя и внимания критика. За последний год, помимо Гладкова с его «Цементом», особенный успех выпал на долю трех совершенно различных писателей. Быть может, на их примере всего лучше можно будет убедиться, что у молодой литературы существуют какие-то общие устремления, и что даже из неравного по таланту и характеру, случайно взятого творчества писателей, объединенных общностью некоторого успеха, можно вынести за скобки и общность внутреннюю, единство органическое.

Я нарочно беру Лавренева, Малашкина и Артема Веселого — по признаку внешнему: их сейчас больше всего читают из молодежи, о них всего больше говорят и пишут. Они совершенно разные: подлинно талантлив Артем Веселый; еще не устоялся, не определился Малашкин, вознесенный несколько скандальным успехом своей повести о быте молодежи; законченный и не слишком яркий Б. Лавренев — писатель для массового читателя.

Если критик должен ставить на читателя, как это советуется «Новый Мир», т. е. говорить лишь о том, что пользуется наибольшим спросом на рынке, то из «старых» писателей придется больше всего внимания уделить П. Романову, а из «молодых» именно Б. Лавреневу.

Печататься Лавренев начал еще до революции: в 1916 г. был обезображен военной цензурой его рассказ «Гала Петер», изображающий шоколадную идиллию в тылу, которая должна была подчеркнуть бессмысленный ужас фронта. Но только за последние годы были напечатаны наиболее зрелые его произведения, начиная от «Крушения республики Итль», кончая повестью «Ветер» и «Сорок первый».

«Крушение республики Итль», пожалуй, стоит несколько особняком в творчестве Лавренева. Это политическая сатира на «меньшевицкую» республику, в которой нетрудно узнать Грузию. Множество прозрачных намеков и острот придают ей характер злободневности. Лавренев постарался придать иронический оттенок всему своему повествованию: совершенно очевидно, что пред ним постоянно был образ Анатоля Франса, и «Остров пингвинов» оказал немалое влияние на многие страницы его «Крушения». Но грубоватость шутки и шарж насмешки, соединенные с явной тенденциозностью, с политической «установкой» испортили то хорошее, что имелось в повести. А оно заключалось в ловкой композиции, в авантурной занимательности, в желании автора использовать для политической сатиры все элементы романа приключений. Его бойкое перо, не брезгающее дешевыми эффектами и мелодраматическим рисунком злодеев и героев, отдало здесь дань **авантурному романтизму**. Лавренев учился у Гюго и Киплинга, у Стивенсона и Уэльса.

В других его вещах возобладал романтизм иного рода.

Лишь изредка — это непритязательная экзотика, история любви красноармейца и мусульманки, бежавшей из гарема и заплатившей за несколько звездных ночей жизнью («Звездный цвет»). В остальных произведениях Лавренева — романтика революционная, герои большевицкого подполья и гражданской войны.

Бытописание для Лавренева — только фон — на котором движутся необыкновенные люди с бешеными страстями, способные на подвиг и на преступление. Во главе их — минер Василий Гулявин — матросский депутат, комиссар, полковой командир. В повести «Ветер» рассказал Лавренев безшабашные подвиги Гулявина — революционные и любовные, геройство и убийства, безумную смелость на фронте и последнюю — в тылу. Гулявин пробирается в штаб Деникина, воспользовавшись захваченными бумагами пленного офицера и выдавая себя за гонца от Колчака. Но в первый же вечер, услышав рассказ о расправе с сестрой милосердия — большевичкой, срывается, бро-

сает гранату в ресторане, бежит и, окруженный врагами, с чердака оцепленного дома, бросается на штыки солдат.

Под статью Гулявину — Марютка из рассказа «Сорок первый». Марютка — рыбачка с Каспия, вступила в красноармейский отряд Евсюкова, отступающий под натиском белых через Киргизскую степь. Замечательный стрелок, Марютка в боях «сняла» сорок офицеров. На сорок первом промахнулась. Его взяли в плен — синеглазого гвардейского поручика Говоруху Отрока, ехавшего с секретным поручением к Деникину. Под охраной Марютки должен был он вместе с отрядом проделать мучительно трудный переход через пустыню, а затем вместе с нею случайно очутился на маленьком островке Аральского моря. Там офицер заболел. Марютка выходила его в рыбацкой хижинке, и полюбила синеглазого врага. Поджидая весны, а с нею и приезда рыбаков, тюремщица и пленный любили друг друга зверино-радостной любовью и спорили — надо ли жить спокойным и мирным трудом, или бороться, кипеть и мучиться в неистовстве войны и революции. Но когда к острову подплыли блыее, и бросился к ним пленный офицер, Марютка, верная приказаниям красного командира, выстрелом из ружья убила своего возлюбленного. И тотчас, бросившись к трупу, завывала: «родненький мой, что же я наделала? Очнись болезный мой! Синеглаз-а-а-зень-кий!»....

К теме последнего Гулявинского приключения возвращается Лавренев в едва ли не лучшем своем произведении: «Рассказе о простой вещи».

Видный большевик Орлов, проживавший под видом француза Кутюрье, схвачен белой контр-разведкой, вернее ее утонченными «психологами», раскрывшими Орлова в частном разговоре благодаря искусно подмеченным мелочам. Следователь Туманович, «мыслящий юридически» проникается уважением к душевному благородству и силе Орлова и устраивает ему легкую смерть. Более того: Орлов чуть было не «сдался», узнав, что ошибочно арестованному его однофамильцу грозит смерть. Он боится, как бы товарищи не подумали, что он добровольно ушел с поста, проявил непростительную слабость. И Туманович берется «вклеить» в дело дневник Орлова, где рассказано все, как было. Когда город попадает в руки красных, они в архивах разведки найдут правду об Орлове.

Характерно, что и белых, и красных возводит Лавренев на романтические ходули. Герой — Гуляев, но герой и Говоруха Отрок, без единой жалобы совершающий месячный путь через Киргизскую степь. Герой Орлов, — но и следователь Туманович по своему благороден и прекра-

сен. Все действующие лица рассказов Лавренева появляются словно генералы на картинах баталистов, во всей своей героической красе, осененные пороховым дымом, в огне рвущихся снарядов, в сложной сети необыкновенных приключений и неправдоподобных случайностей. Если это не всегда виконты де Бражелоны от революции, то уже наверное три мушкетера из красной армии. Чем-то показным веет от рокамболовской романтики Лавренева. Он входит в литературу, черезчур выпятив грудь колесом, и молодцеватость его походки придает ему картонную шаблонность игрушечных солдатиков. Порою ирония оживляет этот условный мир геройства, страстей и приключений: ее улыбка придает некоторую рельефность отдельным главам «Ветра» и «Сорок первого». На ней построен рассказ «36213437»: солдат Завихляев сопровождает отбитый у белых в Сибири вагон. В нем — печатная машина, подарок читинских рабочих Совнаркому. Для того, чтобы доставить вагон в Москву, Завихляев совершает чудеса. Ни смерть близких, ни голод не останавливают его. А когда в Москве раскрывают вагон, в нем оказываются трупы красных. Жертва Завихляева бесполезна, и он сходит с ума.

Нетрудно заметить, что все рассказы и повести Лавренева сводятся к комбинациям простейших элементов романтического повествования: преодоление физических трудностей, в обстановке военных опасностей — во имя долга. И Марютка и Говоруха Отрок, и Завихляев — герои долга.

Затем идут «украшающие» мотивы: погубительная любовь и двойное существование — опять-таки обычные приемы авантюрного романа.

Лавренев откликнулся на тот призыв к «сюжетности», который исходил еще и от «Серрапионовых братьев». Все его рассказы бьют на занимательность, на неотрывность чтения. Композиция его произведений пожалуй заимствована с Запада. Но от русских романтиков (недаром любит он Марлинского) заимствовал он пышность образов и «красоту» слога. У него постоянно враждуют два стилистических плана: один — как в начале «Ветра» — изобилие сравнений, прилагательных, пожаров, зорь и туманов. Другой — крепкий, разговорный язык, гибкий в диалоге, сжатый в описаниях. Порою по своей «ударности» рассказы Лавренева приближаются скорее к «сценарию».

В своей автобиографии Лавренев сделал любопытное признание: «живу в данное время постоянно в Ленинграде. Этот город трех имен и трех веков люблю настоящей сыновней любовью и не оставлю его. Его временная болезнь заставляет больше привязаться к нему. Ленинград

— единственная Европа в нашем отечестве. Остальное — Евразия. Я люблю Европу. Люблю строгость культурных традиций».

Если-бы эта строгость была соблюдена и в произведениях Лавренева — они только от этого-бы выиграли.

3.

После авантюрного романтизма Лавренева, построенного по всем правилам примитивной техники, какое удовольствие окунуться в стихийную, внутреннюю романтику Артема Веселого. Лавренев посредственный беллетрист, маленький писатель. Артем Веселый — крупный, своеобразный талант, одно из самых ярких явлений молодой литературы.

Помимо «Рек огненных» и ряда рассказов, А. Веселый издал два романа — «Страна родная» (1926) и «Россия кровью умытая». Назвать романами эти широкие полотна — также трудно, как пересказать их содержание. Они составлены из ряда эпизодов, анекдотов, описаний, почти без развивающегося действенного сюжета. В них бушует языковая стихия — вихрем ворвался в романы А. Веселого сочный фольклор, первобытный просто народный разговор — порою грубый, порою художественно меткий и веселый, порою совершенно непонятный без словаря. В «Реках Огненных» словесная игра настолько владела автором, что у читателя в глазах рябило от бешеного полета этой словесной разноцветной карусели. Это еще был не стиль, а материал для него, та первичная языковая стихия, из которой лишь творчество может вызвать некую словесную твердь. Очень часто у А. Веселого вместо этой отяжелевшей сгущенности — одна только огненная лава, которая течет неодолимо — и неизвестно во что она отольется, во что обратится.

В двух последних романах язык стал более организован, нет той погони за прибаутками при помощи, « символических междометий, которые изобиловали в «Реках Огненных». Но все еще любит «играть мускулами» молодой автор, показывать свою силу, иной раз понапрасну озорничает и, радуясь неистощимому словесному богатству, жонглирует словами и диковинными оборотами речи. Но он несомненно стоит на пути к большей простоте, к большей подобранности.

Впрочем, трудно обвинять А. Веселого за этот словесный разгул, за его стилистическую безшабашность. Причина ее не в том только, что он самоучка, что нет у него подлинной культуры творчества, что тяжело ему дается

работа над самим собою (хотя он, несомненно, работает — и следы упорного труда видны в шлифовке романов по сравнению с ранее опубликованными отрывками). В его романах «гуляет страна родная» — мужичья и солдатская Россия революции — и это она смеется и стонет, кричит и ругается на грубом и выразительном своем языке, это о ней Артем Веселый передает ужасающие бытовые подробности, рассказывает чудовищные анекдоты или нечеловеческие кошмары*).

*) Вот пример стиля А. Веселого — из эпизода об инструкторе Фильке, посланном уездисполкомом в объезд по деревням. («Страна родная», стр. 31-33):

.... Ямская пара крыла накатанный большак. В просторах стыл извечный расейский колокольчик. Филька кутался в реквизированный, выданный на поездку тулуп, поминутно шупал под собой брезентовый портфель, туго набитый инструкциями, и бойко спрашивал ямщика Петухова:

— И муки достать можно? А картошка почему? Молоко тоже страх люблю... Чехи они гады, всех их передуть придется, чтоб не приключилось у нас новой чепухи.

Ямщик спал и всю дорогу тянул уууу ээээээ ууууу ыыыы... На крутых шиблях он тыкался носом в щиток, разбирал вожжи, взбивал падающий на глаза собачий малахай и, привстав, указывал кнутовищем:

— Воон, вооон пошли...

— Где? Чего?

От островка леса цепочкой трусили серые. Тоненько лил льдистый ветер. Мел поземок, сумь. В снегах дымились теплые гнезда деревень.

— Зверья развелось боле чем скотины. Восейка у тестя на кадде корову сожрали, одну требуху оставили, во, прокляты...

По Хомутову вздулись огни.

В исполкоме новый председатель, Танек-Пронек, дела разбирал. Чадила плошка-сальник. По полу валялись мужики, безперечь зыбали, лениво переговаривались.

Филька вошел и окостенелым языком еле выворотил:

— Аяй, холодно у вас, насилу доехали.

Веселый голос из угла:

— У нас холодно, а у вас аль хрухта пушится?

— Нда, он, этот морозо-от, сопли высушит.

Инструктор валянки у порога обивал. Мужичьи голоса бубнили глухо, ровно сытые ботала в ночном:

— С ковкой беда, жестель.

— Ковка ноне чево, и не говори.

— Ваш мандат, товарищ?

И еще кто-то вошел, крепко хлопнув дверь. Огонек в плошке дернулся и сгиб. Разживляли-разживляли, не тут-то было, сало выгорело. Филька тревожно шупал одубевший нос, в темноте жал руку председателю:

— Собрание вот общее, согласно инструкции, да сала бы где гусяного раздобыть.

— Сала мы достанем, а начет собрания надо подумать...

В дегтярной черноте угрюмо загадели:

— Чово тут думать, на ночь глядя.

— Аль останний час живем, дня не будет?

В сущности, нет героев в его романах. В них движется и волнуется крестьянская и красноармейская масса, из которой на миг выплывут безалаберный Филька, нелепый Танька Пронька, вождь дезертиров, Митька Кольцов или солдатский ходок Максим Кужель. Революционную воленицу, многоголосую и звериную, со всеми ее несообразностями и жестокостями, с ее стихийным гневом и жадной правды — показывает Артем Веселый. И показывает так, что играет каждая краска на этом огромном, размашисто — по ухарски написанном полотне. Нет в А. Веселом никакой приторности, фальшивых эффектов не признает он — и его коммунисты не ходульны, его герои — во весь рост, люди, а не романтические выдумки — и все же, не

— Не выгонка, в сам деле.

— Выпча глаза....

— Ништо....

— Товарищ инструктор, а товарищ, такое слово есть — глашатай — к чему оно?.. Весь вечер жуем, не разжужаем...

Ночевал Филька у попа.

Покладистый да разговорчивый поп Выньямины шелкову бороду на палец вил, ложечкой в стакане играл, бережненько вопросами обкладывал:

— Что в городе нового, да как Англия с Францией?

Филька усердно уминал блинчики, ватрушки, крендельки; протрясся с утра, а дорожный паек Дарье оставил, ведь любовь не хвост собачий. Булочки, варакушки хропал, пальцем рассеянно по столу водил:

— Европа, она что-ж?.. Европа она — сука, извините, с буржуазией заодно.... Обязательно ее бить придется, иначе останемся мы при ником интересе...

А вот описание гульбища (стр. 166-168):.

... В печке пожар...

От хозяйки блинный дух, блины допекает лебедка. Рожа, как солнышко красное в масле макинутое.

Угар.

Чад.

Треск.

Шап.

Стук.

В просторной, чистой половине гостебище, половодье, содом, ярманка, гвалт несусветный.

— Пей, сватушка, пей.

— В ан Ваньч...

— Ы-ык... Я-е...

— Опять и обмолот — зарез.

— Дарья, тюк квацня....

— Ы-ык, то-то...

— Врут.

— Ай, в них душа, а в нас ветер?

— Отрыгнется мужичий хлеб.

— Отрыгнется.

бытовым реализмом дышат эти то веселые, то взволнованные страницы. Балагур и сказатель, А. Веселый не выдерживает, и не желает выдержать объективного тона повествования. Он увлечен тем, что рассказывает. Точно чувствуешь, как он восхищается огненными реками родины. «Страна родная..... дым, огонь — конца краю нет.....» — этим восклицанием заканчивается первый его роман — и нет пределов, бушует огненный петух, дым жжет глаза — раздолье душе и руке.

Романтика революции, анархическая стихийность А. Веселого придали какой-то необычайно национальный колорит его произведениям. Он, действительно, от земли, от народа, от эпохи — этот правдивый и удалой писатель. И во всех его лирических отступлениях, чудесная любовь к этой родной земле, к городам и весям России:

Пути дороженьки расейские, ходить не исходить вас, радовать-ся не нарадоваться! Заворожили вы сердце мое бродяжье, юное, как огонь. Приплясывая бежит оно в дали радостные. Любы мне и светлые кольца веселых озер, и ленивые развалы степей, и задумчивая прохлада мудрых лесов, и поля, поля, пылающие аржаными пожарами. Любы мне и зимы, перекрытые лютыми морозами, любы и весны, разматывающие яростные шелка. И когда-нибудь у придорожного костра, слушая цветную русскую песню, легко встречу свой последний, смертный час.

А. Веселый попытался создать нечто в роде современной эпопеи — солдатско-мужичьей эпопеи 1918-1920 г. г. Эта попытка еще не окончена: не развернут весь триптих, не даны еще, как называет их автор, все «крылья» единого романа. Но уже и то, что есть — одно из лучших изобре-

---

— Ах, куманек! — Чмок. Ван Ваньч горько сморщился, махнул рукавом новой, гремучей рубахи.

— И мы с них надерем лыка на лапти.

— Аахм.

— Терпежу нашего нет.

— Кищав, не корячься.

— Передохнут кои, на всех и земля не родят.

— Тятка, думать забудь...

— Зна... Хо-хо... Баяно-говорено...

— Поштенье тебе, как стоптанному лаптю.

— Догнал я офицера, да сашкой по котелку хряск...

— О, господи..

— Ешь, брюхо лопнет — рубашка останется.

— Хрисан-то те с родни?

— Как-жа, родня, на одном солнышке онучки сушили.

На столе блинов копна. Щербы блюдо с лоханку. Рыбы куча — без порток не препрыгнешь. Пирожки по лаптю. Курники по решету. Ватрушки по колесу. Пшенички, лапшенники в масле тонут. Сметаной и медом залейся. Пар в потолок. А самогону самые пустыки, высосали.

— Сухо...

жений эпохи — и в хлестком и своеобразном языке его, в полете его стиля передан ее изменчивый и хаотический лик.

Я верю, что из Артема Веселого выработается большой русский писатель. Но и сейчас его романы — крупное и радостное явление.

4.

С. Малашкина очень много ругают, но еще больше читают. И то, и другое вполне понятно. У Малашкина множество недостатков: резонерство, растянутость некоторых рассказов, порою вялый и невыработанный язык, стремление к «достоевщине» чисто внешнего неоправданного типа. Все это справедливо отмечают критики. Но читатель видит и другое: его привлекает известная острота проблем, затрагиваемых молодым автором, их человеческая или социальная значительность. Он улавливает талант, правда, еще не полностью раскрытый, но несомненно развивающийся и свежий.

Я меньше всего ценю вещь, выдвинувшую Малашкина и вызвавшую успех скандала, который следует объяснить отнюдь не литературными причинами.

Все, что произошло с повестью «Луна с правой стороны, или необыкновенная любовь» удивительно напоминает эпизод, бывший лет пятнадцать тому назад с книгой Ю. Слезкина «Ольга Орг».

В «Ольге Орг» описывалась «упадочная молодежь времен реакции после 1905 года. Изломанная героиня повести, в конце концов не могла выдержать собственной пустоты и падения. Ее личная драма волновала, потому что была она обыденной, встречавшейся на каждом шагу. Сперва поиски «интересной» жизни, жажда все узнать,

---

— Не пеки мую кровь.

— Га-хо-хо.

— Хзяин, сухо.

— Дом у не, как вокзал, на все стороны окошки.

— Так и так гоорю... — Петра Часовня толстыми пальцами разглаживал по столу бумажку, ровно молниями исхлыстанную чьими-то резолюциями, — машина, грю, твоя, земля моя...

— Растуды иху, суды иху...

— Сынок, не в жись...

— Брали мы Кеев город, эх...

— Нуу?

— Во, бат, батарея как саданет, саданет...

Над столом рожи жующие, плюющие, распаренные, лоснящиеся, осовелые. Буркалами ворочают туда, сюда. Растрепанные, спутанные волосы, рыбки кости, соленая капуста и лапша в бородах. Разговоров — на воз не покладешь, на паре не увезешь.

быть не как все, сотворить какое-то исключительное, ослепительное существование — и все эти мечты, одетые смелыми словами о дерзости и свободе плоти, — неожиданно превращающиеся в кутежи, гадкие увлечения и грязные пиры. Судьба Ольги Орг была похожа на удел тысяч юношей и девушек ее эпохи: как и она, не вынеся бедной мишуры своего искусственной жизни, ударялись они во всяческие крайности, лишь бы уйти от самих себя, лишь бы избежать страшного пробуждения в беспощадном свете правды. И для многих вечный сон оказывался желаннее этой очной ставки с собственной совестью.

Критика с оттенком презрения отнеслась к сентиментальной «Ольге Орг» с ее сюжетом из хроники столичной газеты. Но молодежь ею зачитывалась: она самое себя, свои мучения и метания находила на этих, пусть не слишком художественных, но близких ей страницах.

То же произошло и с «Луной с правой стороны» Малашкина. Причудливое заглавие спасло автора от необходимости поставить женское имя на обложке, но, конечно, Таня Аристархова, даже не дочь, а младшая сестра героини Юрия Слезкина. Пред нами Ольга Орг в новом, революционном издании.

Таня Аристархова, дочь деревенского кулака, приезжающая в столицу учиться, попадает в компанию молодежи, проповедующую свободу физического сближения и рьяно претворяющую теорию в действительность. После двадцать второго мужа, после «афинских ночей» во время одной из которых ее «целуют шесть дылд», Таня Аристархова начинает испытывать мучения совести и влюбляется в коммуниста Петра, доходит почти до самоубийства — но прикоснувшись к земле, обретает здоровое счастье и любимого человека. Все кончается весьма благополучно, не в пример Ольге Орг.

Психологии в этой повести — весьма мало. Описания «афинских ночей» довольно примитивны. Развязка — неубедительна. В чем же секрет успеха повести Малашкина в России.

Дело в том, что Таня Аристархова — коммунистка, ее товарищи — комсомольцы, речи Исайки Чужачка, с его теоретическими оправданиями «собачьих свадеб» — обычные проповеди «новой морали», повторяющиеся в большевицких клубах и в печати. То, что рассказано в «Луне с правой стороны» — говорится и производится в широких размерах по всей России, и та примитивная драма, ка-

кую испытывает в общем здоровая и крепкая Таня, обычна для молодежи сегодняшнего дня. В повести Малашкина увидели себя юноши и девушки на десятый год после революции, как за десять лет до нее находили они себя в повести Слезкина.

Мало того: Малашкин произвел впечатление именно потому, что в психологии современной молодежи в России наступил несомненный кризис: она готова отшатнуться от черезчур легких формул, от подделок «интенсивного» существования, ей страшно при мысли, что Чубаров переулок находится по соседству с вузовским общежитием и комсомольским клубом. У этой «разложившейся» молодежи та же тяга к простоте и чистоте, что и у Тани Аристарховой: желание настоящей, праведной жизни, олицетворяемой для Тани запахом антоновских яблок, ароматом весенней земли.

Несколько лет тому назад повесть Малашкина не могла бы появиться в России: ее убила бы цензура. Теперь, очевидно, и сами коммунисты отдают себе отчет, во что превратилось «разрешение полового вопроса» у молодежи, и принуждены, хотя и с оговорками, признавать правдивость изображенной Малашкиным картины «для некоторой части комсомола». Конечно, Малашкина обвиняют в сгущении красок и в пристрастии к «большим типам», но и эти обвинения не отнимают у повести ее типичности и показательности.

Уже и в «Луне с правой стороны», несмотря на ее художественные недостатки, обнаружились и сильные стороны автора. Прежде всего, уверенность композиции: повесть очень ладно и ловко скроена, умело построена в художественном отношении. Нет в ней того литературного дилетантизма, который так портит многие даже талантливые произведения молодых. Малашкин — писатель профессионал, т. е. человек, который знает, что надо писателю учиться и над ним работать, что умение приобретается, что труд не помеха, а подмога творчеству.

Малашкин, несомненно, сложился под сильным влиянием Достоевского и Гоголя. Его интересуют не смены действий и событий, как Лавренева, не красочная пестрота массовых движений, как Артема Веселого, а психология человека, несхожесть душ, отметина индивидуальности. Он даже склонен эту особенность искать в некоторой болезненности, его влечет к себе не только психология, но и паталогия. Может быть поэтому попытался он столь

сложной изобразить свою весьма в сущности простую Танию Аристархову.

Герой рассказа «Больной человек» — комиссар Завулонов сошел с ума всецело за тем, как жену его убили белые, а сам он, после мучительного преследования, в упор застрелил вахмистра дезертира. У Завулонова бывают просветы — и тогда страшно встает перед ним проблема совести, права на чужую жизнь, на кровь. А в минуты безумия — Завулонов вместе с убитым вахмистром летят в Москву. Полет ведьм сопровождает их, странный мир нежити раскрывается Завулонову. В этой гоголевской сцене Малашкин достиг большой остроты и изобразительной силы.

Но и здесь, как и в «Луне с правой стороны» психологию захотел он объяснить социологией. Завулонов погибает от мук ущемленной совести. Но его безумие, его чувствительность, пытается доказать Малашкин — результат потери веры, упадочности. Он — коммунист, сломленный революцией. В московском ресторане Ленин сходит с портрета и бранит Завулонова: «вы немного воняете, тов. Завулонов... Вы на арене Нэпа спасовали... Да и на фронте гражданской войны, как я помню, вы изрядно пахли идеализмом. А теперь совершенно спасовали». И Завулонов бросается в пролет лестницы.

«Отработанный пар» революции и тот анонимный герой рассказа «Навождения», который от всего устал, во всем разуверился, и даже «к оживлению советов относился халатно».

И вдруг, в городке, куда он приехал по командировке — с ним случился «солнечный удар», он малниеносно и неотразимо влюбился в замечательную девушку, так же неожиданно полюбившую его. После ночи, показавшейся ему ослепительно, непереносно счастливой, он хочет поцелуем пробудить свою случайную возлюбленную, но она не отвечает на ласки: она умерла от разрыва сердца. Тогда он пускает себе пулю в лоб.

Характерно, что все герои Малашкина задыхаются в «тусклых буднях» Нэпа. Их, как и герсев Лавренева или Артема Веселого, влечет к себе романтика революции, жизненный размах, порыв.

Это особенно ощутимо в лучшем произведении С. Малашкина: «Февральский снег». В этой большой повести описаны февральские дни в Ораниенбауме, в школе морских юнкеров. Революции там не заметили. Герой повести,

Шелехов, о ней не думал. И только приехав в Петербург, увидав все чужое и непонятное, начал ощущать какой то переход. Глядя на Петропавловскую крепость, думая о мучениках, почти со слезами говорит: «клянусь». Но о чем клятва — сам не знает.

Малашкин сумел ухватить и передать то, что тщетно пытались сделать многие, писавшие о феврале и марте: чувство безмерной легкости, весенней свежести, какое овладело всеми в эти дни. Он соединил это с молодостью героя, с его жаждой жизни, с его верой, что весь мир лежит перед ним, точно покорная добыча. И несмотря на некоторый уклон в сторону дешевого романтизма (самоубийство красавца и циника Елховского), Малашкин передал очарование этой первой поры революции, когда, все покрывая, «гремела, буйствовала марсельеза».

5.

Определить в нескольких словах то общее, что объединяет и Малашкина, и Лавренева, и А. Веселого, можно, лишь прибегнув к теоретически спорным формулам. «Реалистический романтизм»; — формула, предложенная В. Полонским, правильно выражает две основных тенденции современной русской литературы.

Это литература, исходящая из быта, из реальной жизни, описывающая ее и даже подчас впадающая в «бытовизм», в анкетическое воспроизведение действительности. Но «бытовизм» — преодоленная крайность, типичная для отдельных писателей в известные периоды их творчества (напр., Вс. Иванов), но не определяющая всего направления. Общее же стремление — к ярким индивидуальностям, пестрым краскам, к движению в сюжете, к передаче страстей и порывов, к созвучию бурной эпохе. В литературе появился новый **жизненный тонус**, воля к бытию и воля к борьбе. Реализм изображения расцветен полнотой сил, тягой к творческому преобразению мира. Обличительная или славословящая, молодая литература проникнута не меланхолией и смирением, а избытком энергии, построена в мажорном ключе, пытается раздвинуть пределы мира: поэтому с реализмом так странно сочетаются в ней фантастика и увлечение авантюрами тел и душ.

И еще одно: новизна стиля этой литературы соответствует обновлению нашего литературного языка. Разговорный и народный язык вместе с революцией хлынул в литературу, порою ломая прежние формы, порою видоизменяя их. Сейчас идет создание, выработка нового лите-

ратурного языка. Через все ухищрения стиля или поиски новых форм, протекает этот процесс, и вот все более и более организовывается эта живая стихия слова, и все определеннее и прочнее слагается тот общий стиль, та сумма признаков — в языке, композиции и изобразительных приемах, — которые присущи каждой эпохе, а нашей в особенности.

Все это уклоны и намеки. Трудно через десять лет после революции, в революционный период, с точностью наметить основные направления искусства. Но материала, который дает нам сейчас новая русская литература, как будто уже достаточно, чтобы определить ее основные пути.

Марк Слоним.

К ВОПРОСУ ОБ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Оппозиция и позиция Российской Коммунистической Партии достигли соглашения на почве партийной дисциплины, но не могли договориться в области политики. Спор между ними вертится вокруг одного основного вопроса, различное решение которого создает два различных течения в пределах единой партийной организации. Это — вопрос об индустриализации страны, т. е. вопрос о том, каким образом экономически обособленный Советский союз своими внутренними ресурсами может развить свою промышленность, превратить аграрную страну в индустриальную.

Советский Союз представляет собою совершенно самобытную экономическую единицу: он забрал в свои руки путем «национализации» огромные капиталы, но не смог сберечь этого богатства: значительная часть его совершенно обесценена. Главная причина этого явления — чисто экономическая, скорее даже техническая. Промышленность требует постоянного обновления капитала, постоянного улучшения ее производительных возможностей. Консервированные в одном положении орудия производства портятся, разрушаются. Жертвой этого неумолимого закона техники является советская промышленность. Этот технический регресс повлек за собою одно экономическое явление огромной важности: ослабление индустриализации и усиление аграризации страны. Перед войной валовой доход страны равнялся 11.740 миллионам золотых рублей; в этой сумме доля сельского хозяйства составляла 6.120 милл., промышленность же давала 5.620 милл., иначе говоря эти две отрасли производства давали почти равное количество дохода ¹⁾). Ныне же, по словам Рыкова, сельское хозяйство дает 11 миллиардов, промышленность же 5 миллиардов валового дохода, иначе говоря, доходность сельского хозяйства возросла вдвое по срав-

---

1) Войтинский: Весь мир в цифрах. Книга 1, стр. 182.

нению с промышленностью ²⁾). Поэтому Рыков справедливо замечает, что «если сельское хозяйство и промышленность будут из года в год увеличиваться на одинаковый процент, это будет означать аграризацию страны» ³⁾.

Число лиц, занятых в сельском хозяйстве значительно возросло; в этом отношении Советский Союз отстает от всех стран, кроме Индии ⁴⁾). Вот от этой аграризации и проистекает известная диспропорция между промышленной и сельско-хозяйственной продукцией. Домашнее хозяйство усиливается, развивается и занимает почетное место в общей экономике. Если до войны товарная доля в продукции сельского хозяйства составляла 32%, то ныне и эта малая доля значительно понизилась. Условия рынка вынуждают крестьян вывозить на рынок возможно меньше продуктов. Словом, упадок промышленности, сокращение товарного и усиление натурального хозяйства — вот существенные черты экономического положения Советского Союза.

При этих условиях промышленность не в состоянии стоять на собственных ногах и развиваться собственными силами, т. е. она не в силах сохранить свое существование путем нормального экономического процесса производства и обмена. Она не выдерживает свободной конкуренции ни с частным промышленником, ни с кустарем. Советская фабрика уподобилась до-реформенной фабрике, когда кустарь успешно конкурировал с нею и разлагал ее. Элементы натурального хозяйства берут вверх над элементами промышленного хозяйства. Власть вынуждена прибегнуть к исключительным мерам для поддержания существования промышленности. Этим объективным положением объясняется вся экономическая политика Советов.

Таким образом, промышленность советская и буржуазная стоят на различных ступенях развития. Первая не в состоянии развиваться по вытекающим из самого производства экономическим законам, путем нормального функционирования капитала. Вторая же, наоборот, живет и растет, благодаря производству отношениям капитала, за свой собственный счет. Здесь господство капитала в экономической области полное,

²⁾ «Правда», 23 октября 1926 г. Статистика у большевиков после 14-го съезда стала орудием фракционной борьбы и утратила научную ценность: разные лица дают по одному и тому же вопросу различные цифровые данные, в зависимости от своих фракционных соображений. Но пропорция между доходностью сельского хозяйства и промышленностью по всем почти одинакова.

Примечание редакции: — Согласно контрольным цифрам Госплана, валовая продукция сельского хозяйства за 1925-26 г.г. определяется в 11,31 миллиард. рубл., а валовая продукция промышленности в 6,92 миллиарда рублей.

³⁾ «Заря Востока», 12 марта 1926 г.

⁴⁾ Войтинский. Том 2.

там — ограниченное, капитал еще не созрел для самостоятельного экономического господства, почему и нуждается в помощи вне-экономической силы; это — полицейская форма капитала. Это различие обуславливает и различие в процессе индустриализации. Накопление капитала в буржуазном обществе происходит чисто капиталистическим способом, не выходя из рамок производства и обмена. В советском же обществе этот процесс протекает полицейским способом, путем постоянного насильственной экспроприации чужого имущества. Это присвоение чужого продукта происходит по двум линиям: в производстве — правовым порабощением рабочего, в обмене — обиранием крестьянина и вместе с ним всего общества. Советская промышленность зиждется на эксплуатации пролетариата и крестьянства путем «займа», путем государственного насилия.

Советская промышленность находится в детском возрасте буржуазной промышленности и носит в себе все его отличительные черты. В этом периоде вопрос об индустриализации стоял перед промышленностью во всех странах. Подъем промышленности требует массового производства товара и сбыта его по дешевым ценам, что, в свою очередь, требует подъема промышленности. Узел этот невозможно развязать чисто экономическими средствами, он рассекался мечом, государственным насилием почти во всех странах Европы. Непосредственная экспроприация крестьян, ограбление колониальных стран, порабощение рабочих — вот главные средства накопления капитала в этом периоде. «Все эти методы, — пишет К. Маркс, — отчасти основываются на самом грубом насилии, например, колониальная система. Все они пользуются государственной властью — этою концентрированной и организованной силою общества, для того, чтобы ускорить превращение феодального способа производства в капиталистический и сократить переходные ступени»⁵⁾. Об'ектом насилия являются создатели ценностей — рабочие и крестьяне. И лишь впоследствии, окрепшая этим путем индустрия подчиняет себе этих же трудящихся своими собственными экономическими нормами.

Советские жрецы несколько не намерены предоставить свою промышленность ее естественному развитию. Оппозиция и позиция в один голос требуют государственной опеки над производством. Разногласица начинается лишь впоследствии; меньшинство направляет государственный меч преимущественно против крестьян, а большинство — против рабочих. Ни одна из сторон не отвергает существующего ныне обирания крестьян и рабочих, спорят лишь о том, как их обирать в еще большей степени.

Оппозиция требует накопления капитала за счет крестьян.

---

⁵⁾ К. Маркс, Капитал, т. 1.

Если Англия накопила свой капитал путем экспроприации крестьянских земель, Советы должны достичь тех же результатов путем экспроприации крестьянских продуктов. Это своего рода старая колониальная политика, распространенная на свое собственное крестьянство. Оппозиция, правда, лишена «крестьянских иллюзий», но зато она лишена также и исторических перспектив. В Англии дело шло о превращении феодального общества в капиталистическое, т. е. о расцвете производительных сил страны; в России же дело идет о превращении часто-капиталистического хозяйства в полицейско-государственное, т. е. об упадке производительных сил. Поэтому государственное насилие в данном случае играет лишь разрушительную роль, не создавая ничего взамен.

Разгром крестьян может способствовать индустриализации лишь в том случае, когда промышленность впитает в себя новую армию рабочих и расширяет этим путем рынок сельскохозяйственных продуктов. В советской же действительности, где промышленности влачит жалкое существование, с ея-безработных миллионами, мы получим пауперизацию населения и опустошение сельского хозяйства.

Предложение оппозиции утопично и реакционно.

Партия, наоборот, переносит центр тяжести на эксплуатацию рабочего. Если крестьянский труд присваивается при помощи политики цен и налогов, то пролетарский труд присваивается при помощи тарифной политики. Промышленность настолько слаба, что не может выдержать свободного движения пролетариата, и она вынуждена защитить себя от этого врага. Маркс пишет: «при обыкновенном ходе вещей рабочий должен быть предоставлен «естественным законам» производства, т. е. той зависимости от капитала, которая прямо вытекает из самих условий производства, ими гарантируется и увековечивается. Но не то было при историческом начале капиталистического производства. Нарождающаяся буужуазия пользовалась тогда государственной властью для «регулирования» заработной платы, т. е. для того, чтобы втиснуть и держать ее в границах, соответствующих образованию прибавочной стоимости, для удлинения рабочего дня и для того, чтобы удерживать самого рабочего в нормальной степени зависимости. Это существенный момент так называемого первоначального накопления»⁶⁾).

В Советском Союзе рабочий не предоставлен «естественным законам производства»; поэтому выставление его главным двигателем индустриализации может породить у коммунистов большие надежды.

Но имеют ли эти надежды какую нибудь реальную основу

---

⁶⁾ Там же.

под собою? Вопрос о доходности советской промышленности до последнего времени остается спорным. В буржуазном производстве в этом отношении нет никаких неясностей: бездоходное предприятие закрывается. Советская промышленность сама по себе является бездоходной, ибо в ее пределах производственным способом капитал не накапливается; правда, здесь обращаются большие капиталы, но они добыты не путем производства, а путем торговли.

Примитивной формой капитала является торговый капитал, подчиняющий себе промышленный. В развитой же экономике, наоборот, промышленный капитал — господствующая форма, которой подчиняется торговый. Советская экономика опирается на торговый капитал и им существует. Так называемая «прибыль» промышленности извлекается не из процесса товарного обращения, а из товарной монополии, т. е. чисто юридическое состояние является источником накопления капитала. Власть сбывает свой негодный и дешевый товар по гораздо более высоким ценам, чем он стоит, загребая разницу в свой карман.

Рыков говорит: «крестьянство очень много переплачивает из-за высоких цен промышленных товаров» ⁷⁾. По расчету большевиков этот излишек равняется одному миллиарду рублей ⁸⁾. А сколько переплатил город — неизвестно. Рабочий класс и служащие являются такой же дойной коровой для монопольной промышленности, как и крестьянство. Этой же цели служит монополия внешней торговли. Ввозимые товары часто продаются с надбавкой 200-300% ⁹⁾. Поэтому значение торговли в общей экономике сильно возросло сравнительно с довоенным временем. Бывший руководитель Цесеу, Попов, пишет, что «путем торговли совершается частное и социалистическое накопление». Этим объясняется то обстоятельство, что крестьянство «торговлю и налоги считает средствами отчуждения у него товара без соответствующего эквивалента» ¹⁰⁾. Известный лозунг Ленина «учитесь торговать» (а не производить) отражает основное явление советской экономики — господство торгового капитала.

Таким образом, новые капиталы приливают в промышленность не из производства, не в результате накопления промышленного богатства, массового производства товаров и сбыта его по дешевой цене, как это происходит в буржуазном обществе, а из торговой прибыли, в результате продажи товара по дорогой цене, экспроприации продукта труда непромышленных отраслей производства и заработка рабочих и служащих. Следо-

⁷⁾ «Правда», 31 октября 1926 г.

⁸⁾ «Экономическая Жизнь», 1 октября 1926 г.

⁹⁾ «Экономическое Обозрение», январь 1926 г.

¹⁰⁾ «Экономическая Жизнь», 29 марта 1925 г.

вательно, источником промышленности является не созидание новых ценностей, а распределение в ее пользу созданных другими ценностей. Раз вся страна обирается этим путем, казалось, должна была бы набираться огромная сумма и индустриализация должна развиваться быстрым темпом. В действительности же, сумма, правда, набирается огромная, однако, индустриализация не осуществляется. Причина в том, что торговый капитал есть капитал фиктивный.

И в самом деле, торговля — это обмен уже наличных товаров; надувательство в торговле совершенно не меняет количества товаров, страна от этого не приобретает никакого богатства. Товарное обращение не создает нового товара и присущей последнему прибавочной стоимости. В буржуазном обществе источником прибыли торговли является не покупатель, а рабочий: промышленник уделает ему часть прибавочной стоимости. Поэтому тут промышленник и торговец одинаково заинтересованы в заготовлении и сбыте возможно большего количества товаров. Понижением цен, свидетельствующее о повышении производительности труда является единственным средством накопления капитала. В советском же обществе, напротив, главным источником прибыли и накопления капитала является продажа товара по высокой цене, следовательно, производство товара в ограниченном количестве. Но здесь имеет место одно неожиданное явление. Накопленный коммерческими манипуляциями капитал не есть действительный капитал, не составляет действительного богатства. Он был бы богатством лишь в том случае, если бы его обладательница — промышленность сама лишь продавала, не покупая ничего, как это делает ростовщик. Торговая прибыль является богатством лишь в руках ростовщика, он ее приберегает, пускает сырье, рабочую силу, машины пускает их в производство и продает заготовленный в процессе этого производства товар. Тут обмен отражает процесс производства: И вот, когда промышленник, обрадованный продажей своего товара по высокой цене, сам начинает покупать, они видят, что поднялись в цене и нужные ему товары: радость сменяется разочарованием. Произошло выравнивание рыночных цен. Рабочий, вынужденный приобрести сукно по повышенной цене, вынужден для покрытия перерасхода и свой труд продать по повышенной цене. Также поступает и продавец сырья, и продавец жизненных припасов. Все советское хозяйство равняется или старается равняться по линии цен на промышленные товары, чтобы вернуть если не полностью, так, по крайней мере, частично потери, понесенные от неравного обмена.

Борьба между властью и обществом на почве торговли ведется по всему Советскому Союзу, и лишь та сумма, которая остается в результате этой борьбы в руках правительства, явля-

ется «прибылью» промышленности. Размеры этой суммы трудно определить: по сведениям Куйбышева в текущем году осталось у промышленности 474 миллиона прибыли¹¹⁾; но способ исчисления этой суммы покрыт мраком. Действительно ли это прибыль, или в эту же сумму включены и банковский кредит и бюджетные субсидии — неизвестно.

Допустим, что прибыль эта исчислена за вычетом этих ассигнований. Встает другой вопрос: обращается ли часть прибыли на обновление постоянного капитала? Нет, не обращается и именно поэтому так остро стоит вопрос об индустриализации. Иначе говоря, та часть постоянного капитала, которая изнашивается и, следовательно, переходит в товар, как элемент его стоимости, не возвращается капиталу, понесенная затрата не возобновляется, а зачисляется в чистую прибыль! Разрушение основного капитала является источником прибыли! Буржуазная бухгалтерия записывает такую операцию в убыток.... Результат — банкротство производства. Советское производство фактически обанкротилось, и, если не закрывается, то лишь благодаря систематической помощи, оказываемой ей из других отраслей народного хозяйства.

Таким образом, прибыль советского производства является результатом, с одной стороны, разрушения основного капитала, с другой же — «регламентации» рыночных цен. В ней объединяются помещичья расточительность и ростовщическая торговля. Есть ли возможность использовать эту сумму на индустриализацию? Нет, ибо промышленность нуждается в оборотном капитале. Превращение этой суммы в постоянный капитал вызовет упадок производства. Это хорошо знаем и сам Куйбышев, который говорит: «конечно, изъятие из промышленности хотя бы этих самих прибылей представляет большие затруднения. Нужно сказать, что оборотные средства промышленности крайне незначительны, но тем не менее изъятие из этих оборотных средств прибылей для того, чтобы ими финансировать капитальные затраты, конечно, явится совершенно необходимым»¹²⁾.

Таким образом, развитие промышленности ее собственными средствами, путем большевицкого обмена ее продукта представляется также совершенно невозможным. Власть принуждена обратиться к иному источнику. Представленные Рыковым и утвержденные 15-й конференцией тезисы указывают два таких источника: государственный бюджет и частный капитал¹³⁾. По его словам вся помощь, оказанная промышленности из бюджета в течение последних трех лет, равняется одному мил-

11) «Правда», 24 октября 1926 г.

12) Там же.

13) «Правда», 23 и 30 октября.

лиарду тремстам миллионам рублей, из коих поступило обратно лишь 567 миллионов. Индустриализация при помощи бюджета недостижима. Почему? Да потому, что бюджет не создает нового богатства, а лишь перемещает уже созданное богатство, перекачивает его из кармана населения в казну. Движение этого богатства совершается по законам товарного капитала. Чем больше взимают с налогоплательщика, тем больше силится он возместить уплаченное путем повышения цен на свои продукты. Можно утверждать, что чем выше налоги, тем слабее ход индустриализации. Реальную помощь мог бы оказать, несомненно, частный капитал. Накопление его знаменует собою усиление частного производства и подъем производительности труда. Но ведь в Советском Союзе частный капитал может работать лишь контрабандным путем. Тут он строго преследуется; по исчислению Рыкова, в государственных сберегательных кассах хранится в настоящее время лишь 6 % суммы, которую отдавали в эти кассы в царское время. Тогда на долю крестьянства приходилось 28 % всей отдававшейся на сбережение суммы, ныне же приходится лишь 3 %. Картина всеобщего обнищания, распыления мелкого капитала ясна. Тут нужно принять во внимание также основательное недоверие к государству. Нет гарантии в неприкосновенности вкладов. Держась одной рукой за частный капитал, советская власть разрушает его другой.

В развитой экономике главным элементом индустриализации является кредит. В советской же экономике, правда — существуют банки, но они не располагают самостоятельными средствами. Раз нет частно-капиталистической системы, не может быть и накопления частного капитала и сосредоточения его в банках. Банк, как и трест, является государственным учреждением; он питается бюджетом и эмиссией. Остается товарный кредит, которым пользуются тресты между собою. Но и тут дело обстоит из рук вон плохо: должник не платит долга, который ложится на правительство. Иначе и быть не может, ибо товарный кредит требует гарантии банка, что предполагает, в свою очередь, существование кредитной системы, т. е. развитых экономических условий.

Промышленность развивается также путем концентрации капитала; крупный капитал поражает мелкий, возрастая за его счет. Это явление имеет место и в России, однако, дает противоположный результат. И это потому, что слабый капитал падает жертвой не экономических условий, не конкуренции, а государственного насилия, «закона». И вот тут ежедневно повторяется то, что однажды приснилось Фараону: тощие коровы поглощают жирных и остаются тощими. Власть забрала в руки все капиталы и осталась все же без капитала! История не запомнит столь разительного примера банкротства режима.

Известно, что индустриализация страны начинается, прежде всего, в тех отраслях производства, которые менее других нуждаются в постоянном капитале, а, значит, и легче других могут быть пущены в ход. Таковы, например, горные богатства, капитал, данный самой природой. Тут требуется переменный капитал — рабочая сила, и некоторое количество технических орудий. Уголь создал Англию, нефть — Соединенные Штаты. Всех этих благ в Советском Союзе в достаточном количестве, правительство имеет в своих руках все природные богатства — уголь, нефть, железо, медь и т. п. И несмотря на это ни одна отрасль производства не находится в таком упадке, как именно эти. Заработная плата здесь ниже, чем где бы то ни было; напр., углекопы получают 61% довоенной платы; казалось бы прибавочной стоимости должно оставаться здесь вдвое больше, чем до войны. В действительности же все производство работает в убыток, ложащийся на казну. А ведь индустриализация других отраслей гораздо более затруднительна; тяжелая индустрия требует огромного постоянного капитала, который тут оборачивается в гораздо более долгие сроки. Стало невозможным проведение новых железнодорожных линий; вся работа в этой области направлена на поддержание старых линий; вся работа в этой области направлена на поддержание старых линий, и все же все парки переполнены больными паровозами и вагонами. По словам Куйбышева, металлургическая промышленность дает убыток; а ведь эта отрасль является как раз фундаментом индустриализации. Сравнительно легко достигается развитие легкой индустрии (текстиль, сахар и др.), где товар, а значит и капитал, обращается быстро и маленький фонд за короткое время может превратиться в значительную сумму. Но в Советском Союзе и она влечет жалкое существование: именно эти отрасли и вызывают товарный голод. Население принуждено обратиться к домашней промышленности. Правда, текстильные фабрики дают «прибыль» в советском значении этого слова, но она влечет за собою падение сельско-хозяйственной технической культуры, вызываемое, по словам Рыкова, политикой цен: «мы допустили сильное понижение цен на лен и другие технические культуры. Результат этого — падение продукции технической культуры». В силу этого правительство принуждено ввозить из заграницы хлопок, шерсть, кожу и т. д., что составляет 40% общего количества ввоза ¹⁴⁾. Индустрия разрушает свой собственный фундамент — сырьевое хозяйство. Тут «прибыль» означает обирание крестьянина как производителя и как покупателя.

Таким образом, советская действительность неспособна дать никакой почвы для промышленного возрождения страны, для действительного проведения индустриализации. Причина яс-

14) Там же.

на; Маркс пишет: «на почве товарного хозяйства существование крупной индустрии возможно лишь в капиталистической форме». В России же крупная индустрия существует в некапиталистических формах, вся товарная экономика функционирует не на основе законов товарного производства; что же удивительного, если вмѣсто индустриализации страны мы наблюдаем ее аграризацию. Большевицкая «индустриализация» поглотит неимоверное количество труда пролетариата, неисчислимое достояние крестьянства и всего общества. Но воз все же не сдвинется с места. Действительная индустриализация требует приведения в действие капиталистических законов и предоставления в их рамках и на равных условиях поля деятельности частному, государственному, муниципальному и кооперативному хозяйствам¹⁵⁾.

Ясно, таким образом, что основным вопросом советского производства является не индустриализация, а эмансипация его. Товар заготавливался и продавался ведь и в средние века, но это не давало никакой индустриализации, ибо производство было сковано феодальными путями. Советы отказались от коммунизма и ввели нэп, но не отказались от полицейской формы коммунизма, от его социальных рамок, в которые они поставили капиталистическое хозяйство — товарное производство. Вот эти два, противоположных друг другу элемента борются друг с другом, не ущемляются рядом и дают в результате общую экономическую и социальную немощность. Порыв этих рамок, устранение экономического эклектизма и восстановление единого начала является единственной порукой индустриализации. Этот порыв — осуществится ли он путем насилия или добровольно — в обоих случаях будет великой революцией России, отметит окончательно вступление ее в семью европейских народов.

Н. Жордания.

---

¹⁵⁾ Редакция согласна с автором, поскольку под приведенным в действие капиталистических законов им подразумевается переход к эквивалентному обмену продуктов, иными словами, отмена практикуемой большевиками системы монопольных цен. Что же касается форм крупной индустрии, то и на почве товарного производства возможно существование ее в формах и не чисто капиталистических. Ряд социалистических партий, и в том числе сугубо-марксистские, — выдвигают теперь требование социализации отдельных отраслей промышленности, при сохранении товарной основы хозяйства в целом.

Редакция.

К ИТОГАМ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

(1918 — 1925 г.г.)

«Землеустройство по своей социальной природе есть, объективирующаяся в хозяйственном приспособлении территории, исторически развивающаяся система общественных отношений».

Проф. Першин. (Соц.-Экон. теория Земл-ва).

Современное сельско-хозяйственное преобразование России протекает под знаком землеустройства. Не удивительно поэтому, что вопросы землеустройства были и остаются вопросами чрезвычайной важности.

Землеустройство, по существу своему, затрагивает слишком важные стороны в жизни деревни, как экономическо-политический фактор. При современных условиях, землеустроительные мероприятия не могут ограничиваться только уничтожением, сважем, существующих недостатков в формах землепользования, как-то: многополосицы, чрезполосицы, дальнотемелья и пр., — землеустройство должно выявить новые формы, обеспечивающие максимум экономического и технического прогресса сельского хозяйства и вместе с тем — способствовать поднятию общего культурного уровня деревни.

Землеустройство, таким образом, должно преобразовать крестьянское хозяйство во всех направлениях, дав деревне такие формы землепользования, которые лучше всего обезпечивали бы кооперирование сельско-хозяйственного производства, (обобществление), развитие сельско-хозяйственной техники, переход к более совершенным формам севооборотов, введение новых начал в строительстве новых поселков (обособленных участков), с применением противопожарных мер, правильную организацию водоснабжения, переселения и расселения из мест земельного голода в места земельного простора и т. д.

Проследим теперь, что сделано в этой области народного хозяйства советской властью и каковы, вообще, задания ее?

В дореволюционное время землеустройство понималось как совокупность земельно-технических мероприятий, в целях создания более выгодных форм землепользования и закрепления частных прав на землю.

Ее задачи сводились: разограничению в натуре (на местах) частных прав отдельных собственников на землю, разделу земель общего пользования, проведению дорог к отмежеванным обособленным участкам и пр., что, конечно, не могло не выдвинуть на первое место чисто политические задачи, прежде всего. ¹⁾

Революционная стихия 1917 года итоги «Столыпинского Землеустройства» свела на нет, введя участковые хозяйства обратно в общину. Только в западных и сев.-западных губерниях России хуторская (преимущественно) форма землепользования еще как-то устояла.

В результате всероссийского голого дележа наличного количества земли между наличным количеством населения (чернопередельческая волна 1917-1920 г.г.), Россия превратилась в страну мелкого крестьянского хозяйства. ²⁾

В 36 губерниях Европейской части России из общего количества нетрудовых земель — 22.847.916 десятин, перешло крестьянам — 21.407.152 десятины, коллективным хозяйствам — 391.614 десятин, Совхозам — 1.049.510 десятин. У государства, таким образом, осталось не многим больше 3% сельскохозяйственной площади Республики. (С. Розенблюм. Земельное право РСФСР).

Крестьянский надел увеличился с 80% до 99%, 53,1%

1) Столыпинское землеустройство планомерного характера не носило: на сев.-западе и юго-востоке Европейской части России процент участковых хозяйств не многим был выше среднего для России, в остальных губерниях он был значительно меньше среднего. В северо-западных губерниях имелись положительные достижения в смысле уничтожения чрезполосицы и дальнотельности; в юго-восточных губерниях, — положительных достижений не было (с организационной производственной стороны). % % вышедших на отруба и хутора, в среднем, достиг 9-10% всех крестьянских хозяйств; около 64% участковых хозяйств образовано путем разверстания целых селений на отруба и хутора, 29% отдельным выделом.

2) 19. II. 1918 г. был издан «Основной закон о социализации земли» (при участии левых С.-Р. в правительстве большевиков), которым устанавливалась потребительно-трудовая норма надела. Закон в жизнь не проводился (формально существует и поныне). Его заменили «Временные правила распределения земель». На местах, в силу ряда причин, никакого земельного поровнения в общегосударственном масштабе не произошло. Удержан был принцип неизменности границ не только губернских, но и волостных, а, не редко; и сельских. Межволостное равнение было исключительным явлением. Распределялись земли не трудового фонда внутри волости между примыкающими селениями, часто помимо участия землемеров, зем-органов, комиссий, — самим населением, — стихийно.

сельских обществ увеличило свой надел и 12,3% из них имеют площадь увеличенную вдвое больше против прежней. Число беспосевных, с 11,4% в 1916 г., понизилось до 6,5%!

Итоги «черного передела» далеко меньшие, чем многие ожидали, (увеличение достигло от 0,12 до 0,22 десятины на живую душу населения. А. Кириллов. Очерки землеустройства).

Первыми мероприятиями землеустроительного порядка советской власти надо считать эпоху коллективизации сельского хозяйства, с политическим курсом на деревенскую бедноту в том смысле, что она-то (деревенская беднота) и создаст производственные сельско-хозяйственные коллективы-коммуны и советские хозяйства. Это и было основным руководящим началом соввласти в области аграрных мечтаний вплоть до VIII съезда РКП.¹⁾

В этом духе и было издано «Положение о социалистическом землеустройстве» и «Инструкции» к нему (11/III — 1919 г.).

«Инструкция» устанавливала норму наделения: трудовое хозяйство данного района, не применяющее наемного труда, не отпускающее на заработки членов семьи. Выработка нормы возлагалась на губернские земельные отделы, для чего губернские (каждая в отдельности) разбивалась на районы и уже в последних, в соответствии с местными естественными и хозяйственно-экономическими условиями, устанавливалась трудовая норма земельного надела. Допускалось, как исключение, установление надельной нормы по каждой волости, понижение нормы, в случае недостатка земли, замена одних угодий другими.

30-го апреля 1920 г., декретом «О переделах земли», был положен предел общинным ежегодным переделам. За крестьянским хозяйством оставлялось то количество земли, которое находится в фактическом его пользовании, обрабатывается силами его семьи, хотя и превышает установленную норму надела в данном районе. Допускалось увеличение размера землепользования трудовым хозяйствам (постановлением Губземотделов и там, где еще не были закончены землеустроительные работы), с целью перехода к многополью, ведения технических культур, улучшения земли минеральными удобрениями и т. д. Циркуляр Центрального Отдела Землеустройства от 21-го августа 1920 г. прямо указывал, что декрет «О переделах земли», — поощряет стимулы для улучшения хозяйства, допуская увеличение разме-

1) Коммуны (90%) и сельско-хозяйственные артели (70%) образовались на землях не-трудового фонда. На землях крестьянских процесс коллективизации сельского хозяйства развивался весьма слабо. Крестьянин не мог мириться с элементами принуждения, как мерой обобществления сельского хозяйства, не уживался и с внешней формой подневольного труда, что его отталкивало от работ в Совхозах. Поэтому процент коллективных хозяйств (80% в среднем в 1919 г.), уже в 1921 г. падает до 37-38%. (А. Кириллов).

ров землепользования, вводящих коренные улучшения».¹⁾

Наконец, 22-го мая 1922 г., в отмену «Положения о социалистическом землеустройстве», был издан закон о трудовом землепользовании, меняющий характер установившихся до того землеустроительных работ.

Вот основные акты советского землеустройства, которых мы и коснемся в своем обзоре итогов землеустроительных мероприятий за период 1918 — 1925 г.г.

«Положение о социалистическом землеустройстве» установило в России форму *национализации земли*: «вся земля в пределах РСФСР, — гласит 1-ая глава «Положения», — в чем-бы пользовании она ни состояла, считается единым государственным фондом». Тенденция совласти: «создать единое производственное хозяйство, снабжающее Республику наибольшим количеством хозяйственных благ, при наименьшей затрате народного труда». На земельные органы, в круг землеустроительных обязанностей, возлагалось:

а) ограничение земель сельско-хозяйственного назначения от земель прочих назначений;

б) выделение из сельско-хозяйственного фонда тех земель, которые не подлежат распределению;

в) уничтожение дальнеземелья, череполосицы и т. п.;

г) распределение сельско-хозяйственного фонда между трудовым населением для ведения сельского хозяйства;

д) отвод земель для других надобностей;

е) производство изысканий, в целях расширения сельско-хозяйственного фонда;

ж) учет земельного фонда и земледельческого населения.

Внеочередные работы допускались по почину земотделов и по заявлениям учреждений, товариществ, предприятий: а) отвод земли для нужд совхозов, сельско-хозяйственных коммун, артелей и др. видов товарищеских форм землепользования; б) отвод земли для правительственных и общественных учреждений и предприятий, а равно и для других надобностей, в случае их общественной полезности; в) установление губернских и уездных границ для надобностей землеустройства.

Отвод земли волостям и выделы земли сельско-хозяйственным объединениям внутри волостей производилось по почину земотделов в таком порядке: сначала отвод земли волостям, а потом — наличным сельско-хозяйственным объединениям.

По своему виду землеустройство распадается:

1) *внутрирасселенное* — групповое и единоличное, выража-

¹⁾ Коренным улучшением признавалось: искусственное орошение и осушение, расчистка почвы от камней, улучшение лугов, культивировка болот, укрепление песков и оврагов, внесение в почву долгодействующих минеральных удобрений.

яющееся в устранении чрезполосицы или дальнотемелья, посредством улучшения существующего порядка землепользования:

а) выдела «паев» (уравнительных) при общественном переделе;

б) выдела земли части дворов, образующих, новое земельное общество;

г) выдела земли сельско-хозяйственным коммунам, артелям и товариществам;

д) коммасаия (консолидация полос), переход на широкие полосы;

е) переселение, расселение, в целях приближения земли к хозяйственным центрам;

ж) оборудовании землеустроительной площади дорогами (в процессе работ);

з) раздел земель общего пользования (выгонов, лугов, пустошей) и ряд других мер по улучшению условий землепользования (меры агрикультурного порядка).

2) *Едиличное землеустройство* — переход на отруба и хутора.

Но задолго еще до появления «Положения о Социалистическом Землеустройстве», «Инструкции» к нему и др. законоположений по землеустройству, почти повсеместно в стране работы землеустроительного характера производились, кое-где закончились.

С 1919 по 1921 г. в духе «Положения» было землеустроено в общем 28.479.720 десятин, но если не считать отводов земли Совхозам и Колхозам, то внутринадельного землеустройства за эти годы не производилось. Последнее начинает постепенно вкрапываться с 1922 г. Из 13.008.327 десятин землеустроительной площади за 1922 г. на долю внутринадельного землепользования падает 1.093.197 десятин (едиличное землепользование и коммасаия). 1923-1924 г.г., когда работы производились в духе земельного кодекса, землеустроенная площадь определяется около 30.523.699 десятин (за 1923 год — 10.211.076 десятин и за 1924 г. — 20.312.623 десятин), на долю внутринадельного землепользования из этого числа причитается 12 мл. 850.738 десятин. 1925 год в отношении внутринадельного землеустройства, надо считать пока самым благоприятным годом: из 18.745.957 десятин землеустроенной площади на долю внутринадельного землеустройства приходится — 14.060.429 десятин, без землеустройства колхозов, городов, госимуществ, учреждений и предприятий. ¹⁾

¹⁾ При определении землеустроенной площади мы, главным образом, пользовались трудами авторов: А. Кириллов «Очерки Землеустройства», Э. Зайцев «Основные задачи землеустройства», А. Кин-

По районам землеустроительные работы за три года, (т. е. 1922 — 1924) — распределяются таким образом:

Наименование районов.	Всего десятин землеу-но	Распредѣл. землеустр. состава	Твердый штат зем- леустр. со- става на 1925 г.
1. Центрально-Промышленный	4.875.945	1.328	1.316
2. Центрально-Земледельческий	4.391.776	545	310
3. Средне и ниже Волжский	6.031.918	649	740
4. Вятско-Ветлужский	204.310	129	144
5. Северо-Западный	1.575.614	566	513
6. Северо-Восточный	689.839	191	177
7. Западный	1.675.473	427	421
8. Сибирь	9.005.390	548	570
9. Дальний Восток	718.760	?	?
10. Северный Кавказ	7.888.171	417	459
11. Уральская область.	2.390.793	296	315
Всего	38.448.779	5.098	5.165

По автономным республикам Союза землеустроительные работы обстоят так: Украинская ССР предполагает окончательно закончить дело землеустройства в 1931 году. За 1925 год было землеустроено 4.453.562 десятины и на долю внутринадельного землеустройства надо отности свыше 80% приводимой площади. Отпущено кредитов и ссуд населению — 1.919,5 тыс. рубл.

По БССР работы производились, главным образом, в уравнении норм землепользования. За 1925 год распределено 89.826 десятин, выделено 5.110 новых дворов и доведено до нормы надела — 16.364 двора. Площадь внутриселенного землеустройства равняется 182.186 десятин.

В ЭСФСР землеустроительные мероприятия сводились в ликвидации межнационального земельного неравенства. Планомерного характера работы не носили. 1924 год прошел в междуселенном землеустройстве и только в неотложных случаях выполнялись работы и внутриселенного характера. В 1925 году было выполнено всего лишь одна шестая часть всех необходимых работ. Все-же, намечено выполнение работ в период от 5 до 8 лет.

В Узд. ССР землеустроительные работы протекали в 4-х направлениях: а) подготовительные (выявление свободного фонда для населения безземельного и малоземельного. Выполнено — 182.171 десятина); б) заселяно в целях землеустройства — 11.663 десятины; в) произведена сплошная съемка земель, отошедших от Бухарской и Хорезмской республик, на площади

деев «Вопросы землеустройства», «Материалы к отчету за 1924-25 бюджетный год».

124.483 десятины; г) обследованы доходные статьи и пустоши (колониальный фонд) — 22,9 тыс. десятин. В Тур. ССР велись подготовительные работы (обследование аулов, учет земельных площадей, водных запасов) к проведению земельно-водной реформы, чтобы уничтожить отсталые формы землепользования и водопользования.

В частности, по Сибири — исключая Д.-В. край — землеустроительные работы производились исключительно за счет самого заинтересованного населения. Только в 1924 году была введена система кредитования и в 1925 году впервые произведен отпуск государственных средств на землеустройство бедняцкого населения (отпущено 8% стоимости произведенных работ). За 4 года (1922-1925) землеустроено 16% земель трудового пользования. Преобладающая форма землепользования — община (93,6%).

Таким образом, за время 1918-1925 г.г., землеустроенную площадь РСФСР можно считать немногим больше 36% всей площади сельско-хозяйственных угодий. К сожалению, это благополучие исключительно внешнего порядка.

Если мы подойдем к итогам землеустроительных работ с хозяйственной стороны земель трудового пользования и по существу, то на долю внутринадельного землеустройства, т. е., как раз самого важного и неотложного, едва ли придется и 10% всей сельско-хозяйственной площади республики. К. Киндеев («Вопросы землеустройства», 1925 г.), считает площадь внутринадельного землеустройства в 13 милл. десятин (искл. 1925 г.), около 6% всей сельско-хозяйственной площади, или 2% в году. Если же сделать оценку произведенным землеустроительным работам со стороны землеустройства, как агрикультурной проблемы, то и 6% Киндеевских наверное окажутся цифрой преувеличенной.

Конечно, с 2% в году землеустроительных работ далеко не уедешь. Темп слишком слабый, чтобы удовлетворить хотя бы 50% землеустроительных потребностей населения, абсолютный рост заявок которого в несколько раз превосходит таксой в до-революционный период, несмотря на то, что тогда землеустроительные работы производились за счет государства, а теперь население само несет все издержки. Поднятие темпа развития сельско-хозяйственных производительных сил в скором будущем ожидать не приходится.

По своей организационно-экономической сущности землеустройство далеко не проводится в интересах трудового крестьянства, вообще, тем более — бедняцких и середняцких слоев. По обследованиям Губ. РКИ, по фактически землеустроенной площади, размещение социальных групп получилось несколько иное, чем по заявленной площади. За 1923-24 г.г. вместе по

районам: центрально-промышленному, уральскому, средне-волжскому и сев.-кавказскому было:

% заявленной и исполненной площади	Средняки	Бедняки	Зажиточн
% заявленной площади	45,8	41,6	22,9
% исполненной площади	56,5	58,4	51,5
Превышение исполнения или наоборот (плюс или минус)	+ 0,7	+ 16,8	+ 28,6

Еще там, где были кредиты, бедняки и середняки идут впереди. Без материальной помощи со стороны государства, дела упоминаемых двух групп (основных) крестьянских совсем плохи. Свыше 90% всех отказов от землеустроительных работ исключительно по денежным мотивам падает на бедноту и середняка. Здесь особенно сильно сказывается то обстоятельство, что землеустроительные работы оплачиваются самим населением, будущее, главным образом, по интересам трудовой части русского крестьянства, больше всего нуждающегося в землеустройстве. Условия же кредита, предоставляемого государством на землеустройство, страшно невыгодны и тяжелы: кредит недостаточно долгосрочен (1-3 года) при 12% годовых. Не удивительно поэтому, что землеустройство местами носит характер выморочный, в особенности в районах, где сохранились формы подворного землепользования. Не редки случаи, когда «группа кулаков» — людей «при деньгах» — умело тормозят землеустроительные работы, если находят для себя это выгодным; не ждут очередей по 2-3 года, как другие слои крестьянские...

— Дело нанятое!

Наркомзем на помощь деревням не спешит. Часто сам, собранные с мест средства на цели землеустройства, расходует не по прямому назначению: в 1923/24 г., из 45.000 рубл., полученных с мест, по назначению было израсходовано всего лишь 26 тыс. рубл.; с первого октября по первое апреля 1925 г. из 26 тыс. 377 рублей израсходовано 2.100 рублей. (А. Киндеев).

В то время, как средний годовой расход по землеустройству в довоенное время выражался без малого в 16 милл. рублей, за два года (1923/1924 г.г.) при советской власти он немногим превышает 9 милл. рублей.

1) Бедняцкая группа — крестьяне, имеющие от 0 до 2-х голов крупного скота.

Средняцкая группа — крестьяне, имеющие от 3 до 5-ти голов крупного скота.

Зажиточные хозяйства — свыше 5 голов крупного рогатого скота.

а) по госбюджету	346.562 руб.
б) по местному бюджету	658.607 руб.
в) ссудного кредита	600.000 руб.
(50.031.150 рубл. за 9 лет до войны)	
г) от землеустр. населения	4.522.750 руб.
(61,4% причитающейся суммы).	
Всего	9.042.379 руб.

В среднем, годовая цифра довоенных ассигнований на ремонт геодезических инструментов равнялась 270.000 рубл., или 100%; теперь — 22.582 рубл., или 8,3% довоенной суммы. Это при невероятной изношенности инструментов, достигающей 80% и 100%. (После революции приобретено новых инструментов не больше 1%. А. Киндеев).

ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫЙ СОСТАВ по специальному образованию:¹⁾

КАТЕГОРИИ	Высшее	Среднее	Нисшее	Без образов.	Всего	Из них комму.
1) Администр.-техн. и участковый	13,6	40,0	21,3	25,1	100	7,1
2) Ревизоры и землем.-исполнит.	6,7	37,8	25,0	25,0	100	0,6

Значительный % состава землеустроителей (25%) без всякого образования. Если к ним отнести % с нисшим образованием, то получим: а) административно-технический и участковый персонал — 46,4%; б) ревизоры и землемеры исполнители — 55,5%, т. е. свыше 50% (в среднем) всего состава советских землеустроителей по одной технической подготовке можно считать не отвечающим своему назначению. Землемер же должен быть не только техником своего дела — он должен быть проводником всех агрикультурных начинаний в деревне — в широком смысле культурным работником крестьянским, чтобы помочь деревне разобраться в вопросах кооперации, сельскохозяйственного кредита и т. п.

Свыше 23% землеустроительной площади осталось вне всякого контроля. И, вообще, контролируются произведенные работы лишь со стороны техники, оставляя без внимания организационно-производственную сторону землеустройства. Это и не удивительно, так как на долю одного ревизора приходится до 30 землеустроителей, вместо 12 в довоенное время.

Только в области стоимости единицы землеустроенной пло-

¹⁾ Из общего количества землеустроителей в 1925 г. (5.098 ч.) было: с высшим образованием 5%, со средним — 40% и нисшим — 55%, («Материалы к отчету за 1924-25 бюджетный год»).

шадя (десятины) достигнуты положительные результаты (удешевление абсолютной стоимости одной десятины по сравнению со столыпинской на 20%. Но это удешевление, если не считать выгод от происшедшего сокращения технического аппарата, и что производительность труда землеустроителей лежит в их лихорадочной спешке — выработать максимум сдельной платы, основанной на количественном принципе — удешевление идет за счет качества работ, что влечет больше отрицательного, чем положительного. ¹⁾

И, действительно, из 36% землеустроительной площади не больше 6% падает на хозяйственное (внутринадельное) землеустройство. При этом, большей частью, участковые хозяйства (отруба и хутора) выделялись чисто механически, лишь бы выполнить формальную сторону Земельного Кодекса, кстати сказать, не предусматривающего для этого случая организационно-производственную проблему землеустройства.

И получилось, что 86,3% из общего количества выделенных отрубов, — мелких размеров; 56% хуторов — малоземельные, от 1 до 7 десятин на хозяйство, обреченные на нищенское существование, во многих отношениях худшее, чем до выхода. (А. Киндеев).

Есть губернии, которые достаточно сильно подвинули у себя дело землеустройства, но при этом не мало губерний и таких, где процент землеустроенной площади менее одного.

Первый Всероссийский Объединительный Съезд Землеустроителей и Мелиораторов не без основания итоги советского землеустройства оценил весьма и весьма низко.

— 60% землеустроительных сил, — как заявил на съезде проф. Н. Рудин, — растрчено даром.

Мери чорт влюбой, да махнул рукой!

Формы землепользования

Согласно Земельного Кодекса, выбор формы землепользования зависит от воли самого населения. — «Лишь те объединения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды которых ими проверены на практике, — говорил и Ленин на VIII съезде РКП.

И до сих пор, открытого, грубого принуждения в выборе

¹⁾ При переводе теперешнего рубля в довоенный, заработная плата совземлеустроительного персонала не составляет и 40% таковой до-военного времени и значительно ниже зарплаты совработников, занятых в промышленных отраслях. Весь состав землеустроителей теперь — 5.000 чел., вместо 7.000 до-военных (в среднем). В социальном отношении, по прежнему, преобладают крестьяне (больше половинным всего состава).

той или иной формы землепользования в советской землеустроительной практике не наблюдалось.

Все-же, поиски более рациональных форм сельского хозяйства сопровождаются нападками на некоторые формы землепользования и, в особенности, на общинные порядки. Рвение некоторых советских «землеустроителей» в этом отношении далеко превосходит «платонические» чувства Столыпина к его излюбленной форме землепользования — хутору: «по сколько защита общинных порядков во всех их явных и скрытых видах является отражением народнической идеологии — по столько с этим злом надо бороться». И больше того: «считать проект землеустройства неправильным, если он сохраняет общинно-передельный строй в выделенных объединениях». (К. Киндеев. «Вопросы землеустройства», 1925 г.).

А на местах?

Революция 1917 года привела к торжеству общинного права. Община остается господствующей формой землепользования по всей территории СССР, что признает и сам К. Киндеев. 96% всей сельско-хозяйственной площади республики (С. Розенблюм) подчинены общинному порядку. Создаваемые на местах новые поселки сохраняют общинный порядок землепользования. В практике земорганов наиболее рациональной формой землепользования, вслед за коллективной, считается община...

И это не спроста!

Старая землеустроительная практика в политику хуторского хозяйства внесла ряд существенных поправок. Хутор — одна из сложных, в землеустроительном отношении, хозяйственных операций. Переход к хуторскому хозяйству требует больших затрат труда и капитала, что долгое время не удастся компенсировать экономией труда от приближения земли даже в том случае, когда переход к хуторскому хозяйству во всех отношениях выгоден: достаточное количество земли (не менее трудовой нормы), не однородность земельных угодий, отсутствие необходимости раскорчевки, осушки, коренных удобрений и т. п., наличие в достаточном количестве воды, близость к культурному центру (школа, больница и т. д.), небезопасность (чисто физическая) и пр.

Приводим экономический расчет поселковой и хуторской формы землепользования, (Зайцев, «На аграрном фронте», кн. 4-ая, 1925 г.).

ТИП УСТРОЙСТВА	Средн. расход на 1 хоз.		того	Площадь хозяйства на десятин.	Расходы на одну десятину
	На перенос и возведен. построек	На приспособлен. уч. дороги, мо- сты и пр.			
1) Хутор	207 р. 61 к.	116 р. 71 к.	324 р. 32 к.	15	21 р. 62 к.
2) Поселок	148 р. 25 к.	73 р. 03 к.	201 р. 27 к.	19	10 р. 59 к.

Как видим, организационные расходы на десятину земли при образовании хуторского хозяйства в два раза больше такового-же расхода при поселковом типе, а абсолютная цифра расходов (324 р. 32 к.), не всякому крестьянину посылна.

Хутор в корне ломает, устанавливающуюся с годами, систему земельно-хозяйственного быта, что отражается на организации труда в первые годы жизни на хуторе.

Там, где система сельского хозяйствования требует оставления больших земельных массивов, хуторские участки, своим распадением, ослабляют производственную силу. Хуторское хозяйство препятствует приемам кооперирования, совместной обработке земли, общему посеву, уборке, обмолоту, чем, до некоторой степени, уменьшает мощь современного сельского хозяйства. Хуторской тип хозяйства, в социальном и культурном отношении, вносит нежелательные последствия: потерей социальных связей, ослабляет социальную силу крестьянства, деклассируя последнее. Наконец, хуторская форма землепользования отдалает момент коллективизации сельского хозяйства.

«Русский крестьянин, если и останавливался на хуторской и отрубной форме землепользования, то не из сознания их неоспоримой выгоды для себя, а скорее — за отсутствием в натуре других, более выгодных и приемлемых для него хозяйственных форм», — утверждает в своих выводах А. Кириллов, (Очерки землеустройства 1918-920 г.г.).

В процессе землеустроительных работ по уничтожению чрезполосицы и дальнеземелья, с переходом общинных поселков к многополью и широкополосице (до 20%), процент хуторских хозяйств резко понизился (с 13% до 3%), (Д. Зайцев, «Основные задачи землеустройства»).

Крестьянство с вековыми традициями общинного порядка землепользования скоро, «так просто», не расстанется. Необходимо поэтому приблизить его трудовые силы к земле, путем сведения земель к одним местам, создать из общины хозяйственный организм и поставить общину на высоту тех организационно-хозяйственных и земельно-правовых требований, которые диктуются современным развитием сельского хозяйства страны.

Хуторской тип хозяйства мы рассмотрели. Теперь затронем

вопросы землеустройства, связанные с расселением (выдел земли под поселки) и с урегулированием чрезполосицы, многополосицы, дальнотемелья в общине.

Расселение больших сел, слобод на поселки и выселки дает возможность почти целиком покончить с дальнотемельем, чрезполосицей и многополосицей, так как при этом не только возможно разделение всей земли на определенные участки, но, главным образом, возможно равномерное распределение сельскохозяйственной площади в отношении трудовых сил крестьянских, приближенном последних к земле и земли к хозяйственным центрам.

Само по себе расселение — фактор огромного значения и потому, связанные с ним землеустроительные работы, чрезвычайно сложные по операции, требуют наличия не одних только технических землеустроительных сил. Здесь приходится учитывать, помимо технической и правовой, сторону экономическую, агрикультурную. Надо установить рациональную форму землепользования, разбить общий участок и, в отдельности поля, на клинья, ввести новые формы севооборота, оборудовать дорожной сетью, обезпечить водой, урегулировать вопрос общего выпаса и т. д. Зачастую приходится производить коренные работы мелиоративного порядка; если отводимые под выселки участки заброшенные, что требует больших затрат средств и материалов.

При современных условиях, планомерные работы по расселению крупных селений русской деревне не по силам. Здесь недостаточно одного кредита, кооперативно-хозяйственной помощи, — необходимо, чтобы государство целиком приняло на себя все расходы, связанные с расселением, и было бы руководящим началом в широком смысле.

Пока же этого нет, выход на выселки возможен разве отдельным группам сильных хозяйств, могущих покрыть расходы по устройству хозяйств на новом месте, спесения старых и возведению новых построек.

Несвоевременно, поэтому, создавать новую «канонизацию», подобно Столыпинской реформе и советской землеустроительной политике, ибо долго еще община будет «царицей полей» — господствующей формой землепользования.

И это надо во-время признать и осознать, чтобы «не выдумывать» новых «излюбленных» форм землепользования, чуждых и непосильных деревне.

Надо поэтому, в первую очередь, взяться за благоустройство общины и по политическим и по экономическим соображениям, дать русской деревне такую форму землепользования, при которой она скорее всего достигла бы наивысшего производительного эффекта — усовершенствовать общину. Образцово поставленная община с широкопольем (многопольем) в смысле

производственного эффекта не уступает хорошо оборудованному хуторскому или отрубному хозяйству.

Но как этого можно достигнуть?

Земельно-хозяйственное преобразование общины допускает самые разнообразные формы и приемы. Основное — строгое сочетание землеустроительно-агрономических сил, направленных к упразднению чрезполосного землепользования и дальнотемелья путем прокладки хорошей дорожной сети, сверстки мелких полос в широкие, разбивки пашни на клинья нового севооборота, чтобы потом — перейти всем обществом к более культурным формам сельского хозяйства — к совершенным формам севооборотов.

В некоторых случаях работа будет весьма сложной; придется перестраивать заново всю пахотную площадь, вводить перегруппировку в составе угодий, расширять пашню за счет сокращения выгонов, суходольных сенокосов, выделять специально особую площадь для летнего выпаса скота, если надо будет, упразднить пасьбу по жнивью и т.п. Для этого агрикультурные планы по окультивированию общины должны быть строго увязаны с землеустройством, должны быть не только дополнением землеустроительного плана, а взаимно дополнять онди другое.

Агрикультурной помощи жаждет деревня, культурного землеустройства, а не голого дележа. И не высказывает поэтому «особых исканий» в области земельно-хозяйственного устройства, остается в общине и ждет молчаливо, пока «скорее и лучше» устроят на земле. . .

Я. Лозовой.

РАЗРЫВ АНГЛО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Большевицкая политика привела к опасной грани международное положение России, — писал Е. А. Сталинский в прошлой книжке нашего журнала. События не замедлили подтвердить эту оценку.

Разрывом англо-советских дипломатических сношений России нанесен первый тяжелый удар, отвести который она не могла при данном положении и ответить на который московское правительство может лишь бессильной бранью.

С обычным невероятным легкомыслием г. Микоян заявил, что Англия понесет гораздо большие убытки от разрыва торговых сношений, чем СССР, а г. Рыков величественно иронизировал над «надеждами Болдвина на возможность торговли с Россией после разрыва дипломатических сношений».

Достаточно взглянуть на официальные цифры, публикуемые «Экономической Жизнью» и «Торгово-Промышленной Газетой», чтобы понять кому нанесен удар.

Вывоз в Россию составлял по отношению ко всему английскому вывозу:

1913 г. — 4,4%	1924 г. — 1,2%
1925 г. — 2%	1926 г. — 1,6%

Ввоз из России составлял:

в 1913 г. — 5,2%	всего английского ввоза.
в 1923 г. — 0,8%	< <
в 1925 г. — 1,5%	< <

Потеря советского рынка нанесет, как видно из этих цифр, сравнительно незначительный ущерб английской внешней торговле.

Для СССР, наоборот, прекращение торговых сношений с Англией означает потерю самого крупного покупателя и поставщика.

Внешние торговые обороты СССР за первый семестр 1926-27 хозяйственного года распределяется следующим образом (в миллионах рублей):

Англия	160,9	Финляндия	14,3
Германия	142,4	Голландия	13,8
С. Штаты	49,3	Египет	13,8
Франция	42,2	Швеция	8,8
Латвия	31,4	Дания	8,2
Персия	29,1	Эстония	6,8
Италия	24,7	Бельгия	5,9
Польша	16,1	Чехословакия	5,7
Китай	15,8	Монголия	5,1

27 процентов всего русского вывоза направлялось до сих пор в Англию. К этому надо прибавить, что в Англии советские торговые организации страховали большинство своих грузов, которые к тому же перевозились в значительной своей части на английских судах.

Наконец, разрыв с Англией означает колоссальный удар по кредиту СССР. Это понимает, повидимому, г. Фрумкин, заявивший, что «как никак, Лондон и английские банки являются центром финансовых операций Европы» и что теперь придется «махнуть рукой на получение финансовых кредитов от западной Европы».

Большевики утешают себя тем, что конкуренты Англии немедленно займут ее место. Но утверждать это значит предполагать у англичан полное отсутствие элементарной предусмотрительности, а у кандидатов других стран необычайную доверчивость.

Независимо от того, удастся ли Чемберлену образовать «единый фронт» капиталистических держав, совершенно очевидно, что разрыв создает неустойчивое, чреватое опасностями и неожиданностями положение, которое заставит каждого европейского капиталиста относиться с еще большей осторожностью к самым лестным советским предложениям.

Бахвальство советских министров не может скрыть тяжести понесенного ими, а с ними и Россией, поражения. Не менее бессмысленна и сверх-революционная ругань, которой теперь советская печать и казенные «ячейки» осыпают «твердолобых» консерваторов и, разумеется, все социалистические рабочие партии Европы.

Когда консерваторы одержали победу на очередных парламентских выборах и пало рабочее правительство, советская печать не скрывала своего злорадства и выражала самодовольно глупую уверенность в том, что Москве будет гораздо легче сто-

вориться с «хозяином» Болдвинным, чем с его «прикащиком» Макдональдом.

Однако, первое лицо, к которому бросился за помощью г. Розенгольц после обыска в Аркосе, был Артур Гендерсон, секретарь Рабочей Партии, председатель Социалистического Интернационала, бывший министр внутренних дел, бесперечь трави́мый большевиками, как самый злостный социал-предатель и враг пролетариата.

А теперь снова, — хотя английская рабочая партия, вместе со всем Социалистическим Интернационалом осудила и обыск в Совет-Хоузе и изгнание советского представительства, — московская печать обвиняет социалистов в подготовке, совместно с Чемберленом, вооруженного нападения на СССР.

Оставим, однако, в стороне эту шаблонную и никем более в серьез не принимаемую за границей клевету. В Москве, конечно, ошибаются, думая нажать себе в европейской рабочей среде хотя бы грошевый капитал, взваливая на «социал-демократию» ответственность за случившееся.

Но не более производительны также и громы, низвергаемые Бухариным и Ко на презренного Чемберлена. Лондонский набег, последовавший вскоре после пекинской репетиции, воочию показал всему миру *внешне-политическую слабость* «самого могущественного в мире» правительства, единственной, по мнению «Известий» страны, где нет «министерской чехарды» и где хозяйство, в отличие от дрихляющего капитализма, яко бы, непрерывно «идет вверх». Никакими криками, никакими уличными демонстрациями не замазать этого факта. Чемберлен доказал, что советское правительство можно безнаказанно подвергнуть любому унижению, что его «мировой престиж» не стоит ломаного гроша и что хваленые «железные легионы» 3-го Интернационала в решительный момент оказываются армией «улиток», по выражению французской коммунистической оппозиции.

Благородным негодованием тут делу не поможешь. Не помогут и ссылки на то, что консервативный английский кабинет одновременно хотел ударить по английскому рабочему движению и что он, в конце концов, сломит себе голову в борьбе с английским пролетариатом.

Возвращение к власти Рабочей Партии несомненно, если не на ближайших, то на следующих выборах. Но от этого насколько не увеличится международная сила, влияние и престиж коммунистического московского правительства. Лишь в фантазии Бухарина английское рабочее движение является одной из «сколонн» ленинской «мировой революции».

Классовая и политическая борьба развивается в Англии, как и в других странах, своим путем, систематически опрокидывая все хитроумные выкладки московских революционных астроло-

гов. На берлинском совещании (в марте с. г.) пресловутого англо-русского комитета большевики вынуждены были полностью капитулировать перед британским «Генсоветом», для того, чтобы сохранить, как пишет «Труд», хотя бы «доступ» к английским рабочим. Заседавшее под председательством Хикса, резко осудившего денежную интервенцию большевиков во время всеобщей стачки, это совещание обязало большевиков не вмешиваться больше во внутренние дела английского рабочего движения и раз на всегда признать съезд трэд-юнионов и Генсовет (еще недавно обливавшиеся помоями во всех советских изданиях) *«единственными представителями и выразителями взглядов английского профессионального движения»*. Этим самым большевики подписались под осуждением так называемого «движения меньшинства» — и недавней политики Коминтерна и самого ВЦСПС. Подписали они, разумеется, согласно знаменитому рецепту Ленина *), советовавшего «идти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчание, сокрытие правды», ни на минуту не собираясь выполнять принятые на себя обязательства. Но это нисколько не ослабляет факта *поражения* большевиков, пытавшихся дискредитировать и свергнуть Генсовет, виновный, по их мнению, в *предательстве* углекопов и всего английского пролетариата.

Возвращение к власти Рабочей Партии приведет, разумеется, к восстановлению дипломатических и торговых сношений с Россией.

Но вся «гениальная» политика большевиков как бы направлена на то, чтобы помешать приходу к власти Рабочей Партии.

Известно, какую роль сыграло знаменитое «письмо Зиновьева» в поражении ее на выборах. Совершенно неважно, было ли это «письмо» поддельным или подлинным: в нем не было ничего, что не было бы сотни и тысячи раз напечатано в большевистских газетах и в манифестах Коминтерна.

Точно также и теперь: вопрос о том, нашла ли лондонская полиция украденный секретный документ в Аркосе или не на-

*) Любопытное разоблачение делает бюллетень левой оппозиции германской коммунистической партии. В своей речи в Политбюро ЦК (в прошлом году) Зиновьев так излагал историю привлечения англичан в Англо-Русский комитет: «Часть из них мы подкупили, взяли на службу. Я не был против того (Томский: неправда, ты говорил, что я не хорошо делал). Нет, ты сделал хорошо. Я не против того, чтобы мы, как пролетарское государство, подкупали «Таймсь» и не против того, чтобы мы в той или иной мере подкупали в отдельных случаях какого нибудь так называемого «рабочего вождя» из трэд-юнионов, если это полезно для рабочего класса». Напомним, что Зиновьев был в прошлом году сторонником отзыва большевиков из А. Р. К. и поэтому, естественно, не щадил своих английских «союзников».

шла, обнаружила ли там другие документы, компрометирующие большевиков, или нет, — сравнительно мало интересен. Попытки Коминтерна вмешиваться в английское рабочее движение с целью дезорганизовать его и навязать диктатуру 12 тысяч английских коммунистов, ни для кого сомнения не представляют. Заговорщическая тактика, образование нелегальных организаций, подготовка к вооруженным восстаниям, солдатским бунтам и т. д. официально рекомендуются Исполкомом Коминтерна, во главе которого стоят русские большевики, переносящие в страны со всеобщим избирательным правом и политической свободой методы нелегальной борьбы, выработанные при самодержавии.

Что касается Китая, то ни для кого не тайна, что тактика китайских коммунистов диктуется из Москвы.

Бухарин, например, совершенно откровенно (что с китайцами церемониться!) пояснил (см. «Правда» от 20 апр.), что китайская компартия является орудием азиатской политики СССР.

Хотя она насчитывает всего 30 тысяч членов на 400 миллионов населения, — говорит он, — но *«ее политический вес по-множается на то влияние, которое идет со стороны Коминтерна, со стороны нашей Коммунистической партии. Последнее обстоятельство объясняется тем, что каждый участник национально революционного фронта при всех своих комбинациях и расчетах видит за спиной компартии Китая поддержку Коминтерна и должен считаться с тем влиянием, которое СССР имеет на развитие мировых событий вообще и китайских в первую очередь»*.

Можно сомневаться в том, что большевикам удастся в какой либо мере повлиять на конечные результаты китайского национального движения. Мы думаем, что их ждет в Китае то же разочарование, которое им пришлось испытать в Турции и Персии.

Но для того, чтобы иметь доказательства вмешательства Москвы в китайские дела и именно во враждебном британской империи духе, английскому правительству незачем было прибегать к помощи сверлильной машины: достаточно было для этого развернуть номера «Правды». Любопытно, что как раз представители «умеренной» т. е. *правительственной* точки зрения, Бухарин и Сталин проводили во время дискуссии ту точку зрения, что, до поры до времени, все силы китайской революции должны быть направлены на военную борьбу с иностранными империалистами (т. е. с Англией, в первую очередь!), тогда как «экстремист» Радек «проповедывал, — по выражению Бухарина, — поражение».

Поэтому совершенно бесполезны и возмущение советской прессы и уверения, будто полиция сама подбросила в Аркос найденные там документы. Для агитации, для «подогревания»

масс это, пожалуй, еще годится, но как политический аргумент — не имеет ровно никакого значения.

Английский кабинет разрешил набег на Аркос и Торгпредство не столько для того, чтобы поймать большевиков с поличным, сколько для того, чтобы *нанести удар по престижу советского правительства в Азии, в форме наиболее для него унижительной и в момент наиболее благоприятный*, по его мнению, заранее зная, что большевики ничем, кроме бумажных протестов ответить не в состоянии. Возможно, что пропажа секретного военного документа играла при этом известную роль. Но ведь военный шпионаж практикуется не только советской Россией, и до сих пор аресты шпионов не бывали поводом для разрыва дипломатических сношений.

Главной причиной является, разумеется, назойливое, совершенно не соответствующее реальной силе, политическим и военным возможностям ВКП стремление большевиков захватить в свои руки руководство всеми движениями колониальных народов и навязать свои методы рабочему движению метрополии.

Вред, который они при этом приносят России, гораздо значительнее неприятностей, чинимых ими Англии. Но именно потому, что у них «па грош амуниции, а на рубль амбиции», Чемберлен и мог решиться на такой дерзкий шаг.

Скажут: не одни большевики вмешиваются в неофициальные во внутренние дела других стран, интригуют, устраивают заговоры и т. д.; достаточно взглянуть на Балканы, где все великие державы содержат политических деятелей, газеты, разбойничьи банды, где иностранная политика представляет собой сплошной клубок заговоров, подкупов и интриг.

Это, до известной степени, так. Но есть и существенная разница.

Во-первых, эта «балканская» или «азиатская» политика немислима в Европе, в отношениях между государствами, стоящими на более высокой ступени культурного развития. Между тем большевики пытаются в Германии, Франции и Англии действовать теми же методами.

Во-вторых, и в азиатских странах большевицкие методы отличаются 1) большей грубостью, топорностью, 2) крайней безответственностью и легкомыслием, 3) откровенностью выступлений, враждебных той или иной великой державе (главн. образом — Англии).

Если принять во внимание при этом, что по существу они сводятся к проповеди «революционной войны» против империалистов, к разжиганию ксенофобии и бунтарских настроений в забитых и отсталых массах, якобы способных (по мнению и Радека и Бухарина) произвести «социалистическую революцию», то станет понятно, что большевицкая «пропаганда» раздражает

значительную часть английского общественного мнения и дает Чемберлену повод для репрессалий.

Да и китайским националистам она тоже, повидимому, на доеда, если судить по расправе с коммунистами, учиненной Чан-Кай-Ши.

Нельзя безнаказанно бросать 10 лет подряд вызовы «мировому империализму», не имея сил для борьбы; более того, хлопота одновременно о займах, кредитах и «мирном сотрудничестве».

Если бы за эту бессмысленную политику расплачивались одни большевики, то было бы пол беды. К несчастью, за нее расплачивается Россия: на ее счет содержится колоссальная армия международных агитаторов (коммунистическая, мелко буржуазная челядь, по выражению Медведева); ее внутреннее развитие (главным образом, развитие крестьянства) задерживается в угоду периодически воскресающим фантастическим планам мировой революции; и все это для того, чтобы привести к ее новой хозяйственной и политической изоляции, к разрыву с трудом налаженных торговых сношений и к новому резкому ухудшению положения трудящихся масс.

Разумеется, Чемберлен ведет империалистическую политику. На то он и министр консервативного кабинета. Смешно возмущаться его антисоветским и антирусским маневрам. Он не обязан заботиться о русских интересах. Он защищает интересы Британской Империи.

Но большевицкая тактика, не будучи в состоянии «разложить» эту империю, лишь облегчает Чемберлену его работу по изоляции и ослаблению России.

Разрыв англо-советских дипломатических отношений грозит большими опасностями не только русскому народному хозяйству, но и международному миру.

Правда, уверения большевицкой печати, будто Англия готовится в близком будущем объявить войну СССР, являются очевидным преувеличением. Не говоря уже о том, что непосредственное военное столкновение между «китом и слоном», по знаменитому выражению Бисмарка, теперь почти так же мало вероятно, как и во времена самодержавия, ясно, что скольконибудь серьезная европейская война, при данной ситуации отнюдь не в интересах Великобритании. Кроме того, на десятый год существования правительства, которое собиралось «потрясти мир», Англия может одерживать над ним дипломатические победы, не выпуская ни одного выстрела. Она может позволить себе даже третиловать его, как какогонибудь африканского негритянского королька.

Но, тем не менее, разрыв создает чрезвычайно натянутую международную обстановку, в которой, естественно, начнется —

и уже началась — чреватая неожиданностями дипломатическая борьба.

Английские газеты уже сообщали о взрыве «англофильских» настроений в литовских правящих кругах. Литва является, как известно, одним из «невралгических» пунктов международной ситуации. У российских монархистов тоже пробудились надежды на скорый «поход», и, весьма вероятно, что убийство советского полпреда в Варшаве имело целью спровоцировать уже теперь польско-советский конфликт.

Чемберлен будет, конечно, теперь стремиться к созданию антисоветского блока, а Чичерин — противопоставлять ему другую комбинацию держав.

Все разумные, демократические элементы Европы — во главе с социалистической рабочей демократией — должны помешать возрождению этой политики враждующих коалиций. Эта задача не безнадежна. Прежде всего, оба министра неизбежно столкнутся с большими трудностями. Нельзя ожидать, чтобы какая либо из великих держав последовала примеру лондонского кабинета и порвала дипломатические сношения с Россией. Фашистская Италия уже дала совершенно ясно понять, что она не пойдет по этому пути за своей могущественной покровительницей. Еще менее для этого оснований у Франции.

Но и Чичерину придется скоро убедиться в том, что времена Радека — Вестарпа прошли в Германии и что немецкие монархисты, сторонники «советской ориентации», придя к власти, стали гораздо более осторожными, чем во времена рурской оккупации.

Орган графа Вестарпа «Крестовая Газета» писал по поводу англо-советского конфликта, что при настоящих условиях советское правительство не может рассчитывать найти себе союзников в Европе, что единственно возможная для Германии политика это — строжайший нейтралитет.

Не более благоприятна для большевиков точка зрения левых кругов. Московский корреспондент «Берлинер Тагеблатт», известный «советофил» г. Шеффер, пишет: «Незачем скрывать: причина полного опасностей конфликта находится не в Англии, и лишь Кремль может создать основу для его разрешения... «Советские люди» знали, какую высокую ставку они ставили...»*)

*) Статья была уже набрана, когда получились известия из Берлина, согласно которым г. Штреземанн заявил Чичерину, что момент для визита был им выбран неудачный и что германское правительство рекомендует Москве сугубую осторожность, умеренность и принятие мер для прекращения пропаганды в иностранных государствах.

Его вывод: абсолютный нейтралитет Германии и возможно скорейшее нахождение компромисса между Россией и Англией.

Но нельзя, конечно, поручиться, что крайние националистические круги Германии не подымут голову в случае осложнений на западных границах Германии.

В этой обстановке открытой вражды, попыток финансового бойкота, дипломатических интриг, России придется нести новые и новые жертвы, ибо, разумеется, каждая капиталистическая держава будет стремиться использовать положение для того, чтобы нажать на большевиков и вырвать у них максимум уступок.

По всем этим причинам все социалистические партии, во главе с Английской Рабочей Партией, самым резким образом осудили разрыв англо-советских отношений. Их задача теперь — противопоставить в каждой стране дипломатическим интригам и комбинациям твердую волю рабочего класса к мирному разрешению конфликта.

Нужно отметить, что не только английские социалисты, но и либералы и часть консерваторов относятся отрицательно к русской политике Чемберлена. Известный консервативный публицист Гарвин считает, например, что «ничего хорошего из разрыва получиться не может». По его мнению, Чемберлен имел полное формальное основание для разрыва, но «не всегда то, что дозволено — полезно». Опасности и неприятности создавшегося положения более серьезны, чем при сохранении дипломатических сношений. Было бы гораздо более благоразумным спокойно выжидать развития событий, тем более, что советское правительство только что потерпело серьезное поражение в Китае, а в Москве снова вспыхнули внутри-партийные раздоры.

Как ни тревожно создавшееся положение — особенно, если принять во внимание наличие в Европе другого «неприятельского» пункта на Балканах — война может быть избегнута.

Мы, русские социалисты, менее, чем кто либо, можем желать войны. Наша обязанность — указать русским рабочим и крестьянам на тот единственный путь, который может обеспечить нашей стране мирное развитие и нормальные, дружественные отношения с другими государствами.

Провокационная политика Коминтерна, «обезьянье» подражание худшим приемам империалистической и феодальной дипломатии, «детская двойная игра» грозных «мировых революционеров», выпрашивающих кредиты, — вся эта смесь наглости и бессилия может лишь плодить конфликты, вызывать раздражение и, вместе с тем, отталкивать от России ее естественную союзницу — трудовую рабочую демократию Европы.

Большевики до сих пор этого не понимают. Они до сих пор повидимому носят с надеждой на скорый захват власти коммунистами в Лондоне, Париже и Берлине. Иначе нельзя объяснить

новый взрыв неистовой клеветнической кампании против европейской «социал-демократии», которая является, однако, наиболее серьезной реальной силой, способной обеспечить сохранение мирных отношений с Россией, ибо на что, как не на возвращение к власти Мак Дональда и Гендерсона может рассчитывать Чичерин для ликвидации конфликта?

Идиотская внешняя политика большевиков является, однако, логическим следствием их внутренней политики, упорного цепляния диктаторов за неограниченную власть.

Ибо для того, чтобы от интриг, подкопов, комбинаций, пресловутой ленинской спекуляции на «империалистических противоречиях», перейти к честной демократической внешней политике, основанной на соблюдении некоторых «элементарных принципов морали и права»; для того, чтобы сотрудничать на этой почве с демократическими и социалистическими элементами Европы, нужно у себя дома отказаться от диктатуры и дать возможность свободного развития демократических общественных сил.

В. В. Сухомлинь.

P. S.

Московское правительство ответило на убийство Войкова расстрелом двадцати заложников, в число которых попал князь Павел Долгоруков, кадет «центральной» группы, человек, по свидетельству знавших его близко «левых» кадет (Р.Д.О.), не имевший ничего общего с черносотенными зубрами, группирующимися вокруг б. в. князя Николая Николаевича, Врангеля и Ко. Большевики решили, повидному, этими новыми убийствами поднять престиж своей власти, поколебленно пекинской и лондонской пощечинами. Они достигли обратных результатов. Вся европейская печать увидела в московских казнях признак *слабости* московского правительства и его *варварства*.

«Ни одно правительство в мире, — говорит венская социалистическая газета «Арбейтер Цейтунг» приведа постановление ГПУ, — не наказывает смертью подобные действия... Советское правительство возвращается к ужасным методам кровавого террора. Оно приказывает казнить людей, не потому, что они совершили преступления, а для того, чтобы отомстить за убийство русского посланника в Варшаве, к каковому казненные, естественно, не имели никакого отношения. Кровавый акт Чехи

есть возвращение к казням заложников, времен гражданской войны»...

Разрыв англо-советских отношений, — говорит газета, — прервал мирную эволюцию советской власти по направлению к более умеренной внешней и внутренней политике и вызвал новый рецидив террора.

«Форвертс», орган германской социал-демократии, пишет:

«Казненные не принимали участия в последних событиях, ибо они в это время сидели в тюрьме. При этом правильнее всего сказать, что 20 заключенных были расстреляны, как заложники в целях террора... По заявлению самого ГПУ, лишь трое из 20 казненных могли бы, в случае если бы их вина (шпионаж) была доказана, быть казнены и согласно европейским законам. Были ли они действительно виновны и были ли обстоятельства преступления таковы, что и за пределами России был бы возможен смертный приговор — установить невозможно... Но не имеет смысла рассматривать с юридической точки зрения московские казни. Они являются *политическим* мероприятием...

Московскими казнями и их обоснованием Россия сама объявила себя снова в состоянии гражданской войны.

При нормальном положении подобные массовые бессудные казни невозможны. Государство, прибегающее к ним без крайней необходимости не может быть иначе названо, как варварским.

Поэтому, если посмотреть на московские события с точки зрения наиболее благоприятной для русского правительства, приходится прийти к заключению, что Россия через десять лет после большевицкой революции все еще находится в состоянии гражданской войны.

Конечно, это находится в резком противоречии с неоднократными заявлениями русского правительства о консолидации положения в стране. Если бы это было верно, то московские расстрелы были бы бессмысленным бесчеловечием.

... Если отвлечься от чисто человеческих соображений, московские казни являются невероятной политической ошибкой... Это признак слабости и страха...

Во всем мире, за исключением незначительного меньшинства, которое одобряет все, что делает русское правительство, — раздается крик возмущения и ужаса. Вера в прогрессирующую консолидацию России получила сильный удар. Риск товарообмена и личных сношений с Россией кажется внезапно во много раз возросшим»...

Статья указывает также на то, что и при гражданской войне такие расстрелы гнусны, и что большевицкая правительственная система, теоретически преследующая цели обще-челове-

ского счастья, показала свою полную несостоятельность тем, что вынуждена до сих пор прибегать к массовым казням.

В заключение «Форвертс» напоминает, что требование социалистов всего мира является отмена смертной казни.

Орган французской социалистической партии «Ле Популяр» высказывается в том же духе и почти в тех же выражениях.

СЛАВЯНСКИЙ ОБЗОР

СЛОВАКИ И РОССИЯ ¹⁾

Словаки, несмотря на свой словацкий, славянский и славянофильский романтизм, очень скоро почувствовали, что «Славянская идея» — понятие весьма растяжимое и что в действительности необходимо опираться на конкретные ценности. Поэтому еще в начале 19-го века, после посещения нескольких русских профессоров (Бодянского, Срезневского, Прайса), они стали опираться на Россию, несмотря на то, что они ее не знали, ни она их. Те, кто мечтали о героическом Наполеоне, хорошо помнили, что после 1812 г. и московского поражения он сам пророчил России владычество над миром («*Ce grand peuple aura son grand siècle, que les nations de la terre doivent se céder successivement*» то самое владычество, которое предсказывал и Гердер. Среди приверженцев Штура были также популярны некоторые факты и слова из эпохи наполеоновских войн: Чичагов говорил о победе над Австрией при помощи австрийских славян; поляки обратились к Александру с призывом создать после падения Польши одну великую державу из всех славян; все это было способно вдохнуть славянам известные надежды на уничтожение немецко-мадьярского ига и побуждало к исканию родственных черт у русских. На словацкую молодежь неодолимо влияло и чтение русских книг, особенно Карамзина, Державина и Хомякова. Стихи Хомякова о полуночном славянском орле, бросающем взгляды на младших славянских братьев у Дуная, на Балканах, под Альпами и на пленных врагов, наполняли их

---

¹⁾ Перевод с разрешения автора, профессора и декана филологического факультета Братиславского университета, делается из его недавно вышедшей книги: «Словацкие своеобразности». (Slovenska svojnosť. Bratislava 1920 г. в. kl. Akadémia).

сердце восторженными надеждами. Интерес Погодина к Коллару, и понимание Бодянским и Срезневским народных словацких песен, и интерес к руссизмам в словацком языке, поистине электризовали их. В тридцатых годах С. Халупка весь отдался руссофильству, по его письмам А. Верховскому становится ясно, как охотно словаки завязывали сношения с Россией, насколько авторитетными были для них русские взгляды, особенно Бодянского, и какое сходство грамматическое и словесное находили они между своими наречиями и русским языком. (С. Р. XXXI, 378). Из писем, которые в 1842 г. И. И. Срезневский писал из Словакии своей матери (С. Р. XXXIII, 261; XIV, 114) — мы знаем, как словаки прямо боготворили Россию и как сам Гольц приветствовал русских с плачем и уверениями в всеобщей словацкой любви к царю и православию. Срезневский побратался с шутовцами, которые, главным образом, Носак, восхваляли его в стихах, и плакал над глубиной чувств словацких шогаев,²⁾ чувств, которыми они были преисполнены к нему, как представителю России. Срезневский пошел по всей Словакии, особенно в центре «русоманов», а среди подрастающей молодежи шутовских кружков и подражателей русской поэзии (Сладкович и Возар подражали Пушкину, Носак — Крылову). Россия была спасительным лозунгом Штура, который предсказывал ей великое будущее в Азии (Татранка, 1841 г.). Уже в 1841 г. Штур написал на своем экземпляре Татранки, выражающий его основной принцип, эпиграф: «*Nihil erit le nostro panslavismo, nisi Rossii muterum*» Правда, в скором времени он изменил ему ради энергичной работы на пользу Словакии, работы, которая в 1848 г. достигла вершины в восстании против Венгрии, а в 1849 г. в плане Великой Моравы, но разочарованный и в Вене и в Будапеште, в своем завещании он указал, в конце концов, словакам на Петербург (Славянство и мир будущего, 1867 г.); он был убежден вместе с русскими и польскими славянофилами, что западная Европа разлагается от желиберализма и антихристианской философии и что ее возрождение и возвращение к христианству возможно лишь при помощи славян. Несмотря на польские утопии, Штур верил, что это спасение принесут русские, единственно призванные к мировому владычеству. Если мы даже и не вполне верим тому, что Штур в своем посмертном произведении рекомендовал словакам православие,³⁾ а для лите-

²⁾ По словацки шогаем называется молодой человек, тоже, что парубок или хлопец по украински. (Примеч. переводчика).

³⁾ На тенденциозное приспособление текстов Штура прежде всего обратили внимание Гиллер, Мурко, Петровский и, главным образом, Г. Турцерова. (L. Stúr et l'idée de l'indépendance Slovaque).

Посмертное произведение Штура, изданное в 1867 г., сравнивал также и I. Прасек. (G. Stúr v názorech na Rusko, Průdy 1927 г. 79).

ратуры русский язык, и в переделке текста подозреваем славянофила профессора Ламанского, все же нельзя сомневаться, что разрешения славянского спора и защиты словаков в последние годы своей жизни Штур ждал только от России. И русские предавались подобным мечтаниям. Данилевский (Россия и Европа, 1870 г.), выступил за федерацию славянских народов во главе с Россией: Чехо-Мораво-Словакия, Сербия с Хорватией и Славонией должны были стать ее равноправными членами. А Будилович (в сборнике Герблера, 1873 г.) развивал мысль о необходимости русско-словацкого сближения, ибо он верил в будущую важную роль словаков под Карпатами и на Дунае в тех событиях, которые должны когда нибудь произойти. Пыпин и Спасович (История славянских литератур, 1872 г., II т.), выступили за объединение славянства под эгидой России. Еще Скотус Виатор в «The Future of Austria» и «Hungary and the attitude of the Great Powers» (1907), предсказывал, что после падения Австро-Венгрии словаки отойдут к России. Этот взгляд приняли и остальные приверженцы Штура и претворили его в символ своей веры и надежды. После смерти Штура И. М. Гурблан, оскорбленный Веней и Будапештом, писал 8-го мая 1856 г. своему тестю Юрковичу, что в будущем власть над земным шаром принадлежит лишь русским. В своем дневнике он писал в 1855-6 годах о боях между русскими и турками, причем он был на стороне первых и постоянно негодовал на австрийского императора и его вероломство. Ведь царь Николай сам возложил на его голову в 1849 г. корону, а теперь мы видим такую неблагодарность. Но подождем: «Немезида истории протрубит свой победный марш». М. М. Гожда в своем Верославине (С. Р. IV, 154; XIX, 612), прямо воспевал дифирамбы России: он восхвалял «вседержавную» Россию, молился за царя, припоминал ему божественную миссию — защищать христианство, сзывал все славянские народы под русские крылья и проклинал польское тщеславие, которое отгалкивает русских. Вместе с Хомяковым и Годжа верил, что славянство, во главе с Россией, станет обще-христианским отечеством. Даже католик А. Радлинский хотел издавать всеславянский журнал и просвещать русский и весь славянский народ. Свои «Сокровища проповеднического искусства» в 1852 г., он начал издавать и по русски и, как приложение к одному

Русская тенденция видна даже из этого, чисто текстуального, сравнения. Турцерово придерживается того мнения, что славянофилы влияли на тенденцию словаков отделиться от Чехии. Несмотря на возражения Францева Гавличку, который первый высказал это предположение, мнение Турцеровой кажется вполне справедливым. Интересно отметить, что под влиянием Ламанского, возросло и словацкое русофильство. Матица пользовалась печатью с русской надписью. Русские надписи давались на памятники, извещения о смерти и т. д.

из томов, дал, кроме иконы Кирилла и Мефодия, русскую грамматику и русский словарь, чтобы этим способом обучать читающую публику русскому языку. Краковский «Часъ» обратил на это внимание, но Радлинский ставил гораздо выше католицизма знание русского языка и путь к славянскому единению при его помощи. При первом собрании в Матице С. Халупка спросил проф. Ламанского, когда, наконец, вольются все славяне, а, следовательно, и словаки, в русское море. Викторин переписывался с русскими и объяснял им, кто такие словаки. Заборский (см. рукопись его Истории Венгрии в Пражском Национальном Музее, стр. 265), доказывал, что словаки и венгры были прежде православными и что целый ряд слов в венгерском языке доказывает еще и до сих пор их православное происхождение. П. Мудронь уже в 1867 г. на петербургском и московском съездах развивал славянский вопрос. А. Будилович проповедывал объединение славян при помощи руссификации языка; Сосинек (Сokol, V, 310) теоретически, а В. П. Тот практически восприняли этот его принцип. Сосинек хотел литературно присоединиться к России потому, что русский язык уже был мировым, а чешская литература только лишь собиралась стать мировой. Сосинский хотел писать как для словацкого народа, так и для интеллигенции, по русски. К. Г. Климович соглашался с Сосинским, но требовал, чтобы писали на чистом русском языке, без примеси местных идиомизмов. Идеалом славянофилов было привить славянам литературный русский язык и, если бы школа была в руках словаков, то они охотно бы этому поддались. Ф. Левстик проповедывал эту идею среди южных славян, а в Чехии пытался тоже делать, однако, с неудачей, И. Лего (Ум. Бес. 1912, — 188, 189). Славянофилы, благодаря Данилевскому, Будиловичу, Ламанскому и иным, скоро овладели Словакией. Когда в 1876-77 г.г. Ю. М. Гурбан рекомендовал возврат к литературному чешскому языку, то против него выступили славянофильски настроенные А. Пьетор и Францисти, утверждавшие, что если словацкий язык нельзя будет довести до степени великого языка и необходимо его комунибудь уступить, то пусть это будет народ с великой будущностью, т. е. братский народ русский! Пусть словаки возвращают науки на русском языке, а для простого народа пишут по словацки. (А. Пьетор Ю. М. Гурбану, 20-го апреля 1878 г.). Два года спустя Пьетор и Францисти были причиной того, что, несмотря на поддержку обоих Гурбанов, провалилась попытка Покорного ввести научный чешский язык в Словакию. В начале Ваянский был чехофилом и лишь позднее поддался славянофилам, вернее всего, благодаря влиянию Пьетора, Францисти и Ламанского. С Россией у него была интимная связь, начиная с юности. В 1867 г. его хотели взять в петербургский педагогический институт Ламанский и венский Раевский. Дочь

Гурбана Ольга была воспитана в институте и в России же вышла замуж. По просьбе Башкирова, начиная с 1897 г., Ваянский начал самостоятельно осведомлять русских о словаках. Он посылал Флоринскому всевозможные сведения и книги: Будиловичу и Тихомирову он писал еженедельно письма для «Московских Ведомостей». О словацком вопросе он переписывался с Францевым, Сиротининым и Заболотским. О русских вещах он писал в словацких газетах, начиная с 1880 г., за что его хвалил и Ю. Вильчек. Таким образом, вполне естественно, что Ваянский знал Россию, имел о ней достаточно сведений, но его точка зрения была односторонней, славянофильской, царской. Для него царь был воплощением всего народа, его целостности; тот, кто отрицал царя, отрицал для Ваянского и Россию и Славянство. Ваянский принял литературные и политические идеи славянофилов — он смотрел на Россию глазами Хомякова, Абсакова, Ламанского, Будиловича, Данилевского, Киреевского, и вместе с ними отвергал западничество, конституционализм и либерализм. Все это он проделывал с таким восторгом, что даже вписывал в книги свое преклонение перед царем и свое презрение ко всем, кто критиковал царское величие, особенно же это относилось к полякам. Ваянскому достаточно было прочесть в «Войне и Мире» в 1893 г. о «Святой Русской Земле», чтобы он за это в особой заметке «*bozkoval batusku*» Толстого. В стихотворении «Волны и Люди» Лермонтов написал за «солнцем русского царя», и Ваянский уже приписывает в честь царя «*Zivio*». «*Redutu Ordonovu*» Ваянский порицал за то, что в ней говорилось о *syn gniewniet* Мицкевича он поносил словами — «сын жидовки Маевской». «поэт грязи», «червь» и т. д. По сравнению с «Анной Карениной» Толстого «*Wahlverwandschaft*» Гете казались Ваянскому «ничтожной гнусностью».

В своем обожании всего русского Ваянский был абсолютно слеп; самое удивительное заключалось в том, что он преклонялся более всего перед Россией Победоносцева, Каткова и проф. Ламанского (М. Н. 1891 г., стр. 131 и дал.). Вполне понятно, что Ламанскому при его славянофильско-царистической идеологии не могли нравиться ни Врхлицкий, ни Масарик; об этой антипатии он даже написал Ваянскому. Конечно, для Ваянского это было поддержкой в его отгадывании от чехов, — уже с самого начала он не любил Врхлицкого из-за своего шутовского догматизма и косной правоверности. Что касается несогласия с Масариком, то позднее оно дошло до ненависти. Сталкивались два идеологических направления, старая и новая Европа, — отсюда страстность борьбы. Ваянский, точно так же, как и Паулины, охотно руссифицировал словацкий язык, особенно его фразеологию. На его художественных произведениях за-

метны следы упорного изучения, а иногда и подражания русской литературе. Не даром Ваянский перевел статьи Гоголя об особенностях русской поэзии (С. Р. П.) — он воспринял и перенес в Словакию особенности русской литературы. Петербургское Славянское Общество сознавало то значение, которое имел для России Гурбан Ваянский, а потому оно собиралось даже издать его произведения по русски. От самого возникновения новой России Ваянский страдал, с Думой он не был согласен, а Горькаго прямо ненавидел,—все, что могло быть опасным для царизма, было для него неприемлемо, так как, по его мнению, вредило самым основам России. Точно так же, как и Ваянский, смотрела на Россию и вся его группа, вся она стояла на стороне царской России. Приведу, как пример, Иосифа Шкульштету. Когда в 1885 г. он поехал с Ваянским в Россию, то сейчас же за Львовом, перед русской границей, его охватило торжественное, восторженное, «славянское» настроение. В Киеве, при Кирилло-Мефодиевских торжествах у памятника Владимира, его необычайно взволновали служба митрополита и военный парад. Ему льстило, что в театре его посадили рядом с генерал-губернатором. По примеру Штура, он думал об Австро-Венгрии, как о тюрьме, и о России, как о спасительнице. Он проявлял подобные же чувства еще и раньше, когда вместе с Ваянским шел у Перемышля «Вверх по Висле», причем при слове Россия выкрикивал «да здравствует», а о том, кого ненавидел «да погибнет». Он верил, что слова песни о «прекрасном молодце», который придет «на чудном белом коне с звонкой саблей в руках», когданибудь да исполнятся. В России ему больше всего нравилось, что царя зовут отцом народа, а подданных его детьми. В этом он видел отражение христианства и осуществление братства... Когда в 1892 г. Будилович издал книгу о всеславянском языке, причем для этой роли предлагал русский язык, у Шкульштеты не нашлось принципиальных возражений. Он признался, что в руссификации он видит спасение чехов и словаков от взаимного отчуждения и что охотнее стал бы русским, чем венгром. По этой же причине он соглашался и с Б. Ионовым, когда снова вернулся к плану Будиловича. Шкульштета буквально желал того, чтобы русские своей широкой грудью заслонили от венгерской заразы славянский язык, его характер и построение. Из этого проистекало руссофильство, как его лично, так и Ваянского. И для него Россия была полнейшим идеалом, он просто не замечал испорченности двора, бюрократии, духовенства, высших сословий. На него не имело никакого влияния ни то, что Гавличек уже ранее разглядел эти теневые стороны, ни что он высказал сомнения относительно русского славянофильства и всеславянства. Даже страх «перед царем», на который обращал внимание тот же Гавличек и который отмечал Толечек, считавший эту «систему» це-

ментом для разрозненной и несознательной России, даже это как бы для него не существовало. И Шкульштета был весь переполнен беспредельным удивлением, романтической верой, любовью и надеждой на Россию, — все это видно из его апофеоза Александру III.

Влияние русской литературы в Словакии было всегда более разительным, чем в Чехии. Сам Я. Вильчек был в молодости также, как и Маколей, Гетнер и Тэн, приверженцем системы Пыпина. Он преклонялся перед гениальностью ее всеохватывающей концепции, чисто человеческой точкой зрения, перед суждениями с птичьего полета, освобожденными от мелочной микрологии грубых явлений, перед обобщающей силой всеславянской идеи и беспредельной справедливостью ко всем и ко всему. На Иос. Подгальского идеологически влиял Толстой, на Носака — Крылов, на П. Беллу — Кольцов, на И. Иновского — Достоевский и Толстой, на Таевского — Писемский и Чехов, на Есенского — Пушкин; можно было бы еще значительно увеличить число русских влияний, ибо, в большинстве случаев, переводы с русского языка поощряли к подражанию и становились таким образом настоящей литературной школой для словаков. У словаков была еще живая и непосредственная связь с Россией через «шафронников»⁴⁾ и «oleyкоров» — в целом ряде семей мы находим бытовые подражания русской жизни. Благодаря Маковецкому, среди молодежи и народа сильно распространилось толстовство — ему противодействовали с католической стороны Я. Будаи (I. I. 1900), а с протестантской Я. Квачала (С. I. 1899). Словаки, за исключением Гласовцев и Придоховцев, благодаря Гурбану, привыкли к руссофильству, — это был лозунг за которым они скрывали свой страх и свои надежды. Эта Россия Гурбана была такой же мечтой, как и всеславянство.⁵⁾

4) «Шафронники» и «oleyнары» нечто вроде русских офеней, или людей, ходивших в извоз. Они торговали в России постным маслом и всякими специями. (Прим. переводчика.)

5) Это признали, и Таевский в своих «Русских картинках», и Есенский в сборнике «В плену». С благородным мужеством высказался по этому поводу сын Ваянского в 1918 г. по пути из Сибири в Америку: — «я был бы злейшим лицемером, если бы не признался, что с радостью уезжаю из этой страны, с которой были слиты наши самые страстные надежды. До тех пор, пока я не знал России, я был захвачен идеологией моего несчастного отца, который лишь в России видел наше спасение, в России не такой, какой она была в действительности, но такой, какой он хотел ее видеть. В этом то и заключалась трагедия несчастного Гурбана Ваянского. Судьба была к нему милостива и не дала ему дожить до нашего времени. Это было переоценкой силы масс и внешнего кажущегося могущества русского народа, одновременно это было недооценкой собственных, дремлющих сил народа». — (Маркович. Словаки и заграничная революция. Пам. отб. 1923 г.). Несмотря на это, В. Гурбан не отрекся, как и словаки, от любви к России. Недавно он в Пешове снова высказался за

За исключением нескольких профессоров, никто из представителей русской власти о Словакии не заботился, но словацкие руссофилы удовлетворялись уже самым существованием русского могущественного государственного строя и полагали, что в момент европейской катастрофы он спасет Словакию точно так же, как спас и освободил болгар и сербов. Для словацких руссофилов было безразлично, какой это был строй, для них была важна последняя защита. Если бы Ваянский сидел в Петербурге в феврале 1914 года на заседании под председательством царя, где разбирался европейский вопрос, то он наверное пришел бы в ужас от того, что для России не существовало ни чешского, ни словацкого вопроса. И все же катастрофа неожиданно приблизилась, русские пушки были слышны и в Словакии, утопия Ваянского была близка к осуществлению. Словакия чуть чуть не сделалась русской губернией. Дело бы велось в духе славянофилов и Словакию бы русифицировали. Судьба решила иначе, но до самого последнего момента, до самой русской катастрофы, словаки в «Чехословаке» и «Словенских Гласах» ждали спасения от России и от поражения немцев. Лишь после всего случившегося, они ясно осознали, что спасение в них самих, в чехах и словаках.

Нельзя легкомысленно относиться к вере словаков в Россию. Правда, она вела к фатализму, но в то же время она ярко светила на востоке разрозненным, мелким славянам. Правда, на этом убеждении был налет романтики и мечтаний, но ведь это все же была мечта о великой, возможной действительности, которую создаст однажды в Европе проснувшаяся сознательная масса русского народа. Словаки с детским наивным доверием смотрели в сторону России, но мадьяры хорошо знали, что будет значить этот взгляд, если вырастет ребенок или созреет культурно Россия. Для мадьяр это тяготение к России было столь же опасно, как и тяготение словаков к Чехии. Поэтому уже Калинин судили в Прешпорку за вредный для государства образ мыслей и, между прочим, за то, что он был в России и говорил о России. Поэтому Зай и Пульский создавали процессы и расследования, среди словацкого студенчества и духовенства, подозревая их в руссофильстве. Сами католики, во главе с Бизаем, в 1860 г. должны были защищаться от этих подозрений. Все эти подозрения проистекали из страха за существование Венгрии.

Россию (Н. Н. В. XI. 1925). Он держится того мнения, что у словацкой и русской души много общих черт, прежде всего, чистосердечия и славянское чувство, что, конечно, слишком общее и неясно. В последнее время отношения словаков и России много занимался и А. Прасек (ср. его статьи в «Прудах» 1924-25 г.г.). Словаки и Россия (7, 325.), Словацкие познания о России и их сношения УЩ. 1.) и Гурбан Ваянский и его взгляды на Россию (там же).

Весселенный (Своят 1840) и Пульский (Письма к Туцу) знали, что освобождение австрийских и венгерских славян означает конец Австрии и Венгрии. Отсюда все эти преследования, как предупредительная мера, отсюда же в 1849 г. и венгерский план перейти к России со всеми своими землями (А. Фатеев. С. П. XIII, 526), отсюда же вся газетная кампания против панславизма и панруссизма, имевшая в конце концов противоположный результат.

Вера словаков в Россию была гораздо сильнее, романтичнее и не критичнее, чем у чехов, она не контролировалась точным опытом и реализмом Гавличка, она была особым, характерным словацким явлением, которое отделяло их в течение трех поколений от чехов. Благодаря влиянию различных обстоятельств, эта вера сильно изменилась, уступила перед критикой и реальными воззрениями, но в этой новой форме она может иметь благотворное влияние и может указать и чехам путь к России, которая лишь в будущем станет истинным и реальным лозунгом славянства, так как ее миссия лишь наступает.

Проф. А. Пражак.

---

6) Рост словацкого коммунизма московского типа, любовь словацкой молодежи к Ленину и Троцкому, все это ни что иное, как новое словацкое русофильство, измененная вера отцов и дедов, которая у сыновей и внуков была переведена на более современный язык. Как можно было заметить по заявлениям Шкультера (11. 11. 1921 г. при торжествах в честь Достоевского в Братиславе), деды и отцы до известной степени страдают от нее, но сыновья и внуки твердо на нее опираются и ждут от новой России того же спасения мира, какого раньше ожидали от царской и самодержавной России пирверженцы Штура и Ваянского. Таким образом, словацкое движение в сторону России еще не завершено и не окончено, оно ожило и будет жить. В наше время снова мечтают, хотя и на основании абсолютно противоположных предпосылок.

BOHEMICA и ROSSICA В ПОЛЬСКИХ ЖУРНАЛАХ ЗА 1926 ГОД

БОГЕМИКА.

В польском лингвистическом журнале «Prace filologiczne» Т. X Warszawa. 1926 вышла статья проф. Выдры, посвященная диалектологическим работам в чешской филологии. Исторический журнал *Kwartalnik historyczny. Organ polskiego towarzystwa historycznego R. XL.S. I. Lwów. 1926* поместил две большие рецензии проф. А. Брюкнера на следующие чешские работы: Niederle, u Chaloupecky, *Staré Slovensko. Slovanské starožitnosti*.

Из литературных польских журналов надо отметить еженедельную газету «*Wiadomości literackie*» живо откликающуюся на все крупные явления в польской и мировой литературной и художественной жизни. Много внимания газета уделяет, между прочим, театру, кинематографу и музыке. Газета прекрасно иллюстрирована. Отмечу более или менее крупные статьи, посвященные чешской литературе.

В № 6 — помещена статья «У чешского переводчика С. Жеромского Вондрачка». К статье приложен портрет Вондрачка.

В № 10 — большая статья О. Пика «*Galerja współczesnej literatury czeskiej*» Автор с большой похвалой отзываясь о чешской литературе. К статье приложены портреты Масарика и Шрамка и карикатуры на Лангера и Шальду.

В № 17 — рецензия о постановке в «*Teatr Mały*» пьесы Лангера «*Velblond uchem jchly*».

В № 30 помещена статья К. Sidor'a, Словацкая литература. Sidor останавливается на книге Влчка «История словацкой литературы». Из словацких писателей отмечены Гвездослав, Ваянский и Кукучин. Далее Сидор вкратце знакомит польских читателей с послереволюционными словацкими журналами *Slovenské Pohľady*», «*Vatra*», «*Dav*», «*Rozvoj*», «*Novy Rod*».

В № 34 — рецензия на перевод К. Чапка «Кракатит». Рецензия снабжена карикатурой на К. Чапка Гофмейстера.

В № 37, под заголовком «Деятельная пропаганда Магра» приводится интервью с редактором отдела культурной хроники газеты *Prag t Presse* Магра. Помещен портрет Магра.

В № 48 W. Czornowski поместил большую статью «Чехи и польская литература». Чосновский отмечает, что польская беллетристика: поэзия, повести, драмы, как в Чехии, так и в Словакии нашла значительно больше читателей и исследователей, чем чешская литература в Польше. Так, в Чехословакии громадной популярностью пользуется Г. Сенкевич. А что вышло в польском переводе из произведений чешского Сенкевича — Ираска? — спрашивает автор статьи. Далее автор статьи указывает на большую популярность в Чехословакии С. Жеромского и на интерес, который проявляет к польским драматургам пражский «Национальный театр» в репертуар которого включена пьеса А. Слонимского *Wieża Babel*. В конце статьи Чосновский с резкой критикой обрушивается на статью Дресслера «Послевоенный тип польской культуры», помещенную в словацком ежемесячнике *Prady*. Эта критика вызвала ответ Дресслера в № 52 того же журнала.

РОССИКА.

В *Prace filologiczne* Т. X. 1926. появились две статьи, посвященные восточно-славянским языкам: В. Поржезинский — «Так называемые ляхские элементы в восточно-славянских языках» и Янов «Из малорусского склонения». Кроме того в этом же номере были помещены польские статьи проф. Дурного и проф. Ильинского.

В этнографическом журнале «Lud» Serja II. T. IV. S. I - II. *Ogólnego Zbiogu*. T. XXIV помещена большая статья Голомбека «*Dziady*»

Первая часть статьи посвящена обследованию народного белорусского обряда «дзяды», вторая — определяет связь произведения Мицкевича «*Dziady*» с белорусским обрядом того же наименования.

В журнале *Kwartelnik historyczny* R. XV S. 2. 1926, была помещена статья *Czołowskiego Kudak. Przyczynki do założenia i upadku twierdzy* Статья представляет интерес для истории Запорожья. К статье приложены две старинные карты (одна Боплана 1639 г.).

В том же номере журнала помещена рецензия на французскую работу *Leib Bernard. Rome, Kiev et Byzance à la fin du XI siècle. Paris 1924*

С 1926 года стал выходить под редакцией проф. Губрановича ежемесячный журнал 10 номеров в год, посвященный вопросам литературы *Ruch literacki* Журнал уделяет большое внимание библиографии по вопросам истории польской и мировой литературы. Среди других приводятся и работы о русской литературе, как на русском, так и на иностранных языках. Кроме того, в № 7 были помещены рецензии на книги: Горбачева «Социальные корни произведений Достоевского» и Bittner'a «*Faustsage im russischen Schrifttum. 1923. Reichenberg.*

Особенно много внимания русской культурной жизни уделяла

уже упомянутая мною еженедельная газета «*Wiadomości literackie*» Начнем с обзора статей по русской литературе. Из русских писателей и поэтов больше всего статей и заметок было в 1926 году посвящено Есенину.

В № 3 была помещена восторженная статья В. Броневского о творчестве Есенина. В конце приведены в переводе Броневского два стихотворения Есенина. К статье приложена фотография Есенина с А. Дункан. Отмечу, что Броневским был переведен в № № 37, 42 и 43 журнала «*Skamandr*» «Пугачев» Есенина, который по мнению Броневского является одним из величайших творений русской поэзии.

В № 33 помещена подробная рецензия на перевод «Пугачева», сделанный Броневским. Рецензент указывает, что трудно было бы найти лучшего переводчика для поэмы Есенина, чем Броневский. К рецензии приложен фотография Есенина, снятого в гробу.

В № 17 помещена автобиография Есенина, написанная им в 1923 году. Автобиография снабжена небольшим введением.

Кроме того небольшие заметки о Есенине помещены в № 37 и 50.

Много внимания уделил журнал Эренбургу. Так, в № 11 помещена большая рецензия о «Рваче» с портретом Эренбурга.

В № 13 помещена рецензия на польский перевод романа Эренбурга «Жизнь и смерть Н. Курбова» и карриатура на Эренбурга, сделанная Гофмейстером.

В № 38 были помещены небольшие заметки с приложением портретов писателей об Андрее Соболе, Б. Пильняке и В. Брюсове.

В № 16 заметка о повести М. Горького «Дело Артамоновых».

В № 20 рецензия на перевод книги Д. Мережковского «Рождение богов» с портретом Мережковского. Ответ на эту рецензию в № № 28 и 29.

В № 27 помещена статья Эттингера об А. Блоке. (Портрет Блока — резьба по дереву работы Дмитриевского).

№ № 28-29 — статья Эттингера «Русские писатели польского происхождения». Грим, Вересаев.

В № 31 — статья «Бальмонт и Польша». С портретом Бальмонта.

В № 40 — «Русская — еврейская поэтесса». Биография Елишевой.

В журнале был помещен целый ряд статей и заметок о русском театре.

В № рецензия на постановку в театре им. Богуславского «Ревизора».

В № 8 помещен перевод «Две Жанны». К статье приложены фотографии артисток в роли Жанны д-Арк. Между ними Коонен — Москва и Досталова — Прага.

В № 11 — рецензия о постановке в «*Teatr Wielki*» оперы Мусоргского «Борис Годунов».

В № 18 помещена большая статья о театре и кино «наших восточных соседей», со следующими подотделами: 1. Массовая театрализация жизни. 2. М. Х. Т. «Виринея». 3. Мейерхольд, с портретом

Мейерхольд. 4. «Рычи, Китай». 5. Исторические пьесы: «Азеф» и «Декабристы». 6. Кино и 7. «Синяя блуза».

В № 20 отчет о балете Стравинского «Петрушка», поставленном в «Teatr Wielki»

В № 26 в отделе литературы и цензуры помещена историческая справка о запрещении «Власти тьмы» Толстого. В том же номере помещен портрет Шалапина.

В № 52 — рецензия на постановку пьесы Мережковского «Павел I» в «Teatr Polski» К рецензии приложена карикатура на Мережковского, сделанная Ремизовым.

ЖИВОПИСЬ.

В № 34 того же журнала воспроизведены картины крупнейших современных русских художников, в том числе несколько картин Шагала.

ФИЛОСОФИЯ.

В № 9 помещена статья «Новое средневековье», посвященная разбору работ М. Бердяева «Новое средневековье», «Размышление о русской революции» и «Демократия, социализм и теократия».

ИСТОРИЯ.

В № 3 помещена рецензия на статью «А. Мицкевич в изгнании в Одессе», напечатанную в русском журнале «Былое».

В № 31 помещена богато иллюстрированная большая статья «Декабрист Одоевский и Польша».

В № 32 — статья «Декабристы на сцене и на экране». Там же помещена карикатура на А. Толстого и Щеглова.

В № 13 — статья Гемпеля «Два московских музея Толстого и Ленина». В статье отмечается значение Толстого и Ленина.

Против этой статьи в № 16 в защиту Толстого и против Ленина было помещено письмо в редакцию.

В № № 35-36 в отделе «Цензура и литература» отведено несколько строк советской цензуре.

В журнале *Skamadr* в котором, как я уже упоминала помещен перевод «Пугачева» Есенина, в № № 46-47 помещен перевод двух отрывков из «Слова о полку Игорева», сделанный Тувимом.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА СОЦИАЛИСТОВ В АВСТРИИ

1. ПРЕДВЫБОРНАЯ БОРЬБА

Предвыборная борьба, которая в течении двух месяцев велась в Австрии с небывалой интенсивностью, неоднократно характеризовалась прессой, как «американская». И на самом деле, социал-демократы своей избирательной кампанией показали, что они научились в Америке ставить работу в большом масштабе, в то время, как буржуазия, об'единенная под знаменем «единого списка» научилась лишь там действовать бессовестно.

Социал-демократы распространили громадное количество брошюр, листовок, афиш. В кинематографах шли данные ими политические фильмы, специально для этой цели составленные. Они даже построили свой собственный кинематограф под открытым небом, где десятки тысяч венцев могли бесплатно смотреть эти фильмы. Социал-демократы широко использовали также световую рекламу, чтобы при ее помощи сильнее запечатлеть в умах избирателей свои выборные лозунги.

Не трудно понять, что такой способ пропаганды был абсолютно необходим, если принять во внимание, что партийная пресса, хотя и сильно распространенная, обслуживает все же только часть населения.

Так, например, центральный орган партий «Arbeiter - Zeitung» имеет тираж, превышающий 100.000 экземпляров, и приблизительно в таком же количестве печатается «Das Kleine Blatt», маленькая ежедневная газета, выходящая в период избирательной кампании и имеющая целью преподать в гомеопатических дозах социалистические идеи политически индифферентным слоям. Между тем общее число одних избирателей Вены превышает в три раза цифру соединенного тиража обеих на-

званных газет. В действительности, в одной Вене социал-демократия собрала 24 апреля 499.099 голосов. Задача заключалась поэтому в том, чтобы при помощи интенсивной пропаганды ознакомить политическо-индифферентные слои с теми основными вопросами, вокруг которых велась борьба.

Война и наступивший вслед за ней период обезценения денег, сопряженные с периодом монетной стабилизации, неоднократно и глубоко расстраивали хозяйственную жизнь Австрии. Все торговые операции принимали тогда характер спекуляции, что, естественно, должно было вызывать определенно упадочные явления.

В частности, рабочие кооперативы и их экономические предприятия подвергались в ту эпоху величайшей опасности. Ошибки делались довольно часто, то в одном, то в другом из этих предприятий. Тут строили Народный Дом, там кооперативную булочную, и при этом теряли представление о пределах возможного.

Такого рода ошибки бьют больно по самому рабочему классу. Буржуазные партии, конечно, не преминули в своей пропаганде использовать огромно их преувеличивая, все мелкие ошибки указанного характера, которые им удалось открыть в рабочих организациях.

С своей стороны социал-демократы разоблачали перед страной факты, установленные парламентской следственной комиссией, пролившей свет на банковские скандалы буржуазного единого фронта (в этих скандальных махинациях христианские социалисты и пангерманцы образовали, действительно, единый фронт).

Таким образом избирательная кампания раньше всего имела влияние очищающей грозы. Она разоблачила все без исключения грехи, содеянные в Австрии в период экономической неустойчивости. Теперь, когда борьба уже кончилась, всякий способный к объективному суждению, должен констатировать с удивлением насколько все-таки малы и редки были ошибки, совершенные в этот тяжелый период рабочим классом в его экономических предприятиях и, наоборот, насколько велики были циническая нерасчетливость и подлинная коррупция буржуазии в ее банках и даже в государственных финансовых учреждениях, которые она администрировала.

Еще за несколько месяцев до объявления новых выборов все дальновидные люди ясно отдавали себе в этом отчет. Вот почему буржуазные партии сочли своевременным организовать наступательную кампанию в огромном масштабе, чтобы, обвиняя других, оправдать себя. Для своих целей они прибегли к услугам отбросов общества. Они снабдили суб'ектов, осужденных судебными приговорами, нужными суммами, чтобы систематически, неделя за неделей, распространять в специально со-

зданных грязных листках ложь и абсурдную клевету против социал-демократов, особенно против главных ее деятелей.

Конечно, социал-демократы люди и всегда можно открыть и у них человеческие слабости. Но после этой систематической и бессовестной кампании буржуазных партий и ее наемников, всякий, кто серьезно ее изучит, должен будет признать, что редко клеветнический поход кончался таким полным фиаско.

Буржуазия оказалась вынужденной отделаться от ряда пресловутых личностей, работавших на нее. Должны были сместить одного начальника провинции; один бывший министр финансов счет за благо переселиться на Кубу, — несколько видных представителей духовенства не смогли выставить снова свои кандидатуры в парламент, потому, что помимо ужасающего беспорядка царившего в учреждениях, которыми они ведали, были обнаружены еще и неоспоримые факты коррупции, ради личного обогащения.

Между тем, вожаки социал-демократии, несмотря на увеличительное стекло критики, делающей из мухи слона, полностью сохранили свою честную репутацию. Более, чем когда либо можно было отдать себе отчет в том, какую огромную роль личная преданность играет в борьбе за дело рабочего класса.

То, что осталось от «обвинений», выдвинутых против него частью настолько ничтожно, частью же настолько смешно, что в других странах наверно не поняли бы даже, что можно серьезно говорить о таких вещах.

Что муниципальные советники пользуются своими казенными автомобилями, что тот или другой социалистический депутат сумел к старости накопить сбережений для покупки дома, каким в Лондоне владеет всякий рабочий, что жена бургомистра Вена продолжает занимать попрежнему должность учительницы, — вот какого сорта обвинения были выдвинуты против социал-демократии.

Тем не менее, нельзя не признать, что расчеты буржуазных партий все-таки были правильны. Они знали, что простой человек из народа легче прощает буржуа самые чудовищные проступки, чем социалисту малейшее уклонение от безукоризненного поведения.

В буржуазных кругах никого не удивляет, что капиталисты управляют своими банками, своими предприятиями и руководят своей политикой, движимые исключительно целью нажиться; никто не поражается также, что они ради этой цели прибегают к преступным средствам.

И точно также, как кажется естественной коррупция буржуазии, точно также кажется вполне естественным требование от представителей социал-демократии абсолютной безупречности намерений.

Вот почему, план правительственных партий, противопо-

ставить фактам чудовишной коррупции буржуазии гигантскую кампанию клеветы против социал-демократии, несомненно вызвал в политически индифферентных слоях, смещение понятий и неуверенность. И, таким образом, хотя во время избирательной кампании так много говорили о коррупции, весь этот вопрос не оказал решающего влияния на результаты выборов. Конечный результат борьбы определился не коррупцией буржуазии, но ее «честными» эксплуататорскими намерениями.

Как при выборах 1923 года, центральная проблема борьбы заключалась в том, получат ли домовладельцы снова право выселять своих квартиронанимателей и будет ли уничтожена защита последних законом.

Из полутора миллионов мужчин и женщин, отдавших 24 апреля свои голоса социал-демократии, к сожалению, не все являются уже сформировавшимися сознательными социал-демократами. Но задача избирательной борьбы сводилась к тому, чтобы пробудить в них сознание противоречия экономического интереса их существования с системой частной собственности.

Упразднение законов, защищающих квартиронанимателей, требование, которое более или менее открыто поддерживалось правительственными партиями, привело бы к сильному усугублению народной нужды в Австрии, потому что соответствующее повышение заработной платы оказалось бы невозможным при нынешнем состоянии экономического рынка. К тому же оно не разрешило бы вопроса в виду наличия большого количества безработных.

Женщина самая индифферентная в политике, подавая свой голос, прекрасно понимала, что будет означать даже частичное восстановление прежнего положения в квартирном вопросе, и она голосовала за ту партию, которая энергично защищает интересы квартиронанимателей и ищет разрешения связанных с этим вопросом проблем, решительно добиваясь муниципализации жилищных зданий в городах.

2. РЕЗУЛЬТАТЫ

Борьба велась на двух фронтах. С одной стороны, и особенно, борьба за господство в Вене. Социал-демократы, которые обладают большинством двух третей в венском муниципалитете, здесь занимали оборонительную позицию. Буржуазия направила свои атаки против «системы Брейтнера», строящей городской бюджет, главным образом, на налогах, которыми облагается роскошь богачей. Налоги, каковы бы они ни были — никогда не бывают популярными и буржуазия питала надежду, если не свергнуть вовсе, то, по крайней мере, ослабить значи-

тельно могущество социал-демократии в Вене, борясь против введенной ею фискальной системы.

Результат этой кампании, которая велась при помощи всех воровских средств, был тот, что докладчик по финансовым делам венской коммуны, Брейтнер, является сейчас бесспорно самым популярным человеком Вены.

На другом фронте борьба шла за господство в Австрии. Здесь буржуазные партии держались оборонительно, в то время, как социал-демократия вела наступление. Завоевание Австрии, с ее в большей своей части земледельческим населением, является крупнейшей задачей, стоящей перед социал-демократией.

Никто никогда не умалял трудностей, на которые наталкиваются усилия в этом направлении. В 1923 году социал-демократам, собравшим 1.311.870 голосов, не хватало еще большого количества голосов, т. е. 363.000, чтобы объединить вокруг своего знамени половину избирательного корпуса.

Результаты выборов 1924 г. показали, что такая цель не является утопией. Социал-демократия увеличила на этот раз общее число голосов на 224.437 голосов. В настоящее время в Австрии насчитывается более полутора миллиона социал-демократических избирателей. Предварительный итог определяется цифрой в 1.536.367 голосов.

Этот успех необычайно велик, но нужно отдать себе, однако, отчет в том, что он не так велик, как это рисуется абсолютными цифрами.

С 1923 года общее число избирателей в Австрии значительно увеличилось — молодые поколения, которые во время войны не были еще достаточно зрелы, чтобы подвергнуться истреблению на фронте, достигли возрастного избирательного ценза — явления, имеющее место также в ряде других стран. И таким образом социал-демократия стоит перед задачей не только сделать хороших социалистов из старых избирателей, но завоевать социализму и поколение новых избирателей.

Две цифры достаточно иллюстрируют достигнутые в этом отношении результаты. В Вене социал-демократия увеличила количество своих голосов в той же пропорции, в какой возросло число избирателей. Она выиграла в Вене 122.635 голосов, в то время, как общее число избирателей столицы увеличилось на 121.332.

Но, так как естественно значительный процент этого увеличения пришелся на долю буржуазных партий, то нужно заключить, что основная проблема — приблизиться к большинству в Австрии — была разрешена успешно. На выборах 1923 г. социал-демократам не хватало 363.559 голосов, чтобы достичь абсолютного большинства. На выборах 1927 г. социал-демокра-

тия приблизилась на 100 тысяч голосов к абсолютному большинству и ей не хватает уже только 264.417 голосов.

Потерпев неудачу в своем стремлении ослабить позиции социал-демократии в Вене, буржуазные партии утешают себя тем, что она не имеет еще большинства в Австрии. Но всякий кто знает распределение классовых сил в Австрии сумеет оценить истинное значение этих ста тысяч голосов, приближающих австрийскую социал-демократию к абсолютному большинству. Он их оценит, как исключительный успех и залог победы в будущем.

При наличии избирательного закона, основанного на пропорциональной системе, эволюция не может совершаться скачками. Вместо 68 социал-демократических депутатов в национальном совете, там их будет теперь 71. Буржуазия все еще обладает бесспорным большинством, хотя правительственные партии и потеряли больше, чем выиграли социал-демократы, ибо 4 мандата у них было отвоено крестьянской оппозиционной партией «Ландбунд».

Хотя победа социал-демократии выражается только в выигрыше трех мандатов, но тем не менее, общие ее позиции усилены гораздо значительнее.

Так, в 1923 г. лишь 58 мандатов были завоеваны в первом туре выборов, а остальные десять — при втором распределении мест. Теперь же целых 67 мандатов были завоеваны в первом туре и только четыре во втором.

Кром того, чтобы оценить истинные размеры социал-демократической победы, нужно еще принять во внимание, что на этот раз противники ее об'единились между собой и выступали единым фронтом.

Если бы в 1923 г. существовал бы «единый список» всех буржуазных партий, социал-демократы получили бы тогда только 64 мандата, а не 68. Истинный выигрыш выражается, таким образом, не только в трех новых, завоеванных мандатах, но и в сохранении четырех мандатов, которые были поставлены под угрозу образованием единого буржуазного фронта.

Наибольшие потери понесла на выборах партия христианских социалистов, вождь которой, государственный канцлер Зейпель придумал и пропагандировал идею «единого списка». Количество мандатов этой партии уменьшилось с 82 до 74, — ее численный перевес над социал-демократическим представительством, который раньше выражался в 14 мандатах, теперь составляет лишь три мандата. «Единый фронт» принес пользу лишь пангерманцам, которые, в случае самостоятельного выступления, были бы обречены на верный разгром. Но им удалось выторговать у христианских социалистов выгодные места в списках кандидатов. И благодаря этому, они не только сохранили свои десять мандатов, но еще получили, при втором рас-

пределении мест оставшийся мандат в Вене, который вынуждены были им уступить, чтобы не допустить провала одного из их вождей, бывшего министра, доктора Вабера, ныне занимающего пост третьего президента Национального Совета. Кроме того, христианские социалисты потеряли один мандат, который они должны были отдать пангерманцам, три мандата выигранных социал-демократами и 4 мандата перешедших к «Ландбунду», представительство которого возросло с 5 до 9 депутатов. Партии до сих пор стоящие у власти, которые выступали с единым списком, сохранили лишь 85 депутатских мест из своих прежних 92-х. Их большинство в Национальном Совете, составившее 19 голосов, сократилось до пяти голосов.

Из этого положения доктор Зейпель будет пытаться найти выход, путем привлечения в правительственную коалицию «Ландбунда», до сих пор находящегося в оппозиции.

Во всяком случае, положение социал-демократической оппозиции, которая оказывала решающее влияние на государственную жизнь, после выборов сильно укрепилось.

Но в новом Национальном Совете все же имеется буржуазное большинство и необходима будет энергичная борьба против него, чтобы отстоять интересы рабочего класса. С другой стороны, внутренняя структура парламента все же сильно изменена, благодаря количественному уменьшению христианско-социалистической фракции.

В настоящее время имеется значительное большинство открытых сторонников соединения Австрии с Германией, в то же время, большинство Национального Совета является также анти-клерикальным.

Но практические результаты этого изменения в ущерб клерикализму зависят от позиции, которую займут пангерманцы, от того, насколько она будет определяться признательностью последних к их покровителям, христианским социалистам, давшим им возможность попасть в парламент.

Помимо «Ландбунда», которому удалось собрать 200.000 голосов, все прочие мелкие партии потерпели полный крах. Поражение коммунистов является особенно уничтожающим. У них никогда не было ни одного представителя ни в Национальном Совете, ни в венском муниципалитете. Но на теперешних выборах, несмотря на их усилия мобилизовать безработных, они потеряли приблизительно половину того количества голосов, которые им удалось собрать в 1923 г. В Вене, где они были относительно наиболее сильны, за них было подано 7.632 голоса, — они следовательно потеряли 6.143 голоса по сравнению с 1923 г. За них высказалось всего 0,66% избирателей и едва 1% социал-демократических избирателей Вены. В провинции они также потерпели поражение и из немногих мандатов, которыми они владели в некоторых второстепенных муниципа-

литетах, ими потеряны мандаты Винер-Нейштадт и один из их двух мандатов в городе Штейр.

Выборы показали, что сила социал-демократии возрастает во всей стране. Главная победа была одержана в Вене, где социал-демократам удалось сохранить свои позиции. В одной лишь Вене рост социал-демократических голосов достиг 122.635. 367.283 мужчин и 326.716 женщин голосовали в столице за социал-демократию, что составляет 62,1% всех поданных голосов. Не только среди избирателей мужчин, но и среди избирателей — женщин социал-демократия имеет в Вене большинство.

В муниципальном совете Вены социал-демократия сохраняет свои 78 мандатов, буржуазные же партии обладают всего 42 мандатами. Рост социал-демократии в Вене ясно отразился на результатах выборов в Национальный Совет. Вена представлена в нем теперь 29 социал-демократическими депутатами, вместо прежних 27-ми. Этот рост проявился также и в выборах в окружные советы, где социал-демократы завоевали 20 новых мандатов. В 15 из 21 округа Вены они обладают абсолютным большинством, в двух — у них половина мандатов и только в четырех христианские социалисты сохранили свое большинство.

Как и в Вене, рост социал-демократии заметен и в других городах. В Линце, столице Верхней Австрии, где раньше социал-демократы обладали в муниципальном совете половиной мандатов, выигрыш двух новых мандатов дал им абсолютное большинство. Во всех частях австрийской республики выборы обнаружили прогресс социал-демократии. Серьезный успех был достигнут в Тироле, где партия завоевала второй мандат и этот успех дал ей тем большее моральное удовлетворение, что глава социал-демократического списка, Абрам, подвергался самым гнусным клеветническим нападкам.

Ровно тридцать лет тому назад рабочие впервые приняли участие в выборах в Австрии, тогда, 9 марта 1897 г., социал-демократы не завоевали ни одного мандата ни в Вене, ни в Нижней Австрии, всюду победа была одержана христианскими социалистами. Вена вся целиком — черная! таково было потрясающее открытие в результате этого первого завоевания избирательного права. Но оно научило социал-демократию работать систематически и настойчиво и таким образом черная Вена превратилась в Вену красную, в цитадель социализма. Тогда социал-демократы получили в Вене 87 тысяч голосов. За истекшие 30 лет это количество учетверилось и голоса избирательниц — женщин в такой же пропорции прибавились к голосам мужчин.

И как тридцать лет тому назад 87.000 социал-демократических голосов положили начало социал-демократического роста в Вене, так теперь Вена, красная Вена, является началом осуществления той великой задачи, которая стоит перед социализмом во всем мире. Город, насчитывающий несколько миллионов

жителей, управляемый рабочими — это, конечно, лишь скромный первый шаг в огромной империи капитализма. Но это все же начало, значение которого признают рабочие всего мира. Ибо, на примере Вены особенно ярко выявилось победоносное могущество методы.

То, что оказалось возможным завоевать, во имя целей социал-демократии, большинство народа, не прибегая ни к насилию, ни к угнетению, единственно лишь «силою идеи», то что оказалось возможным сохранить большинство рабочего класса в народе, несмотря на яростные атаки реакции, — вот в чем источник веры в конечную победу, веры которую австрийские выборы укрепят у рабочих всех стран.

Фр. Адлер.

НОВЫЙ РЕЖИМ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ *)

1.

В послевоенной Европе Чехословацкая Республика была довольно исключительным явлением. В то время, как старые государства дрожали за свою валюту, а новые едва не погибали от валютных кризисов, Чехословакия, благодаря последовательной, хотя часто и довольно жестокой системе, укрепила и стабилизировала на удивление и зависть Европе свою валюту.

Этому благоприятному обстоятельству, которое укрепило наше экономическое положение, способствовало в значительной степени и то политическое положение, которое создалось по возникновении нового государства.

Каждому чехословаку было ясно, что Чехословацкая Республика возникла при совершенно особых обстоятельствах и что самое ее рождение создало ей множество врагов. Каждому было ясно, что наши друзья смотрят на центральную Европу и на ее пеструю смесь народов и государств с известным опасением, подумывая — не передвинул ли мирный договор на север границы Балкан. Каждый знал, что новое государство находится у всех на глазах и что внутренние неурядицы могли бы неблагоприятно повлиять на дальнейшее развитие республики и народа.

В виду того, что все сословия, весь народ, за исключением нескольких отдельных личностей, стремились создать и сохранить новую республику, все объединились в одном общем усилии, в совместной работе в объединенном уже правительстве.

В послевоенной Европе правительственные реформы были предметом ожесточенной борьбы: в это время у нас считалось вполне естественным объединение буржуазии и рабочих в одном правительстве. В течение восьми лет никто не изменил этому принципу, несмотря на то, что после различных выборов

---

*) Статья эта написана для «В. Р.» бывшим министром общественных работ, одним из вождей чехословацкой социал-демократии, д-ром Л. Винтером.

брали верх различные партии и выдвигались различные личности.

Присутствие социалистов в правительственном большинстве и в самом правительстве естественно влияло на социальные условия. С одной стороны, под их давлением развивалось весьма успешно социальное законодательство, с другой социальная борьба, благодаря непосредственному влиянию правительства, и благодаря атмосфере, создаваемой участием социалистов в правительстве, проходила часто без внешних потрясений.

Такое положение вещей вполне соответствовало социальной структуре государственного новообразования. Все население разделено почти поровну на земледельцев, с одной стороны, и на торговцев и промышленников, с другой. Обывательские и пролетарские слои и количественно много, ближе друг к другу, чем в иных государствах.

Сотрудничество буржуазии и социалистов поддерживалось кроме того существованием сильных национальных меньшинств, которые вначале относились к государству прямо враждебно, а позднее не дружелюбно, вследствие чего они не принимались в расчет при создании большинства, готового управлять государством и нести за него ответственность.

Лишь внутреннее укрепление республики повлияло на эти национальные меньшинства. Когда, наконец, в Докарно Германия признала обязательства, вытекающие из версальского мира и когда поэтому исчезла надежда, что Германия будет содействовать какому бы то ни было европейскому столкновению, целью которого, между прочим, было бы и уничтожение Чехословацкой республики, — немецкая, польская и венгерская буржуазии примирились с данным положением и начали извлекать из него наибольшие выгоды для своего класса, вследствие чего они стали чрезвычайно быстро сближаться с соответствующими группами в чешском лагере.

2.

Несмотря на это, дело не дошло бы так скоро до совершенно новой политической и социальной перегруппировки и до создания официального объединения всей буржуазии, венцом которого является вхождение немцев в правительство, если бы 15-го ноября 1925 г. не было бы выборов в Парламент.

На выборах до срока настаивали социаль-демократы. Аграрии добивались введения аграрных пошлин — социаль-демократы хотели, чтобы избирателями была дана возможность высказаться по поводу вопроса, столь важного в политическом и экономическом отношении.

Несмотря на то, что социаль-демократы стремились при по-

мощи вопроса об аграрных пошлинах придать избирательной кампании определенное направление, избиратели, не придавали ему особого значения и не реагировали на него.

Было ясно, что противодействовать чрезмерным таможенным требованиям могут лишь правительственные социалистические партии. Также было ясно, что введение нового таможенного тарифа повлечет за собой с одной стороны повышение цен предметов первой необходимости, повышение, которое при современном положении нельзя будет достаточно скоро сравнять с заработной платой, с другой осложнения в наших торговых отношениях с земледельческими государствами, т. е. затруднения для нашей экспортной промышленности и безработицу. Логически рассуждая, рабочий класс при таких условиях должен был сплотиться вокруг социалистических партий.

Однако, этого не случилось. В рабочих кругах еще не было консолидации. После переворота рабочие еще не были подготовлены к новому положению вещей. Под влиянием жгучего дыхания русской революции и в Чехословакии начали цвести надежды, которые не могли быть осуществлены в холодной действительности. Ввиду того, что осуществления их ожидали от социал-демократов, их же делали ответственными и за разочарование.

Недовольные элементы впали в отчаяние и бросились частью к клерикалам, ожидая исполнения надежд, по крайней мере, после смерти в царствии небесном, частью присоединились к коммунистам, ожидая осуществления все тех же надежд от социальной революции.

Это вызвало настоящий развал социал-демократии, которой удалось сохранить свою целостность лишь в Пильзенском и Остравском округах, а также на севере Чехии в остальных же областях она с трудом поддерживала свои убогие кадры.

Но коммунисты не делали революции, в России события развивались иначе, чем ожидали чешские коммунисты, понемногу социал-демократия начала приходить в себя и снова захватывать потерянную почву. Этот процесс, требующий ряда лет, не был закончен до начала выборов, так что коммунисты стали после выборов относительно самой сильной рабочей фракцией парламента (41 коммунист против 29 чешских и 17 немецких социал-демократов и 27 чешских национал-социалистов).

Своим успехом коммунисты были обязаны отрицательной тактике и агитации. Не желая терять завоеванных позиций, они были принуждены не изменять этой тактики, а наоборот продолжать ее. Этим они, однако, ослабили влияние рабочих при создании правительства.

Обе чехословацкие социалистические партии остались в правительстве и после выборов. Но когда коммунисты отвергли предложение вступить в правительство и этим расширить правитель-

ственное большинство влево, скоро стало ясным, что далее не удастся сохранить конструкции власти, державшейся 8 лет. Равновесие сил в правительстве было нарушено. Буржуазия вышла из выборов укрепленной, социалистический правительственный блок был ослаблен. Ввиду того, что буржуазия хотела сейчас-же извлечь выгоды из этого положения, чехословацкому социализму не оставалось ничего иного, как принять тактику социализма в остальной Европе, т. е. перейти в оппозицию.

Хотя все и предполагали, что немецкая и венгерская буржуазия будут стремиться сотрудничать с чешской буржуазией, однако, немного удивила та быстрота, с которой немцы бросились к правительственному большинству и в самое правительство.

Таким образом, создалось положение, обычное для остальной Европы, но совершенно новое для Чехословакии.

Поразило спокойствие, с которым это положение было принято. Как в чехословацком, так и в немецком буржуазном лагере есть сильные националистические, даже фашистские течения, которые до последней минуты об'являли национальное об'единение *Causus belli*, но когда дело дошло в действительности до такого об'единения, то они не проронили ни одного слова: радость, что социалисты вытеснены из правительства, что рабочий класс не сможет оказывать влияния на политику государства, заглушила их сомнения относительно сотрудничества с «национальным врагом». Классовые интересы буржуазии одержали верх над национальными интересами, о которых она только кричала.

3.

Что же явствует из этого нового положения?

Прежде всего *дальнейшая консолидация республики и укрепление ее основ.*

Целых восемь лет немцы, венгры и клерикальные словаки носились по Европе и жаловались на притеснения, которые им приходится терпеть в Чехословацкой Республике. Как у немцев, так и у венгров было много весьма влиятельных связей по всему миру, они оказывали влияние на прессу и на официальные круги. Новое государство не возбуждало доверия во первых уже потому, что было славянским. Кроме того, у немецкой пропаганды было то преимущество, что она обращалась к человечеству на мировом языке и обладала значительными финансовыми средствами, в то время, как республика должна была лишь теперь создавать оборонительный орган. Что дела не всегда велись удачно, в этом нет ничего удивительного. Не будь имен президента Масарика и министра Бенеша, имен, которые имеют исключительное значение, немецкая и венгерская пропаганда достигли-бы гораздо большего успеха.

Эта агитация, вредившая республике в глазах мирового общественного мнения, терлет теперь всякое основание. Не была уничтожена ни земельная реформа, ни законы о языке, не были открыты новые немецкие школы, и тем не менее немецкая буржуазия сочла возможным вступить в правительство, голосовать бюджет, увеличение срока воинской повинности, взять на себя ответственность за государственную политику. Все это является очевидным доказательством того, что прежняя политика республики по отношению к немцам и венграм не была враждебной и что прежние жалобы не были обоснованы — все это является реабилитацией национальной политики республики.

Правда, мы изредка слышим, что вступление немцев в правительство республики не является еще признаком консолидации, так как и чешская буржуазия была перед войной в австрийском правительстве, и тем не менее она воспользовалась положением, созданным войной, выступила против Австрии и помогла ее уничтожить. Да, воспользовалась. Но чешская буржуазия не только не создала этого положения, но даже его и не искала. Чешская буржуазия вошла в австрийское правительство лишь тогда, когда потеряла надежду на разложение Австрии и даже на возможность добиться федеративной организации империи. Это было бесспорным признаком активизма чешской буржуазии.

Подобным же образом и вступление немцев в правительство Чехословацкой Республики является признаком активизма немецкого меньшинства, которое теперь будет искать исцеления своих недугов не за границей, а на родине и при помощи собственной же деятельности, которая не будет теперь вызывать у иностранцев впечатления балканских условий на территории республики, так как меньшинство берет на себя ответственность за нее. Вполне понятно, что эти условия благоприятно отразятся на экономических сношениях республики, что будет полезно, как преобладающей национальности, так и национальным меньшинствам.

Но вступление немцев в правительство будет иметь важные и внутренне-политические последствия. В республике создается новая атмосфера национального примирения, возникающая без переговоров о национальном соглашении. До сих пор в массах чешского народа немец считался врагом республики, до сих пор в массах немецкого народа чех считался свирепым притеснителем всего немецкого.

И что же мы вдруг видим? Чешский и немецкий аграрий, чешский и немецкий клерикал сидят рядышком в одном и том же правительстве, дружно держат бразды правления и отвечают за судьбы республики. И мир от этого не рухнул. Как же далее можно считать немца врагом республики, если чешская буржуазия зовет его в члены правительства, если доверяет ему разре-

шение настоящих и будущих судеб республики? Разве чеха можно считать угнетателем, когда он уступает представителям этих меньшинств важные позиции в правительстве?

В массах начинается национальное отрезвление.

Понемногу это просачивается в слои, которые не представлены в правительстве, в рабочий класс. До сих пор, особенно немецкие рабочие боялись признать республику, дабы их противник — буржуазия — не использовал этого в качестве упрека в «интернационализме». Теперь исчезает и это опасение. Разве немецкая буржуазия может теперь обвинить немецких рабочих за их объединение с чешскими рабочими и за присоединение к республике, в то время, когда сама она без колебаний и сомнений поступила точно так же при первом же предложении?

Так происходит национальное сближение среди рабочих.

Рабочие, организованные в профессиональных союзах, действующих совместно с чехословацкой и немецкой социал-демократией, объединяются после долгих переговоров в начале этого года в федерации, насчитывающие более 600.000 членов. Уже в течение продолжительного времени между кооперативными организациями этого направления завязываются торговые сношения, основанные на дружбе.

Наконец, и обе социал-демократические партии доходят до более тесных сношений. Страх перед объединенным выступлением исчез всюду, совместные действия считаются чем то совершенно естественным, и чем далее, тем все учащаются.

Так готовится на всем фронте совместное наступление пролетариата без различия национальности.

4.

Но новое политическое положение в Чехословацкой Республике влечет за собой и еще другие последствия.

До тех пор, пока чешские социалистические партии были в правительстве, помимо *международной коммунистической партии*, не было чешских оппозиционных партий. Вполне понятно, что некоторыми правительственными действиями, кроме коммунистов, бывали недовольны и иные люди. Они бывали настолько недовольны, что чувствовали необходимость подать при выборах свой голос за оппозицию. Ввиду того, что кроме коммунистического списка, не было иного, имевшего хоть какую-нибудь надежду на успех, они голосовали за коммунистов. Руководители коммунистической партии вполне сознают, что значительную часть их мощи создали голоса этих недовольных, которые не остаются без влияния и на самую политику коммунистической партии.

Ни для кого не было тайной, что коммунистическая партия Чехословацкой Республики не состояла из коммунистов в истинном смысле этого слова, но что по преимуществу это была масса, привыкшая к до-военной политике социал-демократии, не сумевшая приспособиться к изменившимся политическим условиям и желавшая продолжать прежнюю политику.

Теперь эта масса начала замечать, что политика, которую преследовала социал-демократия после войны, принесла рабочим значительные выгоды. Теперь они видят разницу между тем временем, когда рабочие влияли непосредственно на политику государства, и сегодняшним днем. Теперь они видят отрицательные стороны и даже опасность положения. Теперь у них является потребность защищать социальные достижения социал-демократии, несмотря на то, что раньше они называли их «обглоданными костями». Говоря коротко: в коммунистической партии начинается брожение, так как рабочая масса потеряла веру в возможность близкой социальной революции и начала сознавать значение преимуществ, принесенных современностью, благодаря чему она начала снова приближаться к основным взглядам социал-демократии.

Так постепенно происходит сосредоточение пролетарских сил.

5.

Однако, эти положительные результаты нынешнего режима являются косвенными.

В непосредственной деятельности правительственного большинства множество *отрицательных сторон*.

Прежде всего *экономическая политика*. Наибольшим слабеющим правительства являются чешские и немецкие аграрии, поддерживаемые сельским крылом клерикальных партий. Как было уже сказано выше, аграрии воспользовались современным положением для осуществления презмерных требований земельной буржуазии. Чехословацкая Республика — государство, большинство населения которого состоит из ремесленников, мелких предпринимателей и торговцев. Большая часть выработанных в Чехословакии товаров должна быть вывезена за границу, так что ввиду конкуренции необходима низкая заработная плата и дешевые цены на сельскохозяйственные продукты. Несмотря на это, буржуазия ввела высокие пошлины на сельскохозяйственные продукты с минимальными ставками и значительно их удорожила. Благодаря этому страшно ограничены покупательные способности рабочих слоев, что уже и заметно на рынке; кроме этого, это усложнило переговоры о торговых договорах с сельскохозяйственными

государствами, а, следовательно, и экспортные возможности чехословацкой промышленности.

Но, и кроме этого, экономическая политика данного большинства весьма односторонняя: экономия в земском управлении должна производиться за счет широких и неимущих классов (понижение доходов военных инвалидов, повышение квартирной платы и т. д.) — новые средства добываются при помощи новых косвенных налогов (на сахар).

Эта односторонняя политика противоречит социальной структуре государства, в котором рабочие и служащие составляют большую часть населения.

Буржуазия пользуется данным положением и для того, чтобы устранить после-военные демократические «крайности»: она не только отнимает избирательное право у солдат, но устраняет организацию жюц *), которая должна была дать обывателям возможность влиять на управление, и все подчиняет бюрократии. Вполне понятно, что ее влияние чувствуется и в администрации. Социалистической оппозиции дают особенно чувствовать, что «хлеб оппозиции горек».

Кроме аграриев, сильным слагаемым правительственного большинства являются клерикалы, которые за вхождение в правительство заставили заплатить себе повышением платы духовным лицам, но, кроме того, они начинают воздействовать и влиять на школы, печать и на весь ход жизни. Уже открыто говорят о конкордате народа, который первый начал борьбу с Римом.

Правда, *иностранная политика* все еще находится в руках таких сильных личностей, как президент Масарик и министр Бенеш, и в ней проводится все та же линия, но уже таможенная политика способна внести расстройство в иностранную политику, а внутренний состав большинства принуждает и министерство иностранных дел быть сдержанным, что способствует реакционным течениям в европейской политике.

Изменение режима в Чехословацкой Республике находится в непосредственной связи с *уклоном направо*, который замечен во всей Европе. У нас, к счастью, вопреки существу его, это влечет за собой и положительные результаты: создание атмосферы национального примирения и облегчения условий для объединения сил рабочего класса. Социалисты в Республике должны использовать эти обстоятельства для подготовки к моменту, когда маятник качнется влево. В Европе все к этому готовится, в скором времени до этого дойдет и в Чехословакии.

Лев Винтер.

*) Соответствует нашим уездам.

ПЕРЕД СВЕТЛЫМ БУДУЩЕМ

«ЖЕЛЕЗНЫЙ БЛОК» ТРУДОВОЙ ДЕМОКРАТИИ В БОЛГАРИИ ¹⁾

Желание болгарской земледельческой эмиграции, больше того, обещание, данное ею европейской демократии, исполнилось: — болгарская социал-демократическая партия обратилась к Земледельческому Союзу в Болгарии и дала возможность образоваться блоку истинно демократических организаций, представляющих интересы трудовых масс. В этот блок вошли: Болгарский Земледельческий Народный Союз, болгарская социал-демократическая рабочая партия и партия болгарских ремесленников. Это новое объединение, избравшее общий комитет действия — 29-го мая в Болгарии состоялись выборы в Парламент, — получило название «Железного Блока».

Опубликованный этими тремя организациями общий «Манифест» к болгарскому народу ясно подчеркивает желание всех составных сил его не только идти рука об руку на выборах, но и сохранить Блок в виде постоянного союза в целях осуществления задач демократии и в целях защиты трудовых слоев населения: крестьян, рабочих, ремесленников и трудовой интеллигенции.

Почти четыре года тому назад Заграничное Представительство Болгарского Земледельческого Народного Союза обратилось с «Меморандумом» к центральным комитетам бельгийской и французской социалистических партий, а также к Социалистическому Интернационалу и к Лиге Прав Гражданина и Человека (копии этого обращения были посланы центральным комитетам почти всех европейских социалистических партий). В этом меморандуме заграничное представительство земледельческого союза просило о вмешательстве Социалистического Интернационала и социалистического общественного мнения в це-

---

¹⁾ Статья написана для «Воли России» А. Оббовым, бывшим министром земледелия в кабинете Стамбулийского.

лях спасения жизни наших товарищей, арестуемых и убиваемых в Болгарии, а также просило о противодействии той клевете, которую истреблявшая земледельцев реакция распространяла относительно земледельческого правления и земледельческого Союза, стараясь представить наши деяния преступными в глазах европейского общества.

Земледельческий Союз, оклеветанный, обвинявшийся своими противниками в самых страшных преступлениях, выдвигавшихся клеветниками только для того, чтобы оправдать убийства земледельческих вождей и массовые избиения восставших крестьян, убийства жен, детей и стариков, требовал расследования не только преступлений, производимых правительством Цанкова, но также и следствия по всему режиму Стамбульского.

Наши цели были ясно поставлены:

Дать полный отчет европейской демократии во всем, что нами делалось в Болгарии в течение трех лет нашего правления и доказать, как вздорность клеветы, так и ее истинную цель.

Спасти с помощью вмешательства социалистического и демократического европейского мнения жизнь наших товарищей.

Спасти престиж Социалистического Интернационала в Болгарии, анкета которого должна была показать сельским и рабочим болгарским массам внимание, оказываемое демократией к судьбе болгарского народа, и тем самым ослабить позицию коммунистов, ловко использовавших участие социал-демократа Казасова *) в правительстве Цанкова.

Поднимая этот вопрос перед Социалистическим Интернационалом и в своей прессе, социалистические партии Франции и Бельгии способствовали в то же время сближению народных масс Болгарии с западно-европейской демократией.

Надо признать с огромным удовлетворением, что «Меморандум» заграничного представительства нашел полное сочувствие. Французская социалистическая партия во главе с Леоном Блюмом, Мариусом Муте, Жаном Лонге, Пьером Реноделем, Грумбахом, Андре Пьером, Эмилем Каном и другими, бельгийская социалистическая партия во главе с Эмилем Вандервельде и Дебрукером, Лига Прав Человека и Гражданина во главе с госпожей Менар-Дориад, встретили просьбу земледельческого Союза как вполне законную.

На волнующий призыв преследуемой и уничтожаемой партии Стамбульского, обращенный к Социалистическому Интернационалу, представители западно-европейских рабочих партий, несущаясь невероятным количеством лжи, которую правительство

*) Исключен впоследствии из партии вместе с некоторыми другими участниками переворота 9-го июня.

Цанкова наводнило страницы европейской печати, ответили с живым участием и протянули нам руку помощи.

Совершенно исключительную помощь оказал нам перед лицом европейского общественного мнения партия русских социалистов-революционеров. Один из ее членов, Вл. Лебедев, дважды был в Болгарии во время режима Стамболийского и лично мог убедиться не только в том, что Земледельческий Союз представляет собою крайнее, левое крыло земледельческого движения в Европе, но и что правительство, состоящее из членов этого Союза, провело в Болгарии ряд важнейших реформ, под которыми мог бы поставить свою подпись любой социалист. Кроме того, русские социалисты-революционеры оказались в состоянии иметь точные сведения, как о характере переворота, так и об участии в перевороте и последовавших усмирениях и убийствах военных отрядов врангелевцев. Партия социалистов-революционеров и органы печати, редактируемые ее членами, оказали нам тем большую поддержку, что в лице правой и, так называемой, республиканско-демократической русской прессы, правительство Цанкова нашло самую горячую симпатию, зачастую более горячую, чем симпатии даже болгарских правительственных рептилий. . .

В Чехии обе социалистические партии: социал-демократическая, во главе с Бехине и народно-социалистическая, во главе с Клофацем, всемерно помогали нам в нашей борьбе против режима Цанкова.

Такую же помощь оказала нам австрийская социал-демократия и, особенно, ее центральный орган «Арбейтер Цейтунг».

Исполнительный Комитет Социалистического Интернационала, собравшийся в начале 1924 года в Люксембурге, решил, по предложению Вандервельде и после речи румынского делегата Пестинера, произвести анкету об участии с.-д. Казасова в кабинете Цанкова. Должен заметить, что заграничным представительством Земледельческого Союза был подан Люксембургскому Конгрессу специальный меморандум.

Во исполнение этого решения и состоялся в Бухаресте съезд балканских социалистических партий, при участии специально делегированного Интернационалом представителя грузинской социал-демократии И. Церетели.

Важность решения Интернационала легко установить. Болгарская социал-демократия не стала ожидать бухарестского конгресса и отозвала своего представителя из правительства Цанкова. Надо ли говорить, что этот выход из кабинета внес в ряды болгарской социал-демократии разлад. Наиболее непримиримые защитники сотрудничества с реакционным правительством оказались в двусмысленном положении. Вслед за бухарестским конгрессом последовала встреча социалистических представителей в Праге, где вопрос о поведении болгарских социал-демократов

был рассмотрен во всей широте. Характерно для добрых нравов Социалистического Интернационала, что представителями его были заслушаны не только представители болгарской социал-демократии. Нет, производившие анкету Том Шоу, Фриц Адлер и Дебрукер в течение трех часов слушали и расширяли пишущего эти строки.

Эта анкета окончательно определила позицию социалистического Интернационала, и он на Марсельском Конгрессе принял предложенную английской делегацией энергичную резолюцию против кровавой диктатуры в Болгарии.

Необходимо напомнить, что в течение этих четырех лет диктатуры Болгарию посетило несколько важнейших представителей социалистических партий Европы. В особенно большом количестве ездили в Болгарию английские социалисты. Огромное значение имела поездка Э. Вандервельде. Из посещений самого последнего времени отмечу поездку В. Сухомлина и Андре Шера, а также германского социал-демократа Курта Розенфельда и австрийского социал-демократа Рихтера. Эти двое последние были в прошлом месяце высланы самым отвратительным образом из пределов Болгарии правительством Ляпчева.

И каждая поездка в Болгарию представителей социалистических партий Европы являлась жестоким моральным ударом по правительству диктатуры. И неизменно каждый социалист, побывавший в Болгарии, делался убежденным защитником преследуемого диктатурой сельского населения нашей страны.

Это благотворное влияние Интернационала усилило позицию искренних социалистов, и болгарская социал-демократия, переходя все больше и больше в ряды подлинной оппозиции, очищала свои ряды от испорченных карьеристских элементов. Почва для сотрудничества с Земледельческим Союзом была расчищена.

В свою очередь и болгарские селяне не могли не оценить огромной помощи, оказанной им Социалистическим Интернационалом. И как только в поведении болгарской социал-демократии намечался перелом, стало ясно, что вопрос тесного сотрудничества между этими двумя отрядами трудовых масс является вопросом недалекого будущего.

Я рассказал печальную историю разъединения этих двух отрядов для того, чтобы показать, что нынешнее соглашение является результатом длительного процесса, что оно вызвано опытом жизни, что оно является осознанием прежних ошибок и преодолением очень сильных психологических массовых переживаний. Взаимное озлобление, непонимание, партийное ослепление, — через все это прошли обе наши партии, прежде чем образовали вкупе с третьей Железный Блок.

Этот Железный Блок осуществлен при помощи наших общих усилий и влияния западно-европейских социалистических пар-

тий. И мы искренно желаем, чтобы он остался надежной опорой, боевой силой болгарского крестьянства, рабочих, ремесленников и работников умственного труда. Этот блок трех трудовых партий, представляющий интересы 90 процентов населения, должен остаться объединенным, дружным, борющимся не только за число депутатских мест в Парламенте, но и за власть в стране, за осуществление подлинной демократии в Болгарии.

В политических и социальных условиях Болгарии нет более естественного союза, чем союз этих трех сил. И только такой союз может не обмануть надежд европейской демократии на прогресс идей мира и социальной справедливости в нашей стране.

Вот почему в осуществлении этого блока мы видим, с одной стороны, сближение народных масс Болгарии с подлинной западно-европейской демократией, а, с другой, залог светлого будущего для самой Болгарии.

Александр Оббов.

СОЦИАЛИЗМ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

ЕВРОПЕЙСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ О КОАЛИЦИИ С БУРЖУАЗНЫМИ ДЕМОКРАТАМИ

В апреле и мае имел место ряд конгрессов социалистических партий, а именно во Франции, Германии, Бельгии, Чехословакии, Англии, Румынии, Латвии.

На конгрессе французской социалистической партии, заседавшей в Лилле 17-20 апреля, оживленные дебаты вызвал вопрос об отношениях к буржуазным и коммунистическим партиям.

Четыре проекта резолюций были представлены съезду.

Проект А, подписанный секретарями партии — Поль Фор и Северак — допускал сотрудничество с левыми буржуазными партиями для достижения точно определенных, конечных целей. «Но мы не должны упускать из виду, — говорит резолюция, — второстепенного, случайного и временного характера подобных сговоров». Резолюция настаивает на неспособности французских радикалов «идти до конца для осуществления сколько нибудь значительных реформ».

Резолюция довольно пространно говорит об отношении к коммунистам. Она начинается с утверждения, что «есть несомненная общность теоретических целей у социалистов с большевиками». Поэтому, рано или поздно, социалистам и коммунистам «суждено встретиться в новом объединении рабочего класса». . . Но это будет возможно лишь когда прекратятся раздоры, разрушившие это единство. Проблема восстановления единства может быть разрешена лишь в международном масштабе. Резолюция резко осуждает большевистские маневры «единого фронта» и подвергает критике «революционно-романтический утопизм», заговорщическую политику большевиков, не брезгающих прибегать к коррупции и подкупу, подчиняющих деятельность коммунистических партий интересам русского правитель-

ства, ведущих наглую кампанию против деятелей рабочего движения и правящих в России при помощи террора.

Проект В, подписанный большевистствующим Морэном, обличает скрытых революционеров и «контр-революционных» реформистов, проникших в Социалистический Интернационал, и высказывается за единый фронт с коммунистами.

Проект С, подписанный Браком, ставший теперь самой левой «ортодоксально-марксистской» фракцией, высказывается против всяких соглашений с радикалами, настаивает на факте непрерывного роста классовых противоречий и видит основную задачу партии в давлении на государство и правительство и в подготовке революционного завоевания власти. Брак и Жиромский признают, однако, важность частичных реформ и возможность положительной работы в рамках капиталистического строя. Но реформы, по их мнению, лишь тогда ценны, когда они **вырваны** усилием пролетариата, организованного экономически и политически.

Они высказываются против избирательных соглашений — за исключением, однако, перебаллотировок, против парламентского левого блока и против «полной, всеохватывающей (total et global) поддержки какого либо буржуазного правительства», допуская, очевидно, поддержку частную, от случая к случаю.

Брак и Жиромский тоже отвергают «единый фронт» с коммунистами и указывают, что основные различия между социализмом и коммунизмом заключаются в «сектантском духе большевиков и в их идее партийной монополии».

Резолюция D, представленная Реноделем и П. Бонкуром дает анализ кризиса, переживаемого капиталистическим строем и указывает на необходимость для социалистической партии увлечь за собой не только пролетариат, но и крестьянство для завоевания власти и осуществления определенной положительной программы методами демократии.

Социалистическая партия должна сохранить всегда свою полную независимость, но она должна различать между реакционными партиями и демократическими, которые могут подвергнуться влиянию творческого социализма. Не нужно, кроме того, смешивать колеблющихся вождей мелко-буржуазной демократии с массами, жаждущими прогресса, хотя и не примыкающих еще к социалистическому движению.

Поэтому резолюция рекомендует соглашение с ними для защиты республики против реакции, для охраны политических и синдикальных свобод, для развития и укрепления учреждений, способных обезпечить мир, для расширения международного третейского суда. Для осуществления демократических и социальных реформ партия должна «сопечь свои усилия с усилиями рабочих, крестьян, ремесленников, чиновников, торговцев и даже промышленников, находящихся в рядах радикальной партии».

Параграф, относящийся к большевизму, содержит принципиальную критику его с точки зрения демократического социализма. Восстановление единства, по мнению этой «правой» фракции, невозможно, пока 1) не восстановлено единство профдвижения и не распущен красный Профинтерн, 2) пока большевики будут продолжать навязывать национальным секциям методы, неприемлемые для западно-европейских рабочих, 3) пока он навязывает международную политику, являющуюся чаще всего русской национальной политикой (?), 4) пока большевизм, ведя переговоры с отдельными правительствами, высказывается против соглашения народов в Лиге Наций.

Бросается в глаза отсутствие в этой резолюции, каких либо условий, относящихся к внутренней политике большевиков.

После горячих дебатов и безуспешных попыток добиться согласительной резолюции, группа Ренделя решила примкнуть к резолюции А, (Поль Фор — Северан), к которой присоединился и Леон Блюм. Эта резолюция была принята 2.352 мандатами против 774, голосовавших за Брака и 185 — за Морэна.

По докладу конфликтной комиссии о клеветнической кампании Морэна против товарищей по партии в его большевистствующей газетке «Искра», съезд постановил лишить Морэна на два года права занимать какие либо ответственные посты в партии.

Конгресс занимался также весьма жгучим вопросом о законе «об организации страны во время войны», докладчиком по которому в Парламенте был Поль Бонкур.

«Воля России» посвятит этому закону и законопроекту французских социалистов особую статью.

Съезд германской с.-д. партии также занимался вопросом о соглашениях с буржуазными партиями и об участии в правительстве. Он принял кроме того аграрную программу — первую аграрную программу с.-д. партии — по докладу Бааде и Крюгера. В «Воле России» будет помещена особая статья, посвященная новым аграрным программам европейских социалистических партий, в том числе германской.

Доклад Ц. К. дает следующие данные о положении партии. Общее число членов партии равнялось к 1-му января 1926 года 806.268, из которых 151.811 женщин. К концу года в партии было 823.520 человек, из них женщин 165.492. В Рейхстаге партия имеет 131 депутата, из них 16 женщин.

В Парламентах отдельных государств, входящих в Reich, — 468 депутатов (49 женщин), в прусском государственном совете — 24 депутата, в провинциальных Ландтагах — 482 (20 женщин), в окружных советах — 3.146 (47 женщин), в муниципальных парламентах — 6773 (295 женщин), в коммунальных советах — 20.090 (женщин 452).

Число городских голов с.-д. равняется 708, председателей общинных советов — 637, а членов управ — 340.

Партейтаг заседал в Киле от 22 по 27 мая. На нем присутствовал ряд представителей иностранных социалистических партий.

Отто Вельс остановился в своем докладе, главным образом, на проведенной партией кампании против вознаграждения королевских семей, на политическом положении в Саксонии и организационных вопросах.

По основному политическому вопросу «о задачах социал-демократии в Республике» докладчиком выступил Рудольф Гильфердинг.

Он дал анализ современной фазы капитализма, которая отличается тем, что капитализм организованный все больше и больше преодолевает анархическую свободную конкуренцию.

Вместе с тем растет государственное вмешательство в экономические отношения, и организациям рабочего класса удается приобретать известное влияние на государственный аппарат, регулирующий хозяйственные отношения.

Классовая борьба достигает высокого напряжения, все больше и больше выступая в чистой форме борьбы за государственную власть и за организацию хозяйства. **Осуществление социализма стало задачей нынешнего поколения.** Социал-демократия идет к своей цели путем демократии, она стремится завоевать большинство и с ним государственную власть, объединив в одну политическую партию весь рабочий класс и увлекая за собой другие слои трудящегося населения. Ее долг защищать и укреплять демократию, чтобы не допустить буржуазной реакции. Если буржуазия попытается насильственно, методами фашизма, задержать движение пролетариата к завоеванию власти и отбросить социал-демократию от завоеванных ею позиций, то социал-демократия, тоже не останавливаясь перед применением насилия, должна разбить это сопротивление. При существующем соотношении сил, когда значительная часть рабочего класса еще идет политически за буржуазными партиями, все более сближаясь с социалистическим профессиональным движением в области экономической борьбы, социалдемократия может чередовать безусловную оппозицию с участием во власти, то есть с коалициями. Безусловной отказ от участия в правительстве дал бы, например, католической партии центра, еще имеющей за собой большую часть католических рабочих, возможность оправдать перед своими рабочими свою коалицию с правыми партиями и тем затормозил бы процесс освобождения этих рабочих масс от буржуазного влияния. Но коалиция, во-первых, не должна означать отказа от ведения классовой борьбы и, во-вторых, допустима лишь в том случае, если социал-демократия имеет возможность показать своей деятельностью в коалиции, что именно она защищает интересы рабочего класса против буржуазии.

Кроме того Гильфердинг настаивал в своем докладе на превращении германской федерации в единое, централизованное государ-

ство, с широко развитым местным самоуправлением. Теперешняя система вызывает громадные непроизводительные расходы, развивает бюрократизм, тормозит прогрессивные экономические предприятия, делает невозможной единую политику народного просвещения и т. д.

После оживленной дискуссии, в которой точка зрения Гильфердинга подверглась обстрелу со стороны «левых» (Тони Зендер и Ауэфкайзер), резолюция Ц. К. была принята громадным большинством голосов. За резолюцию Тони Зендер было подано лишь 83 голоса, и ее сторонники воздержались при голосовании резолюции Ц. К.

Вот текст этой последней:

«После того, как попытки уничтожить при помощи насилия демократическую республику не удались вследствие все растущего сопротивления рабочих масс, социальная и политическая реакция, руководимая «Национальной народной партией» стремится восстановить старый режим господства помещиков и крупных капиталистов, используя государственную власть. Германские националисты временно скрывают свои монархические анти-демократические стремления, чтобы обеспечить себе содействие других буржуазных партий для осуществления социально-реакционных проектов крупного землевладения.

В то же время, вследствие все большей концентрации капиталов, растет организация народного хозяйства под руководством и в интересах класса капиталистов. Борьба против привилегии собственности, за все большее участие рабочих и служащих в управлении и в результатах хозяйства и за постепенное преобразование олигархически-капиталистической организации хозяйства в социалистическо-демократическую становится одной из непосредственных задач рабочего движения.

Борьба за сохранение республики и за развитие демократии, сопротивление социальной реакции, осуществление хозяйственной демократии требуют объединения всех трудящихся в одну политическую партию — социал-демократию.

Как партия политическая, социал-демократия отвергает всякий раскол рабочего движения по вероисповедным причинам. Политическая и социальная цели рабочего движения совершенно независимы от религиозных убеждений и философских взглядов лиц, в нем участвующих. Поэтому съезд протестует против расхищения так называемой войны против обскурантизма (мракобесия) *). Он видит в нем попытку социально-реакционных кругов закрепить и расширить раскол среди рабочих с тем, чтобы с большей легкостью господствовать над разьединенными массами. Борьба в области вопросов просвещения являются частью социал-демократической борьбы за освобождение рабочего класса. Ее цель это уничтожение привилегии образования и воспитания, возможность образования для всех способных людей, к какому бы классу они ни принадлежали, поднятию образо-

*) Против католической партии центра.

вательного и культурного уровня масс. Но в уничтожении привилегий образования заинтересованы все категории трудящихся. Подлинной борьбой против обскурантизма являются не религиозные раздоры, а общая борьба за участие всех во всех завоеваниях культуры.

Борьба за завоевание государственной власти требует завоевания и удержания в руках с.-д. возможно большего количества позиций в общинах, в государствах и в республике.

Лишь путем практической работы в управлении (администрации) можно прийти к необходимой республиканизации и демократизации государственного аппарата.

Уже это показывает, какое большое значение имеет участие социал-демократии в администрации общин и государств, входящих в Рейх.

Участие с.-д. в обще-германском правительстве зависит исключительно от того, достаточно ли сильна социал-демократия в населении и в Рейхстаге, чтобы обеспечить достижение путем участия в правительстве, в определенных условиях, целей, интересующих рабочее движение или устранение реакционной опасности. Участие в правительстве есть вопрос тактики, который не может быть разрешен раз на всегда при помощи незыблемой формулы.

Во время ближайших выборов в Рейхстаг должны будут быть решены важные вопросы: отход от буржуазных партий той части рабочих масс, которая еще верна буржуазии, поражение реакционных сторонников буржуазных партий, разрыв реакционной коалиции и падение правого правительства. Разложение коммунистической партии и саморазоблачение буржуазной реакции делают возможной победу. Съезд призывает всех партийных работников начать энергичную избирательную борьбу. Речь идет о консолидации политической и социальной мощи рабочего класса. Речь идет о том, чтобы сделать из социалистического рабочего движения основную политическую силу демократической республики.

Криспин сделал доклад съезду о деятельности Интернационала. По поводу англо-русского конфликта он, при аплодисментах съезда, сообщил, что весь Интернационал, в согласии с английской Рабочей партией самым решительным образом осудил политику английского правительства.

*
**

Румыния. От 7 до 9 мая заседал в Бухаресте съезд федерации социалистических партий Румынии. До сих пор в Румынии было четыре самостоятельных областных социалистических организации, объединенные в федерацию. Поражение партий на последних выборах побудило поставить вопрос об их слиянии. Бухарестский конгресс постановил образовать единую Социал-демократическую партию Румынии.

Новый устав, предоставляя областным организациям полную свободу агитации, централизует политическое руководство. На съезде приняли участие 56 делегатов, представлявших 41.000 членов партии.

Илья Московичи в своем докладе о положении федерации дал откровенную картину трудностей, которые она пережила. Ряд ораторов указал на разрушительную работу коммунистов, как на причину слабости движения. Пистинер сделал доклад о политическом положении, указав на опасность фашизма в Румынии. Хозяйственная политика фашизма является причиной тяжкого экономического положения страны. Рабочий класс протестует против итало-румынского договора и против планов реставрации Габсбургов в Венгрии.

Резолюция, принятая по предложению Пистинера, указывает на то, что политическая борьба в Румынии происходит, главным образом, между либералами (Братиано) и «анти-либералами», причем те и другие ведут чисто реакционную политику. Один лишь рабочий класс в состоянии вести в Румынии борьбу за демократию. Но мелкобуржуазные массы городов и деревень страдают, как и рабочие, от хозяйственной политики правящих групп. Поэтому конгресс, обращаясь к рабочим с призывом вступать в с.-д. партию, призывает вместе с тем всех трудящихся и всех, кому дорого развитие цивилизации, поддержать рабочую партию в ее борьбе против анархии, деспотизма, коррупции, фашизма и милитаризма, за демократию, улучшение условий жизни и мир.

Была также принята резолюция, требующая общей амнистии и, в ожидании амнистии — немедленного улучшения условий, в которых содержится в тюрьме тов. Бужор, осужденный на вечное заключение.

Устав, принятый съездом, разрешает образование национальных секций в объединенной с.-д. партии. Но эти секции автономны лишь в вопросах национальной культуры.

Старый Ц. К. выработал проект новой партийной программы, который передан новому Ц. К. для переработки и представления следующему съезду.

*
**

Чехословакия. Съезд Чехословацкой с.-д. партии был новым доказательством непрерывного роста и усиления ее за последние годы. Три года назад в партии было 2.256 местных секций. Теперь их 3.022, из которых 687 — в городах, остальные — в деревне. Число взрослых членов равно 114.953, к которым надо прибавить федерацию мелкого крестьянства и 100 тысяч членов спортивного союза рабочей молодежи.

Всего с.-д. партия, таким образом, насчитывает по меньшей мере 250 тысяч платящих взносов членов.

90% членов партии состоит в профсоюзах, — одна треть — в

кооперативах. Партия насчитывает 10.241 представителей в общинных советах, 595 городских голов, 605 их помощников, 435 представителей в окружных советах, 30 председателей этих советов, 36 вице-председателей. а три года партия организовала 104.873 публичных собраниях.

Съезд проявил боевой дух, проникающий массы, несколько не ослабленные победой реакционного большинства в Парламенте. Занятый текущими вопросами, он должен был отложить обсуждение проекта новой программы, но одобрил все же общее введение к ней, провозглашающее основные принципы.

Все резолюции были приняты после оживленных дискуссий — единогласно.

Политическая резолюция, указав на необходимость, в которую была поставлена партия, принять участие в основании Чехо-словацкой республики, выражает одобрение правлению партии, изменившему тактику лишь только участие в правительстве стало несовместимым с интересами пролетариата. Съезд признает важное значение участия в правительстве и считает с опасными последствиями, которые следуют за неучастие в нем для уже сделанных завоеваний. Однако, он считает теперь необходимой оппозиционную тактику. Цель партии — создание нового общественного строя. Он не отказывается принципиально сотрудничать с другими партиями, но не может видеть в этом сотрудничестве единственный метод своей политической деятельности. Партия должна поддерживать боеспособность рабочего класса и никогда не должна забывать о своей конечной цели—создании социалистического строя. Съезд не ограничивает, с другой стороны, задачи партии исключительно оппозицией. Он не признает негативной оппозиции. Согласно демократическим принципам, партия видит в оппозиции временный этап для воспитания масс и подготовки к завоеванию политической власти. Тактика коалиции допустима лишь тогда, когда она отвечает интересам рабочего класса. Партия должна вести оппозиционную политику не только в Парламенте, но и в стране. Ее главная задача в настоящий момент — объяснить народу истинный характер теперешнего режима. С.д. партия должна его свергнуть. Будущее Республики в руках народа. Вести народ на борьбу с реакцией — такова главная задача сегодняшнего дня.

В резолюции по вопросам международной политики съезд констатирует рост Социалистического и Профессионального Интернационалов. Он приветствует сближение чешских и немецких с.д. в Чехо-Словакии.

По вопросу о «едином фронте» он заявляет, что этот единый фронт должен быть, прежде всего, реализован в России. Резолюция указывает затем на опасности войны в Европе, осуждает Тиранский договор, высказывается за Балканскую Федерацию и т. д.

В резолюции по вопросам экономической политики выдвигается, между прочим, требование признания де юре советской России, наря-

ду с требованием демократического производства, социальных законов, влияния рабочих организаций на торговые договоры и т. д.

*

**

Съезд **Бельгийской** рабочей партии занимался почти исключительно весьма жгучим для Бельгии вопросом о свободной школе (половина бельгийских детей обучается в свободных, католических школах). Сторонники государственной монополии на образование выступили с критикой политики рабочей партии, которая голосовала в Парламенте за субсидию свободным, т. е. католическим школам.

Съезд принял резолюцию, провозглашающую принцип свободы преподавания. Вопрос о субсидиях будет окончательно разрешен референдумом.

Мы надеемся еще вернуться к этому вопросу.

В. В.

МЕМОРАНДУМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(Женева. Май, 1927)

2-го мая в Женеве собралось совместное заседание правления МФПС и Исполкома РСИ при участии членов рабочей группы международной хозяйственной конференции и сведущих лиц. Заседание выработало ряд постановлений, официально, в виде меморандума, внесенных рабочей группой в международную конференцию. Меморандум гласит:

Представители организаций рабочих и служащих приветствуют созыв международной хозяйственной конференции, как выражение сознания, что поступательное развитие национального хозяйства в мировое принуждает народы к совместной интернациональной хозяйственной работе. Полное развертывание производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве, которое пролетариат считает фундаментом более совершенного общественного строя, устранение тяжелых социальных бедствий, особенно ярко выраженных в массовой безработице европейских стран, и предотвращение новых войн повелительно требуют создания межгосударственного хозяйственного порядка. Путь к хозяйственному оздоровлению идет во всех странах прежде всего через такое распределение всего продукта общественного труда, которое поднимает жизненный уровень трудящихся масс в городе и деревне повышением заработной платы и жалований и развитием социально политических учреждений. Формирование производства и распределения в этом направлении необходимо для того, чтобы рост производства не парализовался тяжелыми кризисами сбыта.

Представители организаций рабочих и служащих имеют основания опасаться, что особые капиталистические интересы отдельных стран будут ставить тяжелые препятствия практической работе в пользу хозяйственной кооперации народов. Они зовут поэтому трудящихся к борьбе за то, чтобы сознание международно-хозяйственной солидарности повсюду претворялось в дело. Необходимо воспрепятствовать тому, чтобы в отдельных странах дальше проводилась по-

литика самозамыкания, ведущая к новым разорительным экономическим войнам.

Именно поэтому представители рабочих и служащих сожалеют о том, что таким представителям не отведена среди делегатов на международную хозяйственную конференцию та доля участия, на которую имеет право претендовать рабочий класс, как опора хозяйства и как убежденный сторонник международного сотрудничества. Но, несмотря на это, они будут со всей энергией участвовать в работах конференции. Они смотрят при этом на себя, как на борцов за грядущий международно-хозяйственный строй и будут добиваться, чтобы о великих проблемах мирового хозяйства не только говорили, но чтобы делалась и практическая работа для улучшения хозяйственного сотрудничества.

Четыре задачи должны быть выдвинуты при этом:

Устранение препятствий для международной торговли;

Улучшение и выравнивание социальных условий труда во всех странах;

Контроль над международными монополистскими объединениями предприятий в интересах охраны рабочих и потребителей;

Подъем сельско-хозяйственного производства и лучшая организация сбыта его продуктов.

1.

Рациональному развитию международного разделения труда мешают чрезмерные затруднения свободы оборота. Международными конвенциями должны быть уничтожены запрещения ввоза и вывоза. Для всякого вида промышленного и сельско-хозяйственного сырья, а также для предметов продовольствия следует требовать отмены таможенных пошлин. Следует приступить к снижению пошлин на фабрикаты, в частности же, уничтожение внутри-европейских таможенных перегородок является предпосылкой оздоровления европейского хозяйства. Первым шагом на этом пути должно быть создание единообразной таможенно-тарифной схемы, а также соглашение об унификации и упрощении административных предписаний в вопросах товарооборота. Далее нужно выработать единообразные принципы, которые должны полагаться в основу общей части всех торговых договоров. Принцип наибольшего благоприятствования подлежит сохранению; его осуществление не должно быть саботируемо чрезмерной детализацией тарифов или другими мерами. Заключение таможенных союзов может служить подготовительным этапом к постепенному уничтожению таможенных преград; но организация международной хозяйственной общности ведет к отмене таких союзов в пользу всеобъемлющей организации хозяйственной солидарности, точно так же, как обособленные политические договоры между на-

родами должны исчезать перед лицом всеобъемлющей организации Лиги Наций. — Следует осудить всякое поощрение бросовой конкуренции (дэмпинг).

2.

Представители рабочих и служащих сожалеют, что в данный момент не имеют возможности войти в подробное рассмотрение вопросов об условиях труда, как в мандатных и концессионных территориях, так и в колониях, но они обращают внимание на меморандум, который внесен на международную хозяйственную конференцию английскими рабочими под заглавием: «Экономические тенденции, могущие угрожать миру» и содержит главу, посвященную этому вопросу.

3.

Побудительные причины к замыканию рынка от конкуренции, успешность которой основывается на социальной придавленности рабочих сил, должны быть устранены путем улучшения и международного выравнивания условий труда. Международные соглашения о рабочем дне, охране труда, страховании безработных и т. п. являются поэтому не только социально-политическим, но и насущным хозяйственно-политическим требованием. Поэтому прежде всего настоятельно необходима ратификация и строгое соблюдение Вашингтонского соглашения о рабочем дне и других соглашений, намеченных в Международном Бюро Труда.

4.

Международные объединения предприятий и их организаций с целью овладения рынком и регулирования производства могут быть во многих случаях использованы для рациональной организации хозяйства и потому не подлежат огульному запрещению. Но представители рабочих и служащих указывают на большие опасности, которыми грозит рабочим и потребителям бесконтрольное объединение капиталистических предприятий, и настоятельно требуют поэтому действительной защиты интересов общества от этих опасностей. Они рекомендуют поэтому создание международного учреждения, на обязанности которого лежало бы производство общего расследования о всех такого рода международных объединениях и постоянный контроль над всеми международными соглашениями и над воздействием их на условия производства и рынка. Во всех отдельных государствах также должны быть созданы контрольные учреждения на таких же основаниях. Первой задачей этого контроля является обеспечение достаточной гласности всех заключаемых соглашений и всей политики таких объединений. Вторая задача состоит во вмешательстве в слу-

чаѣ прознания этой политики общественно-вредной с точки зрения условий труда, образования цен или неравномерности условий, создаваемых для различных рынков сбыта.

В связи с вопросом о международной организации промышленности стоит проблема рационализации; ибо международные объединения преследуют нередко цель не только коммерческого, но и технического улучшения. Пролетариат в принципе не против рационализации; но так же, как и за прогрессивную организацию промышленности он может высказаться за нее лишь при определенных условиях: рабочая сила должна быть охраняема от увеличенного физического и психического истощения соответствующим сокращением рабочего дня; успехи рационализации должны идти на пользу рабочим и потребителям в виде повышения заработной платы и удешевления цен; должна вестись борьба с безработицей, как следствием рационализации.

5.

В возрастающей степени привлекает к себе внимание рабочих и служащих положение сельского хозяйства. Подъем производительности сельского хозяйства улучшает жизненный уровень трудящегося сельского населения и облегчает обеспечение и повышение реального дохода промышленного населения. Он облегчает в то же время сбыт промышленных продуктов, а, следовательно, и преодоление кризиса. В качестве средств для повышения сельско-хозяйственной производительности имеют прежде всего значение: развитие техники, кредита, улучшение сбыта сельско-хозяйственных продуктов, особенно путем совместной работы сельско-хозяйственной кооперации с потребительской, лучшее международное разделение труда.

Мировые хозяйственные задачи, побудившие к созыву Женевской конференции, не могут быть исчерпаны этим однократным совещанием. Для приведения в исполнение постановлений мировой хозяйственной конференции, для дальнейшего развития ее работ, а в то же время и для развития международной хозяйственной статистики и конъюнктурных наблюдений должно быть создано Международное Хозяйственное Бюро. В совет этого Бюро должны входить, наряду с государствами, представители промышленных и сельско-хозяйственных производителей (работодатели и рабочие в равном числе) и представители потребителей. Сотрудничество с Международным Бюро Труда должно быть обеспечено взаимным представительством.

Среди книг и журналов

О МОЛОДОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Приехав из России, Л. Сейфуллина назвала эмигрантскую литературу чужой, иностранной. Она признает мастерство Бунина и Куприна, на произведениях которых, по ее словам, молодые советские писатели учатся писать. И все-таки оба эти писателя и для СССР — иностранцы. По существу говоря, ничего обидного в названии «иностранец» нет. По этому поводу можно было бы многое сказать, особенно для коммунистически, а, следовательно, интернационально настроенной Сейфуллиной. Но дело не в этом. Для советской России «иностранцами» являются и многие произведения, написанные в советской России: «Мы» Замятина до сих пор напечатано только на иностранных языках. «Повесть о непогашенной луне» Шильняка тоже оказалась «иностранной» и подверглась уничтожению, так что не попала даже в список напечатанных произведений в «Нов. Мир», где эта повесть была помещена «по ошибке». Слова из песни не выкинешь, — говорит русская пословица, а здесь даже и это не оправдалось. Самого писателя заставили публично назвать себя клеветником, а повесть совсем выкинули из списка живых. Не обидно поэтому и для эмигранта название иностранца в устах верноподанного советского гражданина, каковой является Л. Сейфуллина. История лучший судья, она восстановит в своих правах настоящих русских писателей и забудет очень многих, которые считаются теперь солью земли. А самой Л. Сейфуллиной ее слов можно и не ставить в строку: многое она говорит по неразумению и незнанию. Может быть, впоследствии Л. Сейфуллина (талантливая писательница) при живом прикосновении с иностранной жизнью и людьми, имеющими возможность думать

и писать более свободно и независимо, чем советские люди, рано или поздно освободится от узости своих взглядов.

Но даже и для советских читателей иностранная литература отнюдь не является враждебной, судя по тому, какой предьявляется на нее спрос в библиотеках советской России. Иностранная литература «контрабандным» путем удовлетворяет те потребности, которые не позволено обслуживать советским писателям. Правда, советские издательства всякую хорошую переведенную книгу портят своими предисловиями. Недавно, некто, «уставясь в землю лбом», в предисловии к роману Ромен Роллана «Мать и сын» изрек свое «изрядно» и посоветовал писателю поучиться пролетарской идеологии у советского «петуха». Но все это только лишний раз подчеркивает необходимость иностранного влияния для России. То, что культивируется большевиками теперь в России, может находить свое противоядие в иностранной литературе и в таких «ошибках», как напечатание повести Пильняка.

Моя тема — молодая литература. Но я не случайно начал со слов Сейфуллиной об иностранцах. Признаюсь, что, еще до ее приезда, я искал эти иностранные элементы в молодой эмигрантской литературе, но не как отрицательную, а положительную черту.

Наша молодежь, прожившая за границей семь-восемь лет, и только здесь по-настоящему вошедшая в жизнь, естественно, и свое творчество связывает с этой жизнью, а не с московской, или сибирской. Липь темы из времени детства и гражданской войны конкурируют с сюжетами из заграничной жизни в произведениях молодых писателей.

В этом отношении очень характерно письмо молодого писателя Евангулова, с которым он обращается к Ант. Крайнему по поводу статьи последнего в газете «Последние Новости» о рассказах, напечатанных в 29-ой книжке «Современных Записок». Евангулов указывает в письме, что критик затронул в своей статье вопрос, который имеет большое принципиальное значение для молодых беллетристов, живущих и пробующих свои силы за границей. Предоставим же слово самому молодому писателю:

«Ваше обвинение зиждится на том, что тема рассказов — экзотическая. Я считаю, что экзотика здесь не случайна, больше того: экзотика притянута к рассказу и эту канву, по которой вышит рисунок рассказа, авторы избрали потому, что она ближе, естественнее, для них, чем то, что Вы, очевидно, имеете в виду: русская жизнь. Скажу больше (буду говорить не от множественного числа), я завидую старшим писателям, которые могут орудовать старым бытом. Там больше простора, там больше данных, чтобы описать подлинным, близких нам героев. Они, стар-

шие писатели, наблюдали их, жили меж' них, изучали, болели и радовались их горестями и радостями.

«Но как быть нам, которые наблюдать то, может быть, научились здесь в эмиграции. Как нам быть, у которых окружение жизни — «за-граница», как быть нам, которым доступнее жизнь французов, негров, китайцев, чем тот быт — *наш*?

«Я с завистью читаю Бунина, который в «Митиной любви» воскресил недавнее прошлое, не как ушедшее, но и как существующее. Но Бунин это привез с собой, он привез в своей душе это сокровище.

«А мы? Что могли вывезти мы, если наша литературная индивидуальность сложилась здесь? Творчество Бунина еще сияет в той оправе, которая всегда, а в особенности теперь, была и будет нам дорога, — в оправе русского быта, не выдуманного. Но в этом быте для меня гораздо больше экзотики, чем в неграх, которых я встречаю в парижских кабачках. Потому что та Россия лишь снится мне, как прекрасное видение... Я не успел как следует осмотреться, ни пощупать себя и окружающих (не во сне-ли?) кто знал, что это будет лишь сон! Я ничего не вывез с собой, кроме ужасов гражданской войны и голода. А об этом дал зарок молчать — пока».

Прямота и искренность, с которой написано это письмо, убедительнее многих рассуждений на ту же тему. Но и сама эмигрантская беллетристика как бы подтверждает мысль Евангулова. Наиболее неудачными и искусственными являются те рассказы и повести, сюжеты которых как раз взяты из современной русской жизни. Это, конечно, не относится к старому поколению писателей. Я не знаю в советской литературе художественного произведения из эпохи революции, равного «Взвихренной Руси» Ремизова. Последняя часть романа Б. Зайцева «Золотой Узор», изображающая жизнь героев романа уже при советской власти, является подлинным, художественным изображением эпохи, а не простым бытовым рассказом времени. (К сожалению, «Золотой Узор» слишком растянут и последняя, лучшая часть его, теряется в этом романе). А шмелевская старуха («Рассказ про одну старуху»), своим русским духом может поконкурировать с Виррипеей Сейфуллиной; иностранкой эту старуху можно назвать только в том смысле, как и Командарма Пильняка из «Повести о непогашенной дуге».

Можно сказать уже и теперь, что внешне иностранный элемент преобладает у эмигрантской молодежи над всем прочим, а с течением времени, надо полагать, что сюжеты из жизни детства и гражданской войны совсем вытеснятся окружающей жизнью эмигрантов.

Наиболее крупная за последний год вещь — роман Вл. Сиряна «Машенька» — написана на фонѣ берлинской жизни.

Весь проникнутый воспоминаниями героя романа о России и о первой любви, автор преломляет это через призму человека, оторванного от родины и заброшенного совсем в другую среду. Новая драма того же Вл. Спрына «Человек из СССР», опять же из жизни берлинского пансиона, с каким то непонятым героем, не то авантюристом, не то «борцом за белое дело»...

В рассказе парижского писателя, Сосинского, «Устрицы», маленький человек, канцелярист, но идеалист, живущий своею любовью к «воображаемой» или действительной Анне, шлепает в своих низких туфлях по улицам не Москвы, а Парижа, ездит в метро, и умирает от «несчастной» любви где то около «Буль-Мишь», под строгим надзором консьержки.

Совсем чужими, иностранцами по быту, явятся для москвичей и молодые люди из рассказов К. Версилова. Все эти Павлики, Юрочки, Жоржика проводят время в кабачках на Монмартре, танцуют, бегают на киносьемки и, конечно, выглядят совсем иначе, чем всегдашатаи советских пивных. Но Версилов, живя в Париже, и не может дать в своих рассказах тип петербургского или московского напмана, или же дать героев из «Белых ночей» Ал. Толстого, — зато он с успехом описывает флирт бохатой русской парижанки с французом.

Нина Одоевцева сюжеты своих женских рассказов тоже берет исключительно из жизни русских в Париже, русских, принужденных за годы своего изгнания приспособиться к той обстановке, в какую они попали.

А. Воеводин дал несколько рассказов из жизни в Тунисе; там тоже русские, тоже свой быт, своя природа, совсем чуждые России. Е. Недзельский описывает жизнь русских в Констагтинополе («Дырочки в поясе») и сталкивает нашего беженца с турецким отношением к жизни. Наконец, Николай Болеспис забрасывает русского беженца на необитаемый остров («Случай из жизни мистера Вальдтона»).

Есть ряд рассказов молодых русских писателей, которые касаются жизни иностранцев: Георгий Евангулов в рассказе «Смерть Джона Хоппуса» дал тип негра, мима и итальщика на банжо. У Еленева есть прекрасное изложение пражской легенды.

Чтобы не быть неправильно понятым, я должен оговориться, что указываю только общую тенденцию эмигрантской литературы, т. к. у ряда писателей (Федорова, Плесскова, Долинского, Тидемана, Эфрона и др.) совсем отсутствуют не только иностранные темы, но и чужеземный фон. Они все еще своим творчеством или в гражданской войне или в своих детских и юношеских воспоминаниях родной страны.

Но насколько «иностранина» молодых писателей чужда и далека вообще русской литературе, как органическому целому,

несмотря на внешний яко-бы разрыв настоящего с прошлым? Что в этой «иностранине» действительно чужое и что русское? Ясно, что для русского, проживающего в СССР, рассказ, написанный русским беженцем о пасхе на экваторе, по своей фабуле, является иностранным, но таким же будет он и для эмигранта, осевшего в Праге. Точно также фон парижских рассказов совсем иной, чем фон рассказов, написанных на Дальнем Востоке и в Румынии. Дело, конечно, не в этом. Общее и для экваториального, и для парижского, и для пражского писателя — это оторванность от страны и преломление местной чужой жизни через призму пришельца. Помимо этого общего, есть и другое — все они русские люди, имеющие русскую душу. А это роднит их не только между собою, но и с советскими русскими писателями. Кроме того, вся эта литературная молодежь, несмотря на то, что одни живут на экваторе, другие в Шанхае, третьи в Париже, Берлине, Праге и т. д., исходят из русской литературы, на ней воспитаны, и под ее влиянием живут и творят. И этой связью с родной литературой молодежь особенно дорожит. Поэтому «русский дух» крепко сидит во всех эмигрантских рассказах, как неискореним он и во всех русских беженцах, что уже подсмотрели иностранцы; большинству из них это не нравится, потому, что русский дух слишком своеобразен, меньшинство же подсмеивается, или, как бывает реже, влюбляется в русские «чуждачества».

Однако Сейфуллина и ее единомышленники могут, и вполне основательно, съюзить постановку вопроса и указать, что эмигрантские писатели, прожившие вне России десять лет и не участвующие непосредственно в ее жизни, в том новом ее проявлении, которое началось после свержения старого режима, естественно-чужды российской современности и не смогут отобразить ее в своих произведениях. Против такой постановки вопроса трудно что либо возразить, молодые же писатели на это даже и не претендуют.

Конечно, для большого и настоящего художника «законы не писаны». Ромен Роллан, написавший роман «Мать и сын» из эпохи мировой войны, сам в эту эпоху во Франции не жил, хотя с подлинным мастерством описал жизнь французов в это своеобразное время. Можно ожидать и от русского эмигранта художника такого произведения, которое, будучи написано не на основании непосредственного наблюдения советской жизни, будет вместе с тем художественным обобщением современности и останется одним из подлинных отображений нашей эпохи.

Что же касается рядовых наших эмигрантских писателей, то они вносят в нашу русскую литературу то, что они могут дать по своему положению и таланту. И как нельзя выкинуть из русской истории десятилетнего пребывания за границей мил-

лиона русских людей, с огромным процентом среди них интеллигентов, так нельзя отрицать и того особого вклада в нашу культуру, в частности, в нашу литературу, который будет внесен этими русскими людьми. Этот вклад должен явиться тем элементом будущей культуры, который так яростно большевики преследуют, и за который ведется борьба и внутри советской России независимыми писателями. Большевиками отрицается право писателя непосредственно отображать жизнь, т. е. творить так, как подсказывает ему его непосредственное художественное чутье. Пильняк не имел права изобразить подсмотренную им драму человека, которого самодурство партийной дисциплины заставляет ложиться под нож хирурга. Романов не имеет права рассказать о самодурстве комсомольского коллектива. Никандров подвергается нападкам за изображение пролетарской писательской среды со всеми ее художествами. Социальное задание, социальный заказ — в понимании людей власти, — вот что дает на свободное творчество в советской России. Зарубежный русский писатель в этом отношении совершенно свободен. Правда, как всегда, крайности сходятся; и в эмиграции, со стороны правых, есть попытки, иногда не безуспешные, влиять на сочувствующих им писателей тоже с точки зрения «социального заказа». Нашумевшая история с протестом по поводу романа Е. Н. Чирикова «Зверь из бездны» по существу ничем не отличается от истории Пильняка в Москве, хотя, естественно, формы воздействия на писателя были различны. Нужно признаться, что, если не устоял Пильняк, то не проявил выдержки независимого писателя и Чириков. В своем «Последнем слове обвиняемого», он, как писатель, оправдывается перед своими обвинителями и утверждает, что в его белогвардейцах, хотя и отрицательных типах, всетаки можно найти и положительные человеческие черты в то время, как у большевика Ермишки показаны исключительно звериные свойства.

Но пример с Чириковым совершенно не характерен для всей эмигрантской литературной атмосферы и особенно для молодой части ее. У молодого автора, И. И. Тидемана, по своим политическим настроениям совсем не левого, в рассказе «Концы» и красный и белый офицер одинаково мужественно и красиво умирают.

Вот этой своей независимостью в творчестве должны дорожить молодые русские, оказавшиеся за рубежом. Если на нас, всех эмигрантах, лежит обязанность за время своего пребывания за границей приобрести такой культурный капитал, который потом мог бы быть реализован на родине, то и на писателя возлагается своя специфическая задача: работать в своей области независимо, без всяких указаний со стороны политики, воспитываясь не только на традициях богатой русской литературы,

но и мировой. А при сохранении свободного духа, наше несчастие — вынужденное изгнанничество — может послужить одним из больших факторов нашего культурного возрождения в направлении общечеловеческого прогресса.

Но какой, в общем, актив молодой эмигрантской литературы и что можно из нее выделить, как оригинальное, или же по своей художественной ценности стоящее выше массовой беллетристики? Каждый из наших «стариков» писателей может предъявить достаточное количество своих произведений, написанных и напечатанных в эмиграции. В общем, из этих произведений можно составить небольшую библиотеку, в сорок-пятьдесят таких книг, которые они с полным правом могут привезти в Россию и предъявить, как оправдание жизни русских писателей за границей. Но, к сожалению, в этой библиотеке молодые писатели, начавшие литературно работать только в эмиграции, занимают совершенно ничтожное место.

Но это отнюдь не означает, что литературная молодежь не работает. Всякий, имеющий соприкосновение с этой молодежью, может засвидетельствовать обратное. Литературные кружки в различных центрах русской эмиграции, литературные курсы, а также редакции не могут пожаловаться на отсутствие молодых сил, которые не хотели бы своим трудом пробиться в литературу. Я не случайно сказал «пробиться», потому что в эмигрантских условиях, надо признать, жизнь мало способствует выращиванию новых литературных сил. С одной стороны, старые писатели, с именами, естественно, заполняют страницы немногочисленных эмигрантских журналов, а, с другой стороны, и эмигрантских журналов очень мало. Только в последних книжках «Современных Записок» немножко приоткрываются двери для молодых: там появились рассказы Евангулова «Смерть Джонсона Хоппуса», Щербакова «Корень зла», Сирина «Ужасъ». Рижские «Перезвоны» за два года своего существования напечатали только два рассказа Роцина («Дед», «Крестьянский сын»). Журнал «Воля России» въ 1926 и 27 г.г. напечатал Недзельского «Дырочка в поясе», Газданова «Повесть о трех неудачах», Сосинского «Ita vita», Федорова «Кузькина Мать» и ряд стихов пражских и парижских поэтов. Кроме того «Воля России» приняла к напечатанию ряд произведений молодых писателей.

«Звено», будучи очень строго в своих критических статьях, в беллетристическом отделе предпочитает, повидимому, особый жанр, а потому из молодых в этом журнале печатаются преимуще-

пественно Версиков, Одоевцева, Засекин. И только временами «Звено» разнообразится литературными конкурсами.

«Студенческие годы», превратившись просто в «Годы», стали милостивее к студентам, и в 1926 году напечатали рассказ Гриненки «Собака», Вяч. Лебедева «Аталама», Воеводина «Путь прямой», Федорова «Роман с сапогами», Чхеидзе «Вовочка», Рубанова «Случай, который я записал» и Ю. Мценской «Волосы сирены».

И даже журнал «Своими Путиами», более других претендовавший на помещение произведений «молодого поколения» и «за подписью мало кому известных имен», в своих тринадцати номерах поместил очень мало беллетристических произведений, а кроме того эти вещи, к сожалению, или микроскопические рассказы, не дающие автору возможности себя показать, или же ничтожные отрывки из повестей и романов. Среди них — Иванов «В степи», Болеспис «Случай из жизни мистера «Вальдона», Газданов «Гостиница будущего», Еленева «Гость», Б. Сосинский «Устисып», Долинский «Предел», Тидеман «Концы», Эфрон «Видовая», Воеводина «Корпусное заведение»..

Брюссельский «Благонамеренный» в своих двух вышедших номерах отнесся милостивее других к молодежи. Там были напечатаны: Бр. Сосинский «Последний экзамен», Соболев «Москва», Еленев «Синагога», С. Эфрон «Тыл», Г. Цебриков «Три рассказа».

Если к этим названиям рассказов и отрывков, напечатанных в различных журналах, прибавить небольшое число рассказов, появившихся в газетах, два-три рассказа в сборнике «Ковчег» («Ольга» Воеводина и «Тиф» Эфрона), а также выпущенный отдельной книгой роман Сирина «Машенька», то этим будет исчерпана почти вся напечатанная проза наших молодых писателей.

Я не беру на себя неблагоприятной задачи указать здесь, кто из перечисленных здесь молодых обещает быть настоящим писателем, и кто из них просто «пописывает» без всякой надежды на будущее. Права З. Н. Гиппиус, когда говорит, что подобного рода догадки ничего не стоят (обращаю особое внимание молодых писателей на ее статью «Два разговора с поэтами» в журнале «Звено № 159 за 1926 год). Человек с талантом найдет себе дорогу и без догадки критика. Верно также утверждение З. Н. Гиппиус, что талант не есть однородный дар, а некоторое сочетание и взаимодействие двух даров. «Дар собственно «слова», умение находить слова и удачно соединять, как бы велик он ни был, еще не делает из стихотворца — поэта, необходимо присутствие и другого дара, который можно бы назвать даром «самого я». Лишь в соответствии с ценностью последнего, приобретает значение и первый дар». Это сказано поэтом — З. Гиппиус,

в применении к поэтам, но это же можно повторить и о прозаиках. Написание самого маленького рассказа состоит не только в описании пережитого, виденного или слышанного, но незаметно для самого автора, выявлении и своего я в этом рассказе. Вот почему фотографии в живописи и в литературе мы не считаем художеством. Приведу еще одно утверждение З. Н. Гиппиус о будущности писателя: «кажется, есть один верный знак. Но не для нас, со стороны, а для Вас самих, молодые поэты. Смотрите на вашу любовь и на вашу волю, только, — а не на наши гадания. Очень любите? Очень хотите писать? Значит, есть задаток. По неотступности вашей увидите, что дано». — Писательский дар не позволит себя законать, он будет неуклонно толкать к работе, к выявлению себя. Этот дар можно сравнивать с сократовским демоном, который будит писательскую совесть и дает художнику жить только «заботами суетного мира». Если брать примеры в этом отношении из нашей современной литературы, то можем указать на Е. И. Замятина и К. М. Тренева, которые после первого дебюта прерывали свою литературную деятельность и всетаки потом, через семь-десять лет, как настоящие художники, вернулись к ней.

Поэтому не будем и мы «гадать» о нашей молодежи, а предоставим ей самой решать вопрос о своей будущности. Талант и труд — заменят здесь роль критиков. Чисто же внешние препятствия — боязнь некоторых редакций неизвестных имен, отсутствие чутья у редакторов, трудность издания самостоятельно сборником своих вещей преодолеваются общими условиями или счастливыми случайностями.

Я ограничусь тем, что остановлюсь лишь на нескольких авторах, которые уже успели достаточно показать себя и имеют свою писательскую индивидуальность. К таким авторам я причисляю Бр. Соснянского (Париж), Вл. Сирина (Берлин) и Г. Федорова (Прага).

Вполне по заслугам Бр. Соснянский получил премию на первом конкурсе «Звено» за свой маленький рассказ «Алайд». Тему его автор определяет так: «Рассказ мой о скуке заштатного города, о людях, оставленных жизнью с носом, о локоне волос, перевязанных голубой лентой, и больше ни о чем. Рассказ мой вырезан перочинным ножиком на старой скамейке загородного парка. Рассказ мой о любви. Любовь гимназиста в уездном городке к проходящей Алисе».

Другой его рассказ — «Устрисын», — тоже небольшой, написанный на тему о несчастной любви, донкихотстве и маленьком человеке — канцеляристе. «Последний экзамен» во втором номере журнала «Благонамеренный» написан в том-же стиле, что и первые два рассказа. Все они прекрасно сделаны, с тонкой разработкой мелочей и подробностей, без каких бы то ни

было пошлых образов, sentimentalных отступлений. У него в руках достаточно тонкий резец, который без шаблонок вырезает собственный рисунок, и даже в мелочах своеобразный.

Но всетаки самым значительным и лучшим рассказом Сосинского мне кажется его рассказ «Ita vita» («Воля России», № 4 19226 год.). Сюжет рассказа из эпохи гражданской войны. Здесь ярко и живо изображены психология офицера-юноши и кусочек гражданской войны.

Мне кажется, что автор, без всякой фальшивой натянутости одними только штрихами рисует коллизию между непосредственным юношеским жизнеощущением и нравами гражданской войны. В рассказе нет ненужных нагромождений и собственных рассуждений. Отсутствие тенденциозности и мастерство работы, хотя еще не совсем уверенное в себе, ставит этот рассказ в ряд настоящих художественных произведений. Если бы я дал зарок не говорить о будущности молодых писателей, то о Сосинском, без особого риска высказал бы свои «гадания».

Но всетаки лучше без этого.

Вл. Сирин, один из всех молодых писателей, имел возможность напечатать большую вещь — роман «Машенька». Эмигрантской печатью роман был принят восторженно. Мих. Осоргин в «Современных Записках» признает это произведение «одной из прекраснейших повестей, написанных в эмиграции». В «Руле» было два очень лестных отзыва, причем в образе Машеньки была усмотрена сама Россия. Но это совсем напрасно. Конечно, никому не возбраняется усматривать в образах художественных произведений все, что нравится, но думается, что для самого автора дело обстоит проще.

В своем романе Сирин переплел два мира: юношество, жизнь на родине и эмигрантскую канитель жизни, в ее берлинском пансионном быте. С одной стороны, тусклые, нудные мелочи этого быта, с другой, воспоминания о первой любви в деревне. Резко подчеркиваются контрасты того и другого.

Всеми нашими критиками признано, что роман написан «с литературным умением», «гладко», «с редкой простотой» и «хорошим литературным языком».

Тоже самое можно сказать и о целом ряде мелких рассказов Вл. Сирина, напечатанных в «Руле»: — «Возвращение Чобра», «Пассажи», «Драка», «Путеводитель по Бирлену», «Сказка», «Бритва» и др. Все они сделаны хорошо, но как то не запоминаются образы автора, выражения и вся манера стиля. Автор весь в традиции, в культуре прошлого. Его собственный стиль, его индивидуальность как бы поглощены тем, что он в изобилии получил от воспитания. Но положительное в авторе то, что он живет в окружающем. Он отыскивается на все, наблюдает глазом художника Берлин, с его «вещами» и жизнь соотечественников, и нем-

цев, и все, с чем сталкивается. А это лучший залог жизни и самого творчества писателя.

Одним ударом — своим рассказом «Кузькина Мать» — Г. Федоров выдвинулся из толпы молодых писателей. Я не буду излагать этого рассказа, напечатанного в апрельской книжке «Вопли России». Несмотря на богатый бытовой материал рассказа, автор не соблазнился чистым бытописанием, но сумел выдержать своеобразный, «под Гоголя», стиль рассказа и дать захватывающее читателя повествование. Как раз в тех местах рассказа, где молодой писатель мог бы увлечься описаниями и подробностями, Федоров иронически обрывает себя и спешит с развертыванием сюжета. Первый дебют Федорова на редкость удачный и позволяет говорить о нем, как о сложившемся писателе.

Я сознательно оставил в стороне молодых поэтов. Их в эмиграции больше, чем прозаиков. Но о них — отдельно.

С. Постников.

ХОРВАТСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК В РОССИЮ *)

(Miroslav Kaleza Izlet u Rusiju Zagreb 1926)

В Россию едут сейчас с трудом и опаской; «окно в Европу» защищено решеткой, а входы тщательно охраняют «стражи пролетарской революции» с винтовкой в руках. Не то, что человек, едущий в Россию, всякая книга, направленная туда, подвергается придирчивой и строгой цензуре. Один мой хорватский приятель вот уже несколько лет стремится туда попасть; он пишет ценную научную работу о русской литературе, совсем не политическую, но все его просьбы остаются безрезультатны. «Ваше дело совершенно безнадежно», сказали ему недавно в одном «Полпредстве» вполне категорически; а он еще и человек, «сочувствующий» «рабоче-крестьянской». Имел он книгу Румянцевского музея, чисто литературную; изучил, использовал, и послал по почте в Москву. Месяца через два вернулась: «pop admis» (не допущено). Едут теперь в Россию вроде как в Московию; и описания путешествий в Европе читают, как Флетчера и Гербенштейна в ХУ1 или Океария в ХУ11 в. А вот другого моего в некотором роде тоже «приятеля» Мирослава Керлежу в СССР пустили и приняли отлично. Керлежа, повидимому, не является официальным коммунистом, но человек он несомненно и определенно «сочувствующий», «примыкающий» и «поддерживающий». В своем журнальчике «Knjzevna Republika» (Литературная Республика) он усиленно восхваляет и пропагандирует Ленина. В первой половине 1925 г. он попал в Россию и провел там несколько месяцев. вернулся в состоянии, близком к восторгу безумия...

Его фельетоны о России, печатавшиеся либо в его бунтарском журнальчике, либо в весьма буржуазной и монархической загребской хорватской газете «Обзор» читались на расхват: его лекции о России же слушали тысячи народа и множество людей на них, за недостатком места, не могли попасть. Исправив несколько своих фельетоны, Керлежа издал их отдельной книжкой, которую Вы теперь можете

---

*) Мирослав Керлежа. Экскурсия в Россию. Загреб 1926, стр. 150.

найти на столе чуть не каждого загребского интеллигента: ведь тема захватывающая, да и сам Керлежа талантливый писатель (род. 1893 г.), выдвинувшийся особенно своими военными повестями и рассказами, удивительно жизненными, написанными сочно и страстно. Именно война сделала Керлежу врагом несовершенство современного строя, но она же к сожалению толкнула его в лагерь если не партийных коммунистов, то друзей большевиков и советского коммунизма. Нас, русских, в его книге не может интересовать и убедить его «большевизанская» тенденция, как русских не интересует целый ряд для югославянских читателей весьма интересных красочных страниц, посвященных, в частности, специальным проблемам его страны. Но чисто художественные переживания и впечатления, полученные им, человеком со стороны, талантливым и зорким, от русского быта во всяком случае интересны: Керлежу потрясли русские железнодорожные рестораны, московские рыбные ряды, и вообще пищевой рынок и лавки. Почти по Гоголевски, захлебываясь и видимо понимая толк в яствах, Керлежа повествует о стерляжьей ухе, рябчиках, пирогах, пирожках и кулебяке, икре и рыбах. Россия опять начинает вкусно есть, и поэзию русского стола сумел схватить и передать Керлежа. Но когда он запальчиво нападает на тех, кто говорит о голоде и недоедании значительной части России, Керлежа выходит из роли объективного наблюдателя и преувеличивает значение и захват своих наблюдений. Он видел много книг и сделал из этого тоже сильно преувеличенный вывод, будто Россия страна, где особенно много читают.

Но в чем он вполне прав, так это в оценке отношений русских к времени, для нас «время не деньги», будь мы «Советские», антисоветские или нейтральные. Картина того как он несколько дней безуспешно ловил кого то, как заседание, долженствовавшее начаться днем, началось вечером, и как наконец, заполучив знакомого, он с ним проговорил много часов — пока его искали и не находили в условленное время, картинка эта написана с большим юмором. Характерна и другая картинка, как в Москве остановились десятки трамваев из-за того, что какие то «комбарышни» лепили в трамвае марки «Мопр-а», а кондуктор их хотел за это высадить вон, тысячи людей теряли время, а в злополучном вагоне велась отчаянная «дискуссия», восхитившая нашего автора. Очерк «Социальной Мимикрии» в пути Рига — Москва очень удачен. Живо изображены немецкий крупный буржуа и его толстенная супруга, неожиданно примазывающиеся к едущим в Москву немецким коммунистам, актриса, пудрящаяся из золотой пудреницы с надписью «пролетарин всех стран соединайтесь», «нэпман», умиляющийся над самым воздухом «нашего СССР». (почему этот воздух действительно благодать для нэпмана, Керлежа или не задумался, или, вернее, не пожелал поделиться с читателями своими наблюдениями и размышлениями). «Нэпманов» автор изобразил вообще только вскользь, но эти строчки из очерка «Театральная Москва» стоит перевести целиком:

«Возвращаетесь домой после какогонибудь старого царского (?) балета, через центр Москвы от Петровки по направлению Кузнецкого Моста ..... и все Вам представляется реконструкцией мертвого исчезнувшего времени. Еще несете в себе огромный театральный полутемный простор, золотые ложи, пахучую полутьму, пение гуслей и скрипок, сладкий запах румян, движение актеров, звук оркестра, белое сияние нот на пюпитре и черный силуэт дирижера во фраке, а около Вас мчатся автомобили, освещенные, лакированные, с какими-то белыми женщинами в мехах и толстыми господами. Как сейчас с балета возвращаются нэпманы, так некогда возвращались толстые фабриканты кожи, сукон и пива, биржевики и высокое дворянство (курсив мой). Сквозь туманные и грязные улицы в теплые, украшенные медведями и деревом комнаты, где уже дымятся самовары и ждут слуги с закусками на серебряных подносах. Горят электрические лампы почти на выставках с модными восковыми манекенами, туалетными принадлежностями, драгоценностями и золотыми браслетами, а перед освещенной темнокрасной и оранжевой пестротой какого-то восточного ковра стоит женщина и играет на арфе».

Не правда ли, сказка из тысячи и одной ночи, золотая сказка «Нэпа» и «первоначального накопления». Если нэпманы только мелькают в очерках Керлежа, то коммунисты «хозяйственники», люди из Джека Лондона, по его выражению, изображены во весь рост, и мы видим живыми тех мощных «рвачей», которые с трудом выпустят из рук кормило правления и хозяйства огромной богатой страны. Имеют они и свое окружение, не столь благоденствующее, но все же сильно поднявшееся по лестнице, если не социального достатка, то социального самочувствия и вместе с некоторыми элементами Красной Армии (часть командиров, войска ГПУ), составляющих довольно надежные кадры охранителей режима. Какого? На это Керлеж прямо не отвечает, но даже из его книжки видно, что вполне буржуазного (в экономическом смысле).

Мы далеко не исчерпали богатого содержания Керлежиной «Экскурсии в Россию». Но, если иметь к ней ключ и дать его югославянским читателям, то эта любопытная книжка вместо поддержки и оправдания коммунистического опыта, даст помимо чисто художественной стороны, еще и достаточно данных для правильного понимания и оценки режима власти так называемой «рабочих и беднейших крестьян».

Алексей Елачич.

Загреб, 1926 г.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

Проф. П. Лященко: «История экономических учений». Издан. 3-е, дополненное. Стр. 332. — Изд-во Прибой. Ленинград, 1926 г.

Новый труд проф. Лященко, автора десятка крупных работ по экономическим вопросам, — вышел третьим изданием, появившись впервые в 1918 году в форме курса лекций, записанных студентами. Новое издание, подвергнутое автором переработке, в целях удовлетворить спрос не только студентов, но и широкого читателя, является чрезвычайно современным, заполняя зияющий пробел в русской литературе по истории политической экономии.

Автору удалось в краткой, скажем, поскольку это допускает графтовка учений Смита, Рикардо, Маркса, но в ясной форме, дать довольно полную характеристику мировоззрения важнейших теоретиков политико-экономической мысли, обрисовать основные направления последней и указать значение каждого из них в общем прогрессе экономической теории.

П. Лященко в основу построения своей работы положил единственно правильную мысль, что

история экономических учений должна быть «историческим методом разрешения основных проблем политической экономии» и, в частности, социальной проблемы. По характеру разрешения последней, вся экономическая мысль делится на два господствующих направления: буржуазное и социалистическое. В соответствии с этим и автор свой труд разделил на 2 части: часть 1-ая — буржуазные экономисты, часть 2-ая — социализм. И та, и другая половины, хотя автор является марксистом, нашли одинаковое внимание, получили правильное выражение по их удельному весу в истории экономической мысли. Единственным недостатком книги является отсутствие учения русских экономистов, как Чернышевский, Туган - Барановский и др. Книга от этого на несколько десятков страниц увеличилась бы, но за то историческое русло экономической мысли предстало бы перед читателем полноводным, вмещающим и русский поток.

Во всяком случае, книга может быть рекомендована для прочтения каждому, и специалисту и рядовому читателю, — как во-

вейшее руководство по истории политической экономии. Первая часть книги начинается меркантилизмом и заканчивается математической школой; вторая — социализм, — открываясь главой об утопическом социализме Ф. Мюнцера и Т. Мора, заканчивается учением ревизионистов Гильфердинга и Р. Люксембург. К книге приложена синхронистическая таблица историко-экономических событий, появления экономических учений и выхода в свет печатных трудов.

Г. Радченко.

Н. О. Лосский. Свобода воли. Стр. 182. УМСА-Пресс. Париж. 1926 г.

«Чешскому народу, давшему мне возможность продолжить философскую работу в годы изгнания», посвятил Н. О. Лосский свой новый трактат о свободе воли. Как и все, что вышло из пера автора «Оснований интуитивизма», эта небольшая книга полна высшей мудрости, облеченной в кристально-ясную и кажущуюся простой форму. Значительность философских построений Л. делает обязательным изучение его и для противников идеалистического восприятия мира и отнюдь не для того, чтобы на сильном противнике испытать правоту своих верований. Религиозный, в лучшем смысле слова, рыцарски честный с мыслью, Лосский принадлежит к тем, кто закладывает фундамент нового мировоззрения, имеющего поглотить кажущуюся теперь непре-

одолимой пропасть между старым и новым, метафизическим и научным пониманием бытия. Только тупая злоба к «купельным словам» «царство духа», «бог», «абсолютное», «метафизическое» может побудить на отказ от урезумения прекрасной и стройной философской системы Л. Детерминизм объединяет и прощает мир, полагает Л., «детерминизм страшнее фатализма», напоминает он слова Ноэля: против фатума я могу, по крайней мере, посылать проклятия. Свое разрешенные проблемы воли Л. (по совету Ф. Ф. Зелинского) называет **арбитрализмом**, взамен отрицательного и, поэтому неопределенного, термина «индетерминизм».

«Где окаменеет жизнь, там вздымается башня закона, — приводит Л. бунтарские слова Ницше. — Арбитрализм не подчинение закону, но исход из ценностных оснований». Миру и человеку не присуща *ascitas* (бытие, получившееся от себя самого): «Творец Бог, но зло не от Творца». «Бог содействует добру не путем магического внедрения в сферу нашей воли, а путем таких действий, которые вдохновляют на борьбу со злом, внутренне укрепляют, утешают, воспитывают, не нарушают свободы нашей».

Душевно-материальное царство есть царство вражды, но мир иерархичен и полнота материальной свободы доступна членам царства Божия: «в их распоряжении находится бесконечная творческая сила для осуществления бесконечного равно-

образия красоты, добра и обретения совершенной истины».

«Если бы Бранд, покинутый всеми в горах, понял сердцем своим, что Бог есть любовь, вступить бы ко всему миру в отношение благостного притяжения его, то тело его преобразилось бы и горный обвал не раздавил бы его: камни и глыбы льда пронесли бы сквозь него, а он, непоколебимый, стоял бы на прежнем месте... как радуга недвижно стоит в брызгах водопада среди бешеной суеты капель воды».

Какой то современный русский схоластик поспешил донести, кому ведать надлежит, что иерархичность в понимании Лосским мира обуславливается скрытым монархизмом изгнанного философа. Но с большим правом он мог бы обвинять Энгельса в крепостничестве за «оправдание» исторической миссии античного рабства. «Волевой, динамический момент» арбитрализма Лосского делает его родным и понятным, чающим преобразования земного царства. Не случайно от контингентизма исходили учителя французского революционного синдикализма.

Столпник.

Проф. М. А. Курчинский. Основы экономической науки. Курс лекций. Часть первая. 1926, стр. 200. (25. XI. 7).

В предисловии к своему курсу М. А. Курчинский подчеркивает его учебно - педагогические, в первую очередь, цели: несмотря на большое количество руководств по пол. экономии, реко-

мендовать слушателям подходящую книгу, по мнению автора руководства, не так легко; курсы М. И. Туган-Баранвского и Д. Я. Железнова прекрасны; но первый его не удовлетворяет, второй мало доступен за границей. Вряд ли М. А. Курчинский прав, считая, повидному, необходимым для студентов учебники. Высшая школа отличается от средней прежде всего тем, что студент сразу приобретает к научной работе. И прав был покойный А. С. Посников, заставлявший первокурсников браться за изучение классических памятников экономической науки. Современное же систематическое изложение ее имеет научно-образовательную ценность лишь в том случае, если у систематизатора имеется и собственная система.

К сожалению, почтенный экономист, бывший приват-доцент Петербургского Университета и преподаватель Александровского Лицея, в первой части ответственной работы, им теперь публикуемой, лишь пытается добросовестно и довольно безобидно раферировать взгляды представителей разных экономических школ, почти игнорируя глубокий кризис, переживаемый экономической наукой, и лишь намекая на новые пути, для нее открывающиеся при ее сближении с антропологией и социологией и социальной философией. Автор наибольшее внимание уделяет изложению взглядов немецких экономистов (и то, главным образом, старых поколений), отчасти английских, обходя молчанием и американцев и итальянцев, и молодых русских.

ученых; для всех их не нашлось места ни в тексте, ни в довольно случайных библиографич. справках, заканчивающих каждую главу; есть Платтер и Штольцман, но нет Кларка, Петтера, Веблена, Парето; есть П. Маслов и, конечно, сам М. А. Курчинский, но нет В. Штейна, С. Первушина, Л. Юровского.

Изложение курса гладкое, хотя и встречаются выражения, вроде: «развитие техники производства, **страшно (!)** повысившее производительность труда», (стр. 6). —

М. А. Курчинский когда-то выпустил переводы книг Зомбарта, Эберга. Было бы гораздо производительнее для экономическ. науки, а, пожалуй, и для его издателя, если бы, вместо продолжения своего курса он вернулся к переводам. Многoму бы научились даже патентованные экономисты, ознакомившись хотя бы с коллективным трудом молодых американских ученых, объединенных Тэгуэном. «Куда идет экономика»? — Мы, конечно, не смеем настаивать на нашем совете пр. Курчинскому, но не рекомендуем тратить время на чтение его «курса».

Ф. Релейников.

М. Н. Куфаев. История русской книги в 19-м веке. С рисунками, Культ.-просв. из-во «Начатки знания». Пр. 1927. Стр. 354. (20-1-2 — 15). — 3 р. 1.800 экз.

История печатного слова — один из значительных отделов истории культуры. В России печат-

ное слово излюбленной формой своей имело книгу, а культура наша, по преимуществу, была книжной. Книга не только опережала другие выявления культурной жизни, но и стремилась заполнить отсутствие в стране некоторых форм культурной жизни, или же восполнить прозябание других.

Приходится все же сожалеть, что автор разбираемой книги не подошел шире к теме, не дал истории печатного слова во всей полноте. Другое сужение темы — (во времени) — он, отчасти, не купил, дав вводную главу о книге 18-го века и связал себя обещанием особую работу опубликовать о книге в первой четверти 20-го века.

В пределах же, себе поставленных, М. Н. Куфаев уделил внимание и внутренней сущности книги, и ее убранству, проследил рождение книги и этапы ее пути; цензура, типография, лавка, библиотека, читатель, книговедение. Историю книги он рассказал доступно и занимательно, вместив, однако, в труд свой множество фактов и цифр. В примечаниях он указал использованные им источники, весьма тщательно подобранные и свидетельствующие, что книга явилась плодом серьезного изучения предмета. Голько напрасно автор склонен к дидактизму: лишними нам кажутся формальные определения книги, истории книги и т. п., схемы изучения книги, классификации книговедения. К тому же вопросы эти преподаны наивно-догматично, хотя книга, в целом, достойна быть прочтенной и не

только читателем «из народа».

В заслугу автора должно быть поставлено освещение истории книг подпольных и запретных. Очень красноречивы некоторые статистические данные, приводимые М. Н. Куфаевым. Так, мировая книжная производительность за 19-ый век оценивается в 6 мил. 100.527 названий, из них на долю России падает всего 230.000 книг. Но за последние десятилетия прогресс книжного дела в России чрезвычайно разителен; — Вышло книг:

	1890 г.	1913 г.
Германия	18.975	35.078
Франция	13.643	10.758
Соед. Штаты	4.559	12.230
Англия	5.735	12.379
Россия	8.638	34.006

А между тем, еще в 1901 г., Россия выпустила только 10.318 книг.

М. Н. Куфаев подчеркивает и качественный рост русской книги, русского читателя. И, конечно, приходится с автором согласиться. Из учившейся, русская литература превратилась в учащую. На смену читателю - меценату пришел читатель массовый. Обрела свое лицо и русская книга.

Д. Градарев.

ЯК. ЦВИБАК. МОНМАРТР. ПАРИЖ 1927 г. Изд. Поволоцкий, стр. 157.

Изящно изданная книжка Як. Цвибака «Монмартр» — небольшой блокнот впечатлений и переживаний. Автор и сам так относится к своей работе: «Эта книга не претендует ни на новые открытия, ни на историческую прав-

ду или полноту. Это простые заметки фланера, любящего старые улицы и их историю», пишет Як. Цвибак в своем предисловии. Приятно, что такой подход автора неизбежно влечет неполноту, случайность подобранного материала и исключительную субъективность освещения и его передачи.

На протяжении всей книжки, автор стремится воскресить старый, подный своеобразного очарования, давно несуществующий и почти забытый Монмартр. Монмартр—тихую деревушку на холме, высоко над Парижем, утопающую в зелени виноградников, украшенную тремя десятками мельниц, теперь снесенных церковью Петра, ныне покосившейся и потемневшей, старым аббатством, кладбищем Кальвер, теперь забытым, заброшенным, каменоломнями, в дни революции скрытыми Марата.

Время изменило не только внешний вид Монмартра, оно уничтожило смысл, своеобразие монмартского быта, заглушило оригинальный темп жизни старого Монмартра. Автор знает этот ушедший мирок и любит его. Очень интересна, особенно для нас русских глава, посвященная И. С. Тургеневу, его жизни на улице Дуэй.

Наиболее занимательны и удачны пять последних глав книжки. С большим увлечением автор рассказывает в них о художниках, писателях, артистах Монмартра и о тех подлинно художественных кабаре, которые зародились на Монмартре и исключительным дарованием своих руководителей создали новый жанр искусства.

Ярко, красочно передает автор типы артистов; образно рисует внешнюю обстановку кабаре. Но и их не пощадило время. Вместе со старым Монмартром, превратившимся в один из бесчисленных кварталов большого шумного города, исчезло его искусство, замененное предприимчивыми антрепренерами роскошью мюзик-холей и многочисленными кабаре с плоским и пошлым репертуаром, рассчитанным на современный вкус клиентов Кука и подгулявших парижан.

Книжка Як Цвибака вызывает у читателя интерес к старому Монмартру и уничтожает то неприятное чувство разочарования, которое испытывают многие, попадая впервые на современный Монмартр. — Бигаля и Клиши.

А. С.

«ПРОЛЕТАРИИ», — художественно литературный альманах. Изд. «Пролетарий», 1926 г.

Новиков-Прибой открывает альманах повестью: «Женщина в море». Эта повесть, занимающая треть толстой книги в 400 страниц, ложится ненужной тяжестью. «Женщина в море»; местами, правда, занимательная, в целом написана плохо, растянуто, лубочно. Типы матросов, несмотря на все старания автора, не живут, остаются восковыми куклами. Развязка — раскаяние матроса Бородкина — психологически не обоснована и, после того, как прочтешь последнюю, заключительную фразу: «За бортами «Октября» загадочно вздыхала безд-

на», остаешься в недоумении: и зачем нужно было автору ради этих «загадочных вздохов» исписывать 126 страниц.

«Измена», ненапечатанная глава из «Конармии» И. Бебеля, великолепна. Как и во всей «Конармии» в «Измене» Бабель сжат, четок, отточен. Из всего рассказа, как из хорошего стихотворения, нельзя выкинуть ни одной фразы, ни одного слова. Его герои, казаки станицы Иван Святой Кубанской области, воплощение того своеобразного реалистического романтизма, которым полон весь Бабель.

«Эпизод 1905 года» Н. Асеева написан, как и все последние вещи этого поэта, неровно. Наряду с очень хорошими строками, как например, о Каляеве:

Ты почувствовал времени вес,
Поднимая снаряд над камнями.

Или:

Вышел вечер суров и багров.
Долго слизывал рваные раны,
Долго слушал, как грохал

погром,

Как бульваром шатало каштаны.
И под корнями этих деревьев,
К непомерному времени глухи.

И вдруг, после «непомерного времени» внезапный срыв:

Улеглись сын швейцара
Шкарев,
Сын конторщика Федор
Мухин.

(Асеев разбивает свои строки: 1) по рифме и 2) по цезуре. Я, ради сохранения места, переписал его стихи разбивая их, как разбивают обыкновенно, только по рифме. — А. Л.).

Кстати, как пример небрежности, столь характерной для Асеева, — Мухин, в начале стихотворения назван не сыном конторщика, а сыном вагонного сцепщика.

Стихи Б. Пастернака, посвященные, как Асеевские, русскому революционному движению, лучше из всех, какие ему приходилось печатать за последние два-три года:

Это было при нас...

Это с нами вошло в поговорку...

Пастернак начинает с того времени, когда

Крепостную Россию
Нельзя
Не узнать на рисунке,
А рисунок
Зовется
Россиею после реформ.

На этом рисунке первое, что обжигает его глаза

Это — народовольцы,
Перовская,
Первое марта,
Нигилисты в поддевках,
Застенки,
Студенты в пенсне.
Повесть наших отцов
Точно повесть
Из века Стюартов,
Отдаленней, чем Пушкин,
И видится точно во сне.

Пастернак пишет о сентябрьской ночи, которая «задыхается тайною клада»

И Степану Хартурину
Спать не дает динамит.

о ночи, которая «простоит до времен Порт Артура», до тех пор, когда ему исполнится четырнад-

цать лет и он становится свидетелем, который

Грозу полюбил

В эти первые дни февраля,
в дни убийства Сергея Александровича.

Среди остальных прозаических произведений, напечатанных в «Пролетарие», следует отметить «Бегствующий остров» Всеволода Иванова и «Трансвааль» Константина Федина.

«Бегствующий остров» Вс. Иванова написан хорошо, крепко, талантливо, как все вещи этого писателя. После того, как «Серапионовы братья» распались и понемногу сошли на нет, один Вс. Иванов не сдастся еще, да и надо думать, не сдастся. Он преодолел угрожавший ему быт революционных трущоб, встал над ним. То впечатление, которое создавалось от некоторых его рассказов, — как будто не Иванов их пишет, а быт, при помощи Иванова, теперь стерлось.

Не плохо, но много слабее Ивановского «Бегствующего острова» — «Трансвааль» К. Федина. Рассказ несколько растянут, его герой, Вильям Сваакер, уместился бы и на меньшем количестве страниц, но тем не менее рассказ замечательный и читается с интересом.

Надо отметить, что «Пролетарий», несмотря на свое специфическое название, почти свободен от большевизмской политики, вносящей в литературные произведения надоедливый, подневольный оттенок.

А. Леонидов.

Комсомольский быт, — сборник составил И. Разин. С предисловием Е. Ярославского. (Изд. Молодая Гвардия. Москва — Ленинград. 1917 г.).

Когда читаешь исторические произведения или просто думаешь о прошлом, то больше всего хочется узнать, ощутить настоящую, теплую человеческую жизнь, которая должна была катиться за всеми описанными событиями: войнами, революциями, съездами и законами, жизнь, которая как то испаряется под руками большинства историков и которую удается изредка найти в произведенных гениальных писателей, да мемуарах бесхитростных рассказчиков. Сборник «Комсомольский быт» приоткрывает завесу над этими жизненными тайнами для тех, кто пожелает восстановить повседневную и обычную жизнь молодежи больших и героических лет русского народа.

И. Разин составил сборник из статей, рассеянных по журналам, отрывков из сочинений касающихся молодежи, всевозможных анкет, судебных протоколов и отчетов о жизни отдельных ячеек. Разделена книга на три части: 1) вопросы коммунистической этики и морали, 2) каким должен быть быт молодежи и 3) комсомольский быт, как он есть. Первая часть наименее интересна, так как содержит в себе основные заповеди коммунистической этики, которые можно найти в различных теоретических работах таких вождей, как Ленин и Бухарин. Иное дело вторая и третья часть, где собраны анкеты и документы. Прежде чем попытаться составить

себе картину жизни большей части русской современной молодежи, мы должны признаться, что как журналисты, так и составители книги были поистине беспощадны. Недостатки не только не скрывались, но, наоборот, всячески подчеркивались. Очевидно, бичевание имеет здесь педагогическое значение. Вопрос только в том, достигнет ли все это желаемых результатов, достаточно ли разумного слова, когда было столько неразумного дела.

Для всякого ясно, что молодой коммунист должен быть честным, стойким, не предаваться излишествам, подавать пример не коммунистической молодежи и т. д. В действительности оказывается, что во многих процессах, вызванных хулиганством, скверным обращением с женщинами и даже грабежами, не последнюю роль играют комсомольцы и рабфаковцы. Но и помимо крупных, наказуемых злодеяний, открываются за последнее время по ячейкам и организациям целые серии поступков, далеко не отвечающих намеченному идеалу. Насколько подобные факты разительны, можно судить по тому, что не только журналистика откликается на них обширными статьями, но и художественная литература начинает брать их, как темы. (Луна с правой стороны — Малашкина, Дневник Кости Рябцева — Огнева, Суд над пионером — Романа и т. д.).

Наиболее острыми вопросами являются сейчас — брачный и мещанство. Во втором, надо признать, есть не малая доля политики, если смотреть со стороны.

Я думаю, что завязка всех семейных, брачных и женских вопросов заключается прежде всего в их конфликте с коммунистическими воззрениями. Для коммуниста нет и не должно быть частных и личных попросов, а с этим многие из молодежи не хотят соглашаться. «Где сказано, что коммунист должен иметь одну жену»? А если не сказано, то можно их иметь три, четыре и больше, как это доказало дело Коренькова и Романова, убивавших и выгонявших своих жен ради перемены на новых. Это, конечно, крайности, но вот открываю наугад сборник, и читаю из статьи С. Смилович «О любви». — «Неблагополучие в области половой жизни широких слоев нашего пролетарского юношества стало почти общим местом. Молодежь, повидимому, полагает, что самый примитивный подход к вопросам половой любви и есть подход вполне коммунистический. При этом все, что выходит за пределы этой примитивной мерки, которая может быть вполне уместна для готентотов или для представителей еще более примитивно живущего первобытного племени, квалифицируется, как мещанство, т. е. чисто буржуазный подход к половому вопросу. Вот коротенькая схема того, как эта «идеология» в области полового вопроса, отнюдь не являющаяся действительным отражением глубоких экономических причин, претворяется в жизни:

1. Каждый комсомолец-рабфаконец и др., очень еще юный и безусый мальчик может и должен удовлетворять свои половые

стремления. Это почему то считается неоспоримой истиной. Половое воздержание квалифицируется как мещанство.

2. Каждая комсомолка-рабфакровка, просто учащаяся, на которую при этом пал выбор того или иного мальчика самца (откуда у нас на севере развелись такие африканские страсти, судить не берусь), должна пойти ему навстречу, иначе она мещанка, не достойная носить имя комсомолки, быть рабфакровкой, пролетарской студенткой». (268 стр.).

Конечно, результатом таких теорий могут быть с мужской стороны коллективные отцы, и с женской — советы вроде тех, что дала комсомолке Нина Вельт — преодолеть природу при помощи резиновых изделий.

Старая Санинская закваска сильно распространена среди современной молодежи. Телеграфисты, фельдшера и прочая полунинтеллигенция, стремившаяся показать себя во всем блеске своей «интеллигентности» при помощи граммофона, подслушанных и спутанных анархических выкриков и стихов: «хочу быть смелым, хочу быть дерзким», расцвела сейчас необычайно пышным цветком. Бесконечно прав Троцкий, говорящий, что одно дело политическая идея, а другое быт, ведь политика обогнала реальную жизнь на десятилетия, а в иных областях на столетия.

Что мои выводы не произвольны или не являются следствием моей непринадлежности к коммунистам, может быть доказано тем, что и сами коммунисты смотрят на это таким же образом.

Вот, что пишет все в том же сборнике А. Русанов: «В нашей родной речи к числу самых распространенных слов, вроде «согласовать», «связать», «констатировать» принадлежит и слово «мещанство».

Хорошее это слово — мещанство.

Когда то давно, какойнибудь уездный трагик Буремглов, или недоучившийся семинарист Веснушкин, пропахший винными испарениями, гденибудь в углу трактира, за доброй батареей бутылок, бил себя в грудь, громко рычал:

- Мещанство.
- Фантасмагория.
- Мещанство.
- Суета: сует.
- Мещанство». (348 стр.).

Кроме злостного мещанства, губящего жизни человеческие, есть еще и еще в большей степени «мещанство» юмористическое. Оно относится к преследованию чистоты, эстетики, вежливого обращения и подобных явлений. Главными врагами тут являются занавески на окнах, чистые полы, опрятное платье, бантик в косе у девушки. Но если доказательство передовых и революционных воззрений при помощи похабщины и всяких делишек под кустами ведет свою родословную от телеграфистов и семинаристов, то те же доказательства при помощи нечистоплотности и пренебрежения эстетикой более родовиты. Как ни печально, но они были именно у революционной интеллигенции. Оставим в стороне нигилистов, как слишком древний материал, и

вспомним хотя бы наших отцов и матерей, столь нападавших на нас за увлечение эстетикой, искусством и вообще красотой. Чем иным, как не борьбой именно с этой антиэстетической тенденцией было выступление хотя бы «Мира Искусства» или символизма в литературе. Еще совсем недавно считалось недостойным для мужчины следить за своим туалетом, сейчас это считается некоммунистическим ни для юноши, ни для девушки. Вот отрывок из письма о новом быте, письма написанного рьяным, но недалеким комсомольцем: «1. Вопрос о рукопожатиях. Необходимость борьбы с этим позорным явлением прошлого ясна для каждого молодого и сознательного ленинца. Мы ставим этот вопрос в плоскости:

а) Антисанитарии данного акта, как источника заразы. На руках могут находиться зародыши заразных болезней, как то: туберкулеза, ангины, крупозного воспаления легких, венерических болезней и т. п.

б) Строительства нового быта. Поскольку рукопожатия являются преступной выдумкой попов и буржуев, которым было выгодно заражать забитых рабочих и крестьян, мы с презрением должны откинуть этот метод.

2. О галстуках. Это есть не более и не менее, как отрывок прошлого. На вопрос о том, зачем ты носишь галстук, тот или иной бессознательный комсомолец со своей стороны базируется на том, что это охорашивает и что, в крайнем случае, это не так плохо, потому что галстуки но-

сили многие вожди рабочего класса.

Но я говорю: это есть карьеризм со стороны рядовых членов, когда они лезут в вожди. Они, как таковые, должны открывать шею солнцу, а не ходить как собачки в ошейнике.

С этим тесно связан и женский вопрос, к которому я и перехожу.

3. Об одежде комсомолок. Некоторые комсомолки стремятся одевать свое тело покрасивее, вешать на шею там разные бантики, шарфики, а на ноги стремятся надевать не сапоги, какие носит наш брат, а даже полуботинки на высоких каблуках. Спрашивается, почему вышеуказанные декорации, как говорит одна особа, в лице женорганизатора, которая однажды указала нашим девчатам:

— Вы не мешаньтесь... Тоже нарядились. А вот загните подошлы и вымойте пол в клубе. Тогда будете настоящими строителями светлого будущего.

4. Вопрос о любви. В этом пункте мы имеем влияние на некоторых членов союза разных стихов и другого хлама, которые сочинялись поэтами и прочими бумагомараками о том, что любовь есть украшение личной жизни, а не голое размножение, что она должна быть, как яркий букет хороших цветов и прочая там плешь. Между тем любви нет, а есть физиологическое явление природы, телячьи нежности тут не при чем.

Комментировать всю эту дикость, я думаю, излишне.

Н. Мельникова-Папоушкова.

«Русский Учитель за границей» — издание Объединения Русских Учительских Организаций за границей. Прага. 1927. Стр. 285.

Рассматриваемая нами книга рисует положение русских учителей в 15 европейских государствах и вместе с тем знакомит с положением русской школы за границей. В этом роде имеется уже книга «Русская зарубежная школа» В. В. Руднева, который, конечно, не мог располагать таким обильным материалом, как Учительское Объединение, издавшее эту книгу.

К сожалению, не все учителя поняли важность этого сборника: в некоторых государствах не нашлось для написания статьи ни одного русского учителя, которому, естественно, легче было бы обрисовать педагога и русскую школу в том государстве, где он сам живет и работает. Вследствие этого самому Объединению, в лице В. Грабовского и Н. Новожилова, пришлось восполнить многие пробелы. Так, например, В. Грабовский должен был написать шесть статей, а Н. Новожилов — три, пользуясь данными Объединения. Из этого ясно, как было трудно Учительскому Объединению собрать такой огромный материал.

Нам кажется, что Учительское Объединение, обращаясь за статьями к русским учителям разных государств, должно было выработать некий общий план этих статей и тогда не получились бы той разнородности материала, какой наблюдается с одной стороны в статьях о Польше и Германии, с другой — о Латвии.

Авторы статей о Польше и Гер-

мании крайне узко поняли свою задачу, тогда как автор статьи о Латвии, на наш взгляд, поступил более правильно. Ведь нельзя же, говоря об учителе, или не говорить совершенно о школе, как в статьях о Польше и Германии, или давать только статистический материал о ней, не касаясь жизни школы, как это имеет место в статьях о Чехословакии, Болгарии и др. Без этого нельзя составить себе понятие и о духовной физиономии учителя в эмиграции. Почему то авторы статей этот вопрос старательно обходят; две только статьи, о Югославии и Манджурии, кое что дают в этом отношении.

Особо хочется отметить статью о Бессарабии. Хотя и она не прислана с места, но имеющийся в ней материал ярко подчеркивает возмутительное отношение румынского правительства к русской национальности, как к меньшинству.

Огромный труд Учительского Объединения по собиранию материалов и составлению сборника представляет собой несомненно весьма ценный материал, и каждый, кто интересуется русской школой за границей, обязан с ним познакомиться. Издана книга очень хорошо.

В конце ее имеется приложение, в котором излагается деятельность Объединения русских учительских организаций за границей.

Из этого отчета видно, каких трудов стоило организовать рус-

ское учительство, разбросанное по всей Европе. Ведь известно, что русские учителя средних школ, за весьма малым исключением, далеки были от профессиональных союзов еще в России. Главной силой в Всероссийском Учительском Союзе были учителя высших школ. В эмиграции же находятся преимущественно учителя средних школ. Поэтому работа, сделанная Объединением, получает еще большее значение.

В заключение отметим некоторые факты, указания на которые имеются в сборнике.

В эмиграции имеется много опытных учителей, которым не удалось устроиться по своей специальности. Оказывается, что в одной только Югославии (стран. 48), занимают учительские места 39 человек, никогда раньше в России этим делом не занимавшихся. И эта ненормальность наблюдается не только в Югославии, но и в других странах. Не обязанность ли местных учительских союзов, а также и Учительского Объединения бороться с подобного рода явлением? Подходят - ли кадровые воспитатели кадетских корпусов, а также кадровые воспитательницы институтов (Благодородных девиц (увы, и такие институты еще существуют в Сербии) для воспитания подрастающего русского поколения? Нам кажется, что на это может быть дан только один ответ.

В. Р.

Le gérant: *Rossel-Chiot.*

Imp. de la Société Nouv. d'Éditions
Franco-Slaves, 32, rue de Ménilmontant
Paris (20e)

**РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ**

J. POVOLOZKY & CIE 13, RUE BONAPARTE PARIS VIe

ВСѢ РУССКІЯ И ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ

ОТКРЫТО БЕЗЪ ВЕРЕНІЯ СЪ 9го ДО 7^{веч.} Tél.: Fleurus 42-04

Chèques postaux - Paris 196-32

R. C. Seine 242-186 B.

Фирма основана в 1910 г.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

журнала

„ВОЛЯ РОССИИ“

Для ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, БЕЛЬГИИ, ИТАЛИИ, ПОЛЬШИ;
и ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Собственные издания на Русском и Французском языках. Все зарубежные издания. Все Книги Советской России. Детские книги. Учебники. Словари и самоучители иностранных языков. Ежемесячные бюллетени всех французских изданий. Каталоги высылаются бесплатно.

— А Н Т И К В А Р И А Т —

ВСЕ КНИГИ ПО ИСКУССТВУ. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДАНИЯ
НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

J. POVOLOZKY & CIE

EDITEURS

13, rue Bonaparte, PARIS (VIe)

БЮРО ТРУДА в Праге

Praha II, Rumunská c. I, Zemgor

БЮРО РЕКОМЕНДУЕТ

Зарегистрированных у него безработных русских промышлен-
ных и сельско-хозяйств. рабочих, а также интел. работников:

инженеров, врачей, кооператоров,
педагогов, юристов, художников,
бухгалтеров, торговых агентов
и т. д.

с большимъ практическим стажем

Бюро Труда «ЗЕМГОРА» также оказывает содѣйствие рус-
ским эмигрантам по переезду на работы в другія страны.

Издан. Акц. Общ. Печат. Дела «САЛАМАНДРА»
Latvija Riga L. Kalēju iela 43.

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

„ПЕРЕЗВОНЫ“

выходит 1 раз в месяц

СОТРУДНИКИ: М. А. Алданов, Мих. Арцыбашев, К. Д. Бальмонт,
Н. Г. Бережанский, проф. Бердяев, И. А. Бунин, Н. Н. Белоцветов,
Ю. Галич, Г. Гребенщиков, О. Далматова, А. Даманская, Дон-
Аминадо, Бор. Зайцев, (ред. литер. отдела), Евг. А. Зноско-
Боровский, А. И. Куприн, Вл. Лодыженский, Ив. Лукаш, Д. С.
Мережковский, С. Р. Минцлов, проф. Н. И. Мишеев, Мх. Осоргин,
А. М. Ремизов, Н. Родин, Н. А. Тэффи, Л. Столица, И. Сургучев,
В. Ф. Ходасевич, А. Черный, Евг. Н. Чirikов, Марина Цветаева,
И. Шмелев, Сем. Юшкевич, А. Федоров, Худ. акад. Н. П. Богданов-
Бельский, акад. С. А. Виноградов, А. М. Прандэ (ред. худ. части),
Ю. Г. Рыковский и друг.

В каждом ном. 4 цветных репродукции, много иллюстр. в тексте.
Обложка раб. М. Добужинского.

Цена ном., начиная с № 14 — в Латвии 50 руб., за границей 25 ам. цент.